

СЕРДЦА,
ОТДАВШИЕ
СПОРТУ

**ДВАДЦАТЬ
ЖИЗНЕЙ
ШАВАРША**

**Вадим
Лейбовский**

Когда серебряные трубы
возвещают победу,
они зовут на пьедестал
не только победителя,
они славят СПОРТ:
разум и силу,
мужество и волю,
верность, отвагу и честь;
они славят ЛЮДЕЙ,
отдавших сердца спорту,
зовущих своими делами,
своим примером
на жизненный подвиг.

Сердца, отданные спорту

Вадим Лейбовский

ДВАДЦАТЬ ЖИЗНЕЙ ШАВАРША

Москва
«Физкультура и спорт»
1988

ББК75.717.91

Л42

Рецензент С. Н. Токарев

Фото И. Гаврилова, В. Лейбовского, О. Макарова, ТАСС.

Лейбовский В. В.

Л42 Двадцать жизней Шаварша. — М., Физкультура и спорт, 1988. — 320 с. ил. — (Сердца, отданные спорту).

В документальной повести рассказывается о жизни и подвиге Шаварша Карапетяна, заслуженного мастера спорта, многократного рекордсмена мира, чемпиона Европы по подводному плаванию.

За спасение жизней двадцати человек Шаварш Карапетян был награждён орденом «Знак Почёта». В 1986 году его именем была названа одна из малых планет Солнечной системы. Он избран Почётным гражданином города Еревана.

Для широкого круга читателей.

Л $\frac{4202000000 - 009}{009(01) - 88}$ 53 – 88

ББК75.717.91

© Издательство «Физкультура и спорт», 1988

ОТ АВТОРА

Сегодня этого человека знает вся страна.

Нескончаемым потоком идут к нему письма. На большинстве конвертов слова: «Ереван. Шаваршу Карапетяну». Эти письма всегда находят своего адресата.

«Узнавая про таких, как вы, хочется самому быть лучше, добрее, чище. Хочется делать жизнь с вас. Спасибо за то, что вы есть...»

Нет числа этим письмам.

Долгое время его имя было известно, пожалуй, только людям, интересующимся спортом. В середине семидесятых годов в газетах нередко появлялись сообщения о победах Шаварша Карапетяна на европейских и всесоюзных чемпионатах по скоростным видам подводного плавания, о его мировых рекордах. Потом о нём перестали писать — он ушёл из спорта.

А в ноябре 1982 года в «Комсомольской правде» появилась статья «Подводный бой чемпиона», рассказавшая об удивительном поступке Шаварша, о мужестве, проявленном не на водной дорожке плавательного бассейна. Мчавшийся по берегу ереванского водохранилища переполненный троллейбус неожиданно резко свернул вправо и, рухнув с высокой дамбы, ушёл глубоко под воду. Оказавшийся поблизости Карапетян бросился на помощь пострадавшим и спас двадцать человек. Ему помогал брат Камо, тоже известный мастер подводного плавания.

Это событие и легло в основу книги. Причём, работая над ней, я узнал и о других чрезвычайно экстремальных ситуациях, с которыми её герою приходилось сталкиваться. Их было столько, что могло сложиться впечатление о каком-то злом роке, предопределённости, жестокости судьбы, которая нет-нет да и предлагает Шаваршу новые испытания. Он выходит из них достойно.

Когда я уже работал над книгой, в Ереване, в только что выстроенном спортивно-концертном комплексе «Цицернакаберд» вспыхнул пожар, подобного которому республика не видела много лет. Шаварш Карапетян оказался среди самых первых добровольцев, вступивших в ожесточенную борьбу с огнём. Он вновь рисковал жизнью.

Стремясь лучше узнать и понять Шаварша Карапетяна, я постепенно убеждался в том, что формирование и становление его как личности глубоко закономерно. Он вырос среди сильных и добрых людей, он воспитан на героической истории своей родины, своего народа.

Многие люди пишут, что подвиги Карапетяна соизмеримы с самыми сильными проявлениями человеческого духа во времена Великой Отечественной войны. Мы знаем, что эта война была выиграна прежде всего благодаря массовому героизму нашего народа, порождённому верой человека в правоту защищаемую им дела.

Так вышло, что о подвигах Шаварша стало широко известно. Но этого могло и не случиться. О многих замечательных поступках наших современников мы не знаем, потому что они просто не стали достоянием журналистов, писателей, общественности. Даже повседневная жизнь порой предлагает людям настоящие испытания духа, воли. Гражданственность — это не только любовь к Родине, готовность защитить её в трудный час. Это и НЕБЕЗРАЗЛИЧИЕ к несправедливости, к чужому горю, к чужой беде. СОСТРАДАНИЕ. СОУЧАСТИЕ. Но не пассивное, не созерцательное, а активное, действенное — естественное воплощение определённой жизненной позиции.

Пожар вместе с Шаваршем тушили, рискуя жизнью, многие добровольцы. Дворец восстанавливала буквально вся республика. Не пройти мимо беды — так нас воспитывали.

В огне четвёртого блока Чернобыльской атомной станции прожили самые страшные и самые благородные минуты своей жизни десятки людей в пожарной форме, каждый из которых конечно же хотел проснуться завтра живым и невредимым, каждый помнил о своей семье, о детях и родителях. Большинство из них прекрасно сознавали истинную цену опасности, которую таил в себе уже не «просто» огонь, а смертоносные лучи. Но никто из них не усомнился в необходимости заслонить собою всех нас от беды. Спасти Жизнь. К месту аварии прибыло около восьмидесяти машин — более чем необходимо, и задача уже состояла в том, чтобы ограничить доступ в опасную зону, свести к минимуму боевые потери. Но все пожарные рвались в бой. Это установлено документально — все до единого. Это был массовый героизм.

Через несколько дней после гибели парохода «Адмирал Нахимов» я вылетел в Новороссийск. Два дня провёл на спасательных судах, видел работу водолазов. Они трудились в тяжелейших условиях, отчаянно рискуя собственной жизнью, добавив к числу четырёхсот жертв две своих. Казалось бы, зачем эти жертвы? Во имя умерших? Нет, люди погибли во имя живых. Как солдаты, которые не бросали раненых перед стеной шквального огня. Как восходители, которые поднимались в далёкие памирские выси, чтобы похоронить в тёплой земле семёрку отважных альпинисток группы Эльвиры Шатаевой. Потому что люди живы своей сопричастностью. Оттого и жив пока род людской.

Мы привыкли считать экстремальной ту ситуацию, от исхода которой зависит чья-то жизнь. Эта ситуация предъявляет человеку самый высокий счёт, отмеренный ценой его собственной жизни. Но такие ситуации редки. Однако в кажущемся спокойствии повседневности нет-нет да и возникают те, что, не бросая тревожные блики пламени вокруг, всё же предъявляют человеку счёт не менее высокий — счёт чести. Подчас они не так заметны, признаки героизма в них не броски. Случается, поступки совершают в кабинетной тиши, на деловом совещании. Молча, неприметно...

Разве не такова вся жизнь одного из руководителей казахстанского совхоза Акчи Ивана Никифоровича Худенко, который создал на полупустынных, брошенных землях высококорентабельное хозяйство? Который малыми средствами и затратами создал и внедрил высокопродуктивную технологию земледелия и кормопроизводства, добившись в несколько раз более высокой, чем во всей республике, производительности труда. Который молчаливым укором явился перед растревоженным партийно-хозяйственным руководством Казахстана, потому что наглядно показал, как можно и нужно работать. Которого пытались образумить, заставить шагать пусть вяло и нестройно, но в ногу со всеми. Который не сдался и продолжал делать своё дело даже тогда, когда почувствовал угрозу скорой расправы. Который умирал осуждённым, всё равно веря, что истина всегда выше и сильнее несправедливого наказания. Который не знал, что всё расставит по своим местам XXVII съезд КПСС, но не сомневался в том, что такой съезд будет.

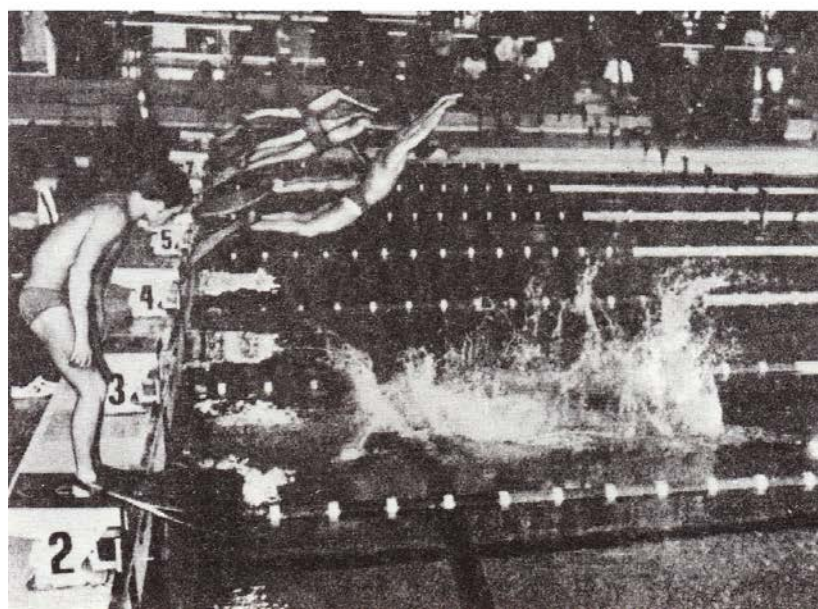
Разве не стоял перед лицом экстремальной ситуации следовательно по особо важным делам Управления внутренних дел Мосгорисполкома В. И. Олейник, осмелившийся сразиться с целым кланом Главного управления торговли Москвы во главе с В. П. Трегубовым? Это была мощная, разветвлённая сеть, поглощавшая многомиллионные суммы, душившая любое слово правды. Следовательно рисковал не только должностью и репутацией, он рисковал жизнью. В его доме то и дело раздавались телефонные звонки, в которых то звучали угрозы, то предлагались баснословные взятки. Уволили с работы его жену. Шансов победить у Олейника было немного, но он победил. Кто усомнится в том, что Олейник бросился

бы ради спасения человека в воду или в огонь? Такие люди выражают действенность своей жизненной позиции всегда и во всём.

Кто сейчас не знает одного из лидеров мирового конькобежного спорта Олега Божьева и его тренера Бориса Васильковского? Но мало кому известно, каким гонениям подвергся их творческий союз во времена безвестности будущего чемпиона мира. У Васильковского расформировали группу сильнейших многоборцев страны потому, что он работал по не санкционированным свыше методическим принципам. Попытка решить подобным «силовым» приёмом судьбу Божьева натолкнулась на его твёрдость, на верность своему тренеру, верность самому себе. Васильковского пытались заставить работать по указке — не вышло. Божьева не включали в состав сборной страны, не посылали на самые ответственные международные соревнования даже тогда, когда он был бесспорным лидером. Ему отказывали в высококачественном инвентаре. Они устояли, они победили. Всех их — и Карапетяна, и Худенко, и Олейника, и Божьева, и Васильковского отличает способность на поступок. Поступок без оглядки на обстоятельства. С риском для себя.

Конечно, судьба Шаварша Карапетяна среди всех других кажется фантастической. Но поверьте мне, он такой же смертный, как и мы с вами. Только, как говорится, крепко сложен и правильно воспитан. Так же, как любому из нас, ему свойственны колебания, сомнения, ошибки и даже страх. Но это человек, у которого никогда не проигрывает воля.

Хочу поблагодарить всех, кто помогал мне в работе над книгой, а особенно ереванского журналиста Сергея Вартаняна.

Париж, 1975 г. Чемпионат Европы. На 4-й дорожке — Ш. Карапетян

*Москва, 1972 г. Шаварш (вверху крайний справа)
среди участников чемпионата Европы
Внизу: рядом с Шаваршем его тренер Л. Алмасамян*

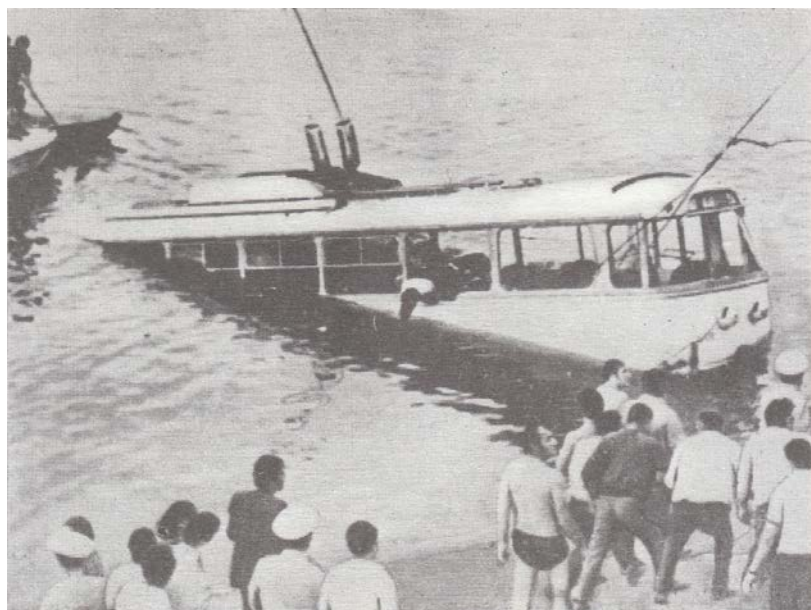
Владимир Самсонович Карапетян с наградами сыновей

*Большая и дружная семья Карапетянов
Шаварш и Каро, сын Камо*

*Братья Карапетяны: Камо, Шаварш, Анатолий
Оба брата мечтали о профессии следователя.
В жизни Камо эта мечта сбылась*

*Ереванское водохранилище.
Через 44 минуты после катастрофы*

*А. К. Карапетян: «Мне кажется,
что это произошло только вчера...»*

Иван Гусев: «Я стал вспоминать мать. Сколько раз просил её приехать к нам погостить, ведь она так и не видела внучку. И вот я думал теперь о том, что больше не увижу ни мать, ни дочь... Я захлёбывался и потерял сознание. Последнее, что осталось в памяти: кто-то сильно схватил меня за голову».

Евдокия Курт, жена И. Гусева: «Нам с мужем стыдно за то, что мы не искали человека, который спас нас и многих других. Нам было страшно вспоминать трагедию. Однако это лишь объяснение, но не оправдание... Теперь Шаварш, его жена и родители — самые дорогие для нас люди».

Мартын Крпеян: «Я не знаю, кто меня спас, мне нет до этого дела. Мне тяжело жить и работать. Я рассчитывал на получение пенсии по инвалидности. Но комиссия мне отказала... Почему я должен искать какого-то спасителя, если не хотят помочь мне?»

Жанна Аветисян: «Я не видела человека, который спас меня, ведь он тащил меня, обхватив сзади, но хорошо запомнила его руку — сильную мускулистую руку... И вот спустя несколько лет, когда я узнала о подвиге Шаварша Карапетяна, увидела его в газетах и по телевидению, я сказала маме: “Это он!”»

Ерануш Оганесян: «Последнее, что помню, — крик моей Гоар. И тут я потеряла сознание. Очнулась на берегу... Какой-то юноша нырял вглубь и вытаскивал людей. Я стала кричать ему, умолять, чтобы он спас мою дочь. Я вошла в воду и едва не бросилась туда, к лодкам, хотя плавать не умею».

Эдик Авакимян: «...И вдруг я очнулся и обнаружил, что меня кто-то крепко схватил и куда-то тащит. Кажется, я снова потерял сознание. Потом очнулся вновь, уже на поверхности. Скажу честно: не искал я своего спасителя. Я человек добрый, жена подтвердит. И умею быть благодарным. Но мне страшно вспоминать всё это! Столько лет прошло, и теперь знаю, что этот страх — на всю жизнь».

Левон Испирян: «Через шесть лет после трагедии я прочитал про Шаварша Карапетяна в газете. И увидел его портрет. Да, это был он, я хорошо запомнил его лицо. Я никогда о нём не слышал, хотя он был знаменитым спортсменом, просто я не интересуюсь спортом. Я хорошо помню, как он спасал людей, как помогал вытаскивать троллейбус».

Юрий Титирян: «Я вдруг вспомнил, чему нас учили в армии: если танк погружается в воду, нужно дожидаться, чтобы вода заполнила всё пространство, тогда легче будет выплыть... Наверное, я не дождался, потому что мне удавалось дышать... Под крышей салона воздух оставался всё время... Когда я уже весь был полон воды, кто-то схватил меня сзади и вытащил... Дальше всё снова смешалось в памяти».

Тереза Согомонян: «Вскоре я узнала, что нас спасал какой-то парень. Мой брат Альберт обращался в газеты “Авангард”, “Вечерний Ереван”, в прокуратуру. Но ему отвечали: “Вас спасали все”. Потом из “Комсомольской правды” я узнала имя этого парня. С тех пор Шаварш самый дорогой для нас человек... Приезжаем к Шаво на день рождения. Ну а мой день рождения отмечаем теперь 16 сентября».

Арутюн Алоян: «Меня никто не спасал, меня спас бог. Я сидел на берегу и смотрел, как оттуда на берег привозили людей. Им здесь оказывали помощь. Но некоторые были мертвы... Я видел, как вытащили троллейбус... Я всё сидел и долго не мог прийти в себя... Я ничего не понимал».

Эмма Акопян: «Нет, я не искала своего спасителя, даже не пыталась узнать, кто он. Прошло уже больше десяти лет, а я по-прежнему не могу подойти к тому озеру. Когда я занималась спортом, Шаварш Карапетян был для всех нас кумиром и мы с ним даже были немного знакомы. И только в 1982 году я узнала, что спас меня именно он. Я благодарна ему всей своей жизнью».

Прорвавшийся сквозь плотное оцепление Владимир Самсонович Карапетян стоял на берегу и каждый раз уходил с Шаваршем под воду... Молчание отца было как благословение. Оно было страшнее и громче предсмертного крика

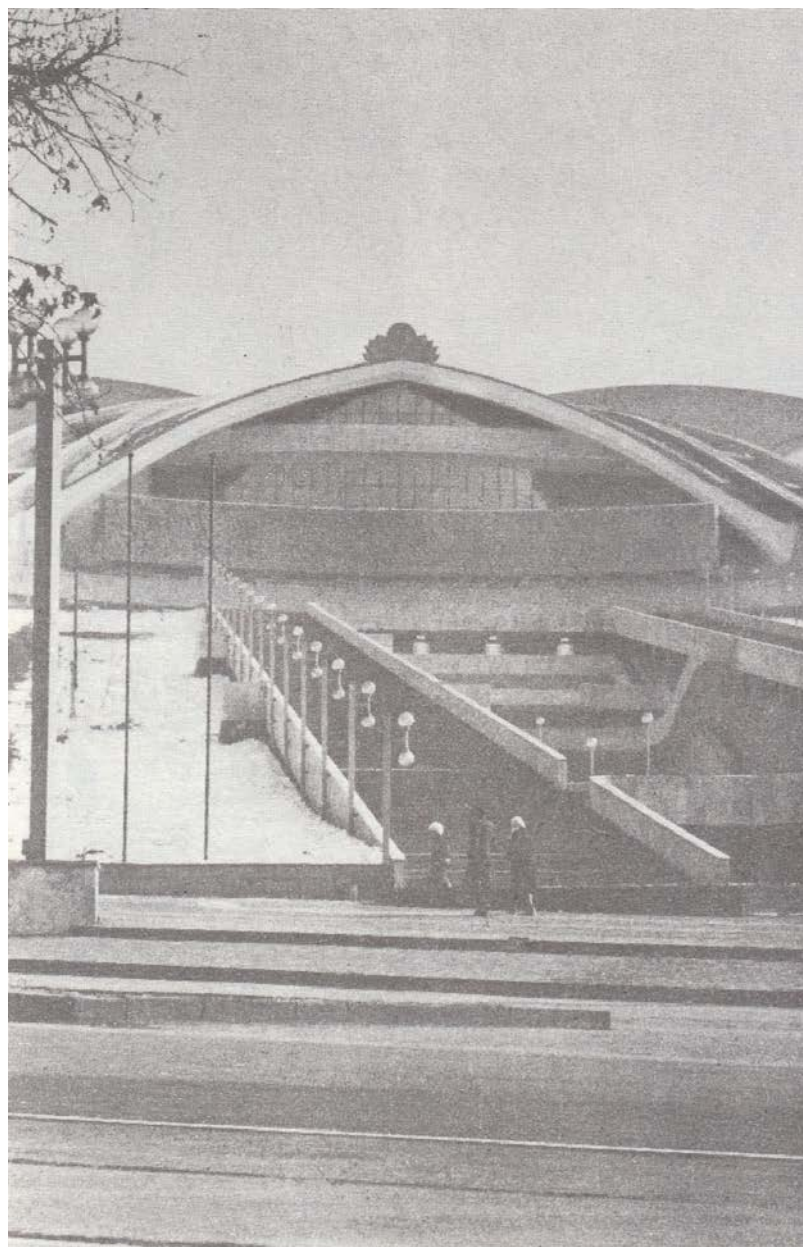
Ш. В. Каракетяну
(героя, ставшему 20 летним)
11/2. Ереван

Большому Человеку
Писателю Ш. В.
ВИА
Армянская ССР
Ереван
Куда ЦК ДОСААФ
Самому прекрасному
Человеку в Армении
(и не только в Армении)
Кому Каракетяну
Шаварши Р.
Ереван,
Герои Советского
Союза
Каракетяну
Шаварши

ПОЧТА 2
43 ДН
75!

до

Таких писем — десятки тысяч

Так выглядит восстановленный после пожара спортивно-концертный комплекс «Цицернакаберд» — гордость Еревана. В 1987 г. создатели комплекса выдвинуты на соискание Государственной премии СССР

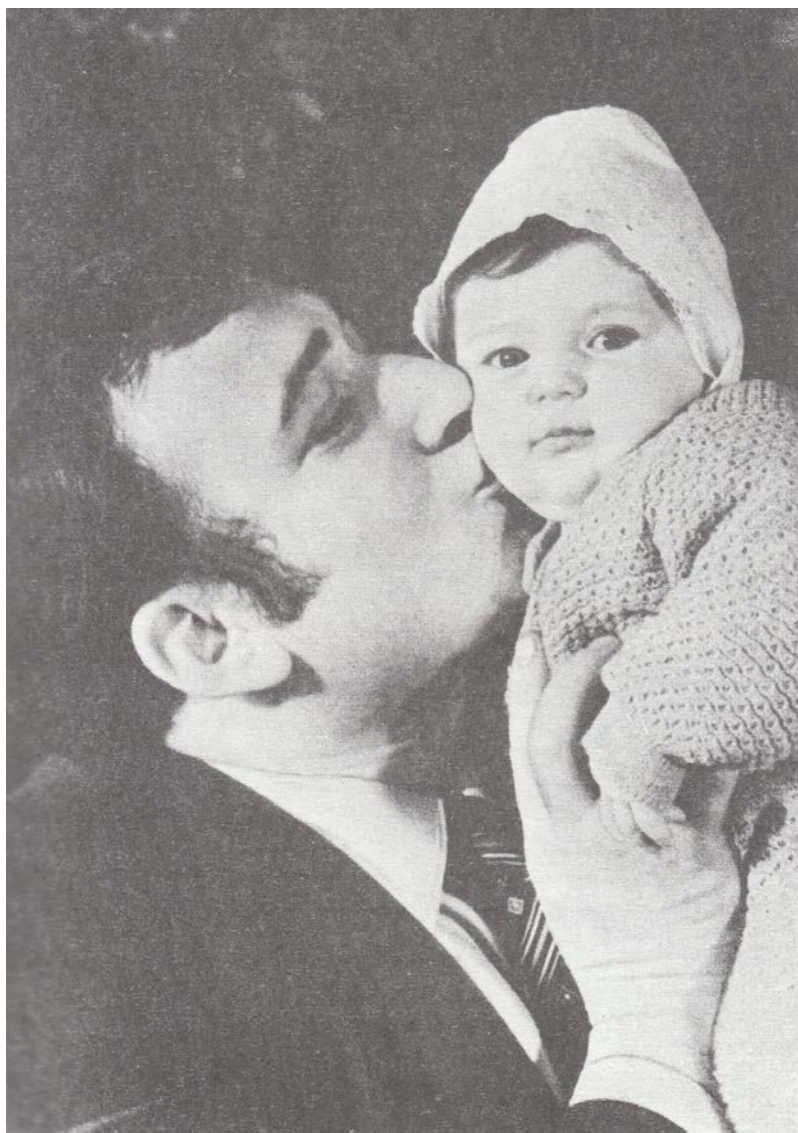
Шаварш в гостях у спасённых.

Вверху — у И. Гусева и Е Курт. Сын Эдик родился в этой семье после трагедии.

Внизу — с Терезой Согомонян и её сыном Мамвелом

Шаварш, Нелли...

и их старшая дочь Лусинэ

«Шаваршевцы» из 150-й ереванской школы

*Шаварш не произносит назидательных речей,
он воспитывает примером своей жизни*

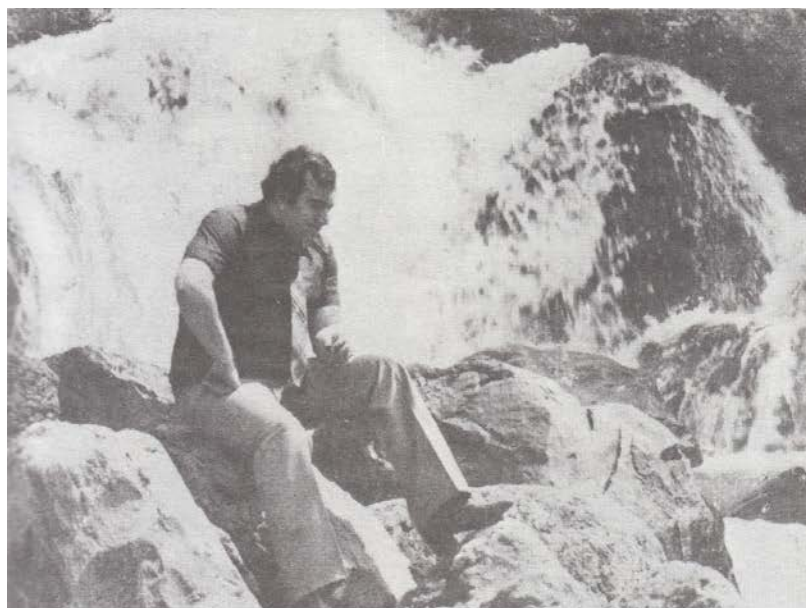
*Бывший пациент
В гостях у юных спортсменов*

Шаварш и его брат Анатолий на тренировке

*Встреча с учащимися 550-й московской школы
Харьков. В гостях у воинов*

В мастерской у скульптора Левона Токмасына

Беседа с аргентинским журналистом

В Эчмиадзине

*Асмик Карапетовна и Владимир Самсонович
на месте трагедии*

О, хотя бы однажды возлюбить другого больше, чем самого себя! Почему бы этому откровению не стать рычагом, который приподнимет мир? Почему бы отрешённо от самого себя не послужить точкой опоры для создания нового мира, который мы будем заселять и расширять, покуда не возлюбим его больше самих себя?

Айрис Мэрдок

Глава 1. УЙТИ НЕПОБЕЖДЁННЫМ?

Ну вот, кажется, всё. Он решил.

Он всегда хорошо знал истинную цену себе, знал, на что годится и чего может от себя ждать. И теперь ехал в Пикалёво на чемпионат страны 1981 года не побеждать, а только поддержать команду Армении. А ещё — чтобы обозначить веху в своей жизни, поставить точку, сказать себе и всем: «Я ухожу». Для него это означало лишить себя предательского соблазна вернуться.

Шаварш знал таких, кто, однажды уйдя, всё-таки возвращался. Он не осуждал их. Но не понимал. Видел в этих поступках только малодушие. И всё же не осуждал. У каждого своя жизнь. Свои принципы. У него — свои.

Он давно знал, что уйдёт сразу, бесповоротно. И — своевременно. Знал и другое: не раз будет просыпаться в нём былая страсть швырнуть себя в прозрачную гладь воды, он будет скучать по сумасшедшему предстартовому стуку крови в висках, выстрелу пистолета, гулу на трибунах. По ломящей усталости в натруженном теле, которая в какой-то момент растворяется в воде, и ты вдруг постигаешь удивительную, радостную лёгкость, ощущаешь упругость, взрывную силу в каждой мышце.

Нет-нет... это ощущение не посещало его ума давно. В одну воду два раза не войти. Любовь не возвращается... Впрочем, любовь не уходила, она осталась в памяти, в душе. Но в согласии с телом она больше не жила.

Оба младших брата Шаварша перестали выступать ещё раньше. Толик приехал на эти соревнования старшим тренером команды, а Камо и вовсе было не до спорта. Он закончил институт, работал теперь в уголовном розыске, а в редкие свободные часы его целиком поглощали дела семейные — как-никак двое малышей. Вот и получалось, что последним с дорожки уходит старший брат.

В нырянии Шаварш оказался шестым, а на своих некогда любимых 100 метрах с аква-лангом — девятым. Уступил многим молодым. Плыл, конечно, в полную силу, но сама сила была не той, что прежде.

Многие уже знали, что эти соревнования для него — последние. Во время торжественного закрытия чемпионата диктор объявил об этом по радио. Перечислил титулы и звания Карапетяна: «Десятикратный рекордсмен мира, тринадцатикратный чемпион Европы, семикратный чемпион СССР, победитель многих крупнейших международных соревнований». Сказал, что выступал он на водной дорожке десять лет. И попросил его подняться на пьедестал почёта. В последний раз. К Шаваршу подходили тренеры, судьи, недавние соперники. Среди них и совсем молоденькие, многих он даже не знал.

И вот все разошлись. Опустел бассейн, разгладились последние круги на воде. Шаварш

сидел на трибуне почти под самой крышей, ему не хотелось, чтобы кто-то из знакомых увидел его и окликнул, позвал в гостиницу. Ему сейчас нужно было остаться одному.

Он подумал о родителях: «Хорошо, что они не приехали на этот раз...»

Где же это было? Ну да, в Днепродзержинске, на зональных соревнованиях Кубка страны. Они стояли втроем на пьедестале — он, Камо и Толик, и вдруг диктор произнёс:

— Дорогие товарищи, мы сейчас имеем счастливую и редкую возможность видеть на пьедестале почёта всесоюзных соревнований трёх родных братьев, трёх мастеров. Но давайте поздравим не троих, а пятерых Карапетянов. Из Еревана приехали родители Шаварша, Камо и Анатолия — Владимир Самсонович и Асмик Карапетовна...

Раздались шумные аплодисменты. Сосед отца по трибуне подтолкнул его, он встал и расплылся в широкой ликующей улыбке. А мама — она так и осталась сидеть, словно ничего не понимая. Да, она всегда ездила вместе с мужем туда, где выступали сыновья, и, когда раздавался выстрел стартового пистолета, мама будто каменела, сидела, крепко ухватив руку мужа и отвернув лицо от воды. Владимир Самсонович осторожно гладил её руку, желая успокоить, и ровным голосом вёл для неё «репортаж». Когда Шаварш выходил из воды, он прежде всего находил взглядом родителей и посылал маме воздушный поцелуй.

Как хорошо, что они не приехали в Пикалёво. Не видели его бессилия.

Вспомнилось Шаваршу и ТО поражение. Уж столько лет минуло, а оно жгло всё так же. От поражений не застрахован никто, но это было особым. Потому что оно было намеренным, заведомым, договорённым. Перед стартом к нему подошёл один тренер и после долгой прелюдии о высоких человеческих качествах Шаварша, о его доброте, отзывчивости, великодушии попросил ни много ни мало, как проиграть его ученику: «У тебя, Шаво, и так побед предостаточно, а у него, сам знаешь, дела в последнее время не ахти. Так что надо бы поднять парню моральный дух, а заодно и престиж. Да к тому же ему недавно квартиру пообещали».

Шаварш поморщился, но всё же согласился, решив, что отказать в такой просьбе неблагородно. И проиграл. Триста девяносто метров плыл впереди, да ещё с преимуществом в два корпуса, а потом взял и остановился. «Победитель» же, выйдя из воды, поспешил в раздевалку. Как видно, от стыда. Но ещё больший стыд испытывал сам Шаварш. Да не стыд, а скорее брезгливость к самому себе: ведь сыграл же, сыграл он сам в грязную игру!

Вернувшись в Ереван, рассказал обо всём отцу, тайн между ними никогда не было. Отец сказал: «Я был о тебе иного мнения. Тряпка ты, оказывается». Липарит Алмасакян, тренер Шаварша, на те соревнования приехать не смог, задержали семейные дела. С ним тоже пришлось тогда налаживать отношения.

Все эти годы Шаварш думал: «Неужели парню не жжёт руки та медаль?» Сегодня парень подошёл:

— Прости меня за ту историю.

— Ну да ладно, чего уж теперь...

Четыре с половиной года прошло после трагедии на водохранилище, а он всё ещё не мог прийти в себя. Никто так и не узнал, что ускорило его уход с дорожки. С кашлем он ещё как-то справлялся. Хуже было другое — не проходила неприязнь к воде. Душа рвалась в бой, горела, но даже тёплая вода бассейна тут же охлаждала её, приводила в уныние. Против этого он был бессилён.

С трагедии на водохранилище начался и разлад с тренером. Непонятно, несправедливо, даже нелепо было то, что он разошёлся со своим Липо, человеком, которому был обязан всем, который знал и понимал его, быть может, лучше, чем даже отец. Липо так и не захотел понять состояния Шаварша. Ладно, если б не смог — не захотел...

Мрачная осень семьдесят шестого снова возникла в памяти. После истории на водо-

хранилище Шаварш полтора месяца провёл в постели. Прошло ещё полтора месяца — Шаварш в бассейне не появлялся. А Липо, как только Шаварш поднялся с постели, перестал его навещать — видимо, ждал, когда тот сам явится и они начнут снова работать. Может быть, тренер и был прав: без желания и азарта нечего и начинать, нечего и думать о том, чтобы выйти на уровень высших результатов, средние же их обоих не устраивали никогда.

Всё решил пустяковый эпизод. Как-то он шёл по улице вместе с другом детства Левонном Карапетяном и встретил знакомых ребят — гребцов на байдарках, членов сборной команды республики. Раньше виделись часто, ведь подводники Алмасакаяна проводили кроссовые тренировки около водохранилища, где тренировались байдарочники. Ребята, конечно, знали о болезни Шаварша, трагедия произошла у них на глазах. Однако лишних вопросов задавать не стали, поговорили о том о сём, пожалели руки и разошлись. И тут Левон, искоса взглянув на Шаварша, с удивлением увидел, как тот помрачнел.

— Шаво, что случилось? Они сказали тебе что-то обидное?

— Нет, Левон, ничего не случилось. Это хорошие ребята... Скажи, Левон, ты знаешь, что такое рукопожатие спортсмена? Не знаешь? Ты же сам был мастером спорта по самбо. Ты не знаешь потому, что никогда не обращал на это внимания. Я сейчас пожал руки этим ребятам и ощутил крепость их мышц. И крепость духа. Руки у них горячие. А у меня — на, потрогай... Кто я сейчас? Пенсионер. Мне только 23 года, а я уже пенсионер. Нет, Левон, надо что-то делать...

«Надо что-то делать!» — с этой мыслью он теперь просыпался каждое утро и с ней засыпал.

«Надо что-то делать!» — вопрошающе смотрел на него отец, так и не решаясь что-либо произнести.

И вдруг позвонил Левон:

— Знаешь, Шаво, я уже забыл, что такое спорт. Совсем размяк, превратился в тряпку. Надо что-то делать, я это понял. И решил начать бегать. Но одному и скучно, и трудно. Нужен сильный партнёр. Может быть, возьмёшься за меня?

Шаварш усмехнулся. Легко было понять, что Левон думал не о себе, а о нём. Именно ему, Шаваршу, нужен был толчок, импульс, нужен был хороший партнёр.

Трёхмесячный перерыв для опытного спортсмена не столь уж и страшен: накопленный годами запас выносливости и силы не исчезает сразу. После травм, болезней спортсмены восстанавливаются обычно быстро. Но ситуации Карапетяна спортивной медициной описана не была. Ведь кроме болезней внутренних органов он переживал сильнейшую психическую травму, из которой выйти гораздо труднее. Всё дело в том, что травму эту он получил в воде — в той же среде, где тренировался и выступал.

Начав бегать, Шаварш понял, что, сколь ни тяжело это будет, но скоро он придёт и на тренировку в бассейн. Однако как начинать там работу? Шаварш понимал, что ему предстоит борьба с самим собой. Борьба такая, какой он пока не знал.

Когда он впервые прыгнул в воду, тело сразу же свело судорогой, хотя температура воды была, как и положено, 28 градусов. Он вышел на бортик и присел на скамейку. Липо не спросил, в чём дело, даже не подошёл. Шаварш понял, что сидеть и ждать нельзя. Снова прыгнул в воду, на сей раз она приняла его более милостиво, он сделал несколько гребков, потом ещё. Почувствовал нарастающее головокружение, нужно было опять выплывать и сохнуть. Минут через пять он прыгнул вновь, решив преодолеть всю длину бассейна. Он плыл этот отрезок как финиш четырёхсотметровой дистанции: ещё гребок, ещё немного... дотерпеть, дотерпеть.

В этот день он проплыл восемь таких отрезков. Липо наблюдал всё так же издали и молча, пока, наконец, не сказал:

— На сегодня хватит, больше нельзя.

На следующий день Шаварш не тренировался, ему нужно было прийти в себя. А ещё через два дня они с Липо наметили ближайшую цель — выступление в Баку на Кубке СССР.

Март 1977 года, Баку. В день заплыва на 400 метров Шаварш, посмотрев стартовые протоколы, нашёл свою фамилию среди участников третьего заплыва, в котором были собраны все сильнейшие. Конечно, победителем может стать любой участник, выигравший другой заплыв, если он покажет абсолютно лучшее время. Но коль уж сильнейшие собраны в одном заплыве, его победитель обычно и выигрывает соревнование.

И вдруг за несколько минут до старта Шаварш узнаёт, что Анатолий Сергин перезаявился в первый заплыв, а Анатолий Каразаев — во второй. Никто из них не знал о происшествии на Ереванском водохранилище и о болезни Шаварша. А слух о том, что Карапетян силён как никогда, родившись случайно, быстро распространился.

— Видишь, Шаво, — усмехнулся Липо, — испугались тебя, хотя, я знаю, оба в отличной форме.

Шаваршу было досадно, он всегда предпочитал борьбу голова в голову, любил очные поединки с главными соперниками. Такая борьба приносит и более высокий результат.

В первом заплыве после прохождения участниками 100 метров диктор объявил, что Сергин идёт по графику, превышающему график мирового рекорда Шаварша Карапетяна. Сергин выдержал темп и повторил рекорд, показав время 3 минуты 10,1 секунды. Каразаев улучшил его на 0,3 секунды.

Шаварш плыл, по существу, один. Он не знал, как плывёт, не чувствовал темпа и, возможно, даже не думал о нём. Пытаясь позже анализировать этот заплыв, он не мог вспомнить ничего, кроме того что ему было невыносимо тяжело едва ли не с первых метров дистанции. Болью разрывало грудь. Воздуха в баллоне словно и не было. Одна лишь мысль жила в нём: дотерпеть, любой ценой дотерпеть. Он не помнил даже, как диктор объявил о том, что он, Шаварш Карапетян, установил новый мировой рекорд в плавании на 400 метров с аквалангом — 3 минуты 8,2 секунды.

Липо никогда публично не поздравлял Шаварша с рекордами. Сам объяснял это сильным волнением, которое сковывало даже улыбку. Шаварш знал, как стеснялся Липо торжественных маршей, пьедесталов почёта, нацеленных на него объективов... По традиции, тренера спортсмена, установившего мировой рекорд, подвергают почётному обряду купания в бассейне. Однако Липо ни разу не дал себя искупать, он всегда вовремя скрывался. Но на этот раз Алмасамян никуда не ушёл. Он видел своего теряющего сознание ученика и уже готов был броситься в воду. Его опередил Камо, он и вытащил брата из воды.

Однако этот эпизод едва не обернулся для Шаварша потерей рекорда. Камо прыгнул в воду в тот момент, когда ещё не все участники заплыва финишировали, и, хотя он никому не помешал, по правилам соревнований результат Шаварша мог быть аннулирован. Судейская коллегия заседала по этому поводу около часа. Не знали судьи, отчего Карапетян почувствовал себя плохо, но и до вынесения их приговора Шаварш, придя в себя, сказал Липо и брату:

— Пусть не утверждают, они имеют на это право. Не засчитают — придётся бить рекорд в другой раз.

Но результат Шаварша утвердили. Это был его десятый мировой рекорд, оказавшийся последним. После катастрофы тогда прошло полгода.

Вечером того же дня в номер к Шаваршу заглянул Липо.

— Как себя чувствуешь?

— Плохо.

— Не выдумывай. У тебя всё в порядке, слышишь? Ну, поболел, ну, пропустил три месяца тренировок. Зато отдохнул, окреп. Мировые рекорды больные не устанавливают. У

тебя всё в порядке. Будем готовиться к чемпионату Европы. У нас целых полгода в запасе. Только нужно теперь дорожить каждым днём, работать больше, чем прежде.

— Я думаю, его не стоит сейчас занимать этими разговорами, — вмешался Камо. — Ему действительно плохо.

— Что я слышу, друзья мои? Шаво, ты ли это? Шаварш Карапетян — снова сильнейший в мире. Он доказал это всем. И будет подтверждать это звание ещё много лет. Неужели нет, Шаво?

Но тот молчал.

— Я повторяю свой вопрос, парень. Ты будешь работать больше, чем прежде?

Шаварш молчал.

Вернувшись в Ереван, он несколько дней не являлся на тренировки. Не подходил дома к снарядам и тренажёрам. Не делал утреннюю гимнастику. Был хмур и неразговорчив. С утра ехал в институт, сидел до вечера в библиотеке. Возвращался поздно. Чувствовал на себе настороженный взгляд отца, ждал его вопроса: «Как с тренировками?». Но тот молчал. Липо не показывался и не звонил.

Когда через неделю Шаварш появился в бассейне, Липо ни о чём не спрашивал и говорил только по существу тренировки. Нет, он просто не хотел видеть, что творилось в душе ученика. Или, может быть, безгранично верил в силу его характера и надеялся, что Шаварш сам преодолеет этот надлом, эту неприязнь к воде?

Аллергия к воде у Шаварша не проходила: на теле появлялись всё новые и новые язвы. При работе на длинных отрезках усиливался кашель. Но Липо на всё это не обращал внимания.

Время отсеивает шлак и пустую породу, истина сквозь годы видится яснее, но даже через десять лет Шаварш не стал думать иначе: в то тяжёлое время он имел право на слабость, и Липо должен был признать это право. Жёсткость тренера воспринималась Шаваршем как жестокость, прорастала в его душе обидой, а затем и отчуждением. Они были больше чем друзья, и, казалось, беда могла их только сблизить. Но она их развела.

Братья теперь были всегда рядом. Относились к Шаваршу с настороженной чуткостью. Временами им казалось, что он поправляется. Порой он действительно бывал весел, лёгок на подъём, общителен. В такие дни он плыл на тренировках легко и красиво. Не терпел, не мучился. Радовал результатами на контрольных отрезках. Но на другой день его снова нельзя было узнать. Мог и вовсе не явиться в бассейн. Потом снова взрывался, снова работал азартно и увлечённо. Особенно в спринте. Однако длинные отрезки проплывал всё с большей неохотой. Однажды, когда ему оставалось четыре отрезка по 400 метров, он вдруг заявил тренеру:

— Всё. На сегодня хватит. Больше не буду.

— Не можешь?

— Не хочу.

Липо, не попрощавшись, ушёл из бассейна.

Однако тренированность, накопленная организмом за долгие годы, продолжала жить. В августе 1977 года в Минске состоялся очередной чемпионат СССР, где комплектовалась сборная команда страны для участия в европейском первенстве. Шаварш победил на 100-метровой дистанции, занял второе место в нырянии на 50 метров, а на 400 метрах получил бронзовую медаль, проиграв более двух секунд победителю Журкину. Дал всё-таки о себе знать дефицит специальной выносливости — результат недоработки в последние месяцы. В сборную команду Шаварша тем не менее включили, тренеры верили, что в оставшееся до европейского чемпионата время он подтянется, верили в его опыт, в умение собраться в нужный момент.

Он решил, что теперь уже не принадлежит самому себе. Что нужно не ждать былой

радости от тренировки, а забыть про всё и работать через силу. Он знал, что сумеет перенести высокие нагрузки.

На европейский чемпионат в венгерский город Дунайварош Шаварш ехал с верой в успех. Он сумел добиться высоких результатов на тренировках и в прикидке.

И всё действительно складывалось хорошо. С большим преимуществом и личным рекордом он победил на «своей» стометровой дистанции с аквалангом. Затем в острой борьбе с Андреем Овсянниковым, новым мировым рекордсменом в нырянии на 50 метров, получил серебряную медаль.

С отрывом в 10 метров он приближался к финишу на четырёхсотметровой дистанции с аквалангом. Плыл на очень высокий результат, не оставлял никаких сомнений в своей победе. И вдруг, когда до финиша оставались уже считанные метры, его пронзила острейшая, непереносимая боль в боку. Он остановился, чувствуя, что теряет сознание. Видимо, шум трибун вернул ему способность к действиям, и Шаварш как-то добрался до финишной стенки. Выйти из воды ему помогал уже новый чемпион.

Казалось, всё ясно. Хватит испытывать себя. Измученный организм восстал, ожесточился, он не позволяет больше никакого насилия над собой. Понимал ли это Шаварш?

Там, в Дунайвароше у него обострились воспалительные процессы — следствие сильного переохлаждения, полученного на водохранилище. Но болезни тела можно было лечить, хотя и на это требовалось много времени, терпения, усилий. А что делать с органической неприязнью к воде? Она то затихала, то оживала вновь. Шаварш порой смотрел на воду как на зловонное болото и ничего не мог с этим поделать.

К тому же отношения с Липо совсем разладились. Липо к тому времени предложили заняться тренерской работой по подводному ориентированию. Он согласился. Рвались, казалось, последние нити между ним и Шаваршем.

А ведь Шаварш привык верить Липо больше чем себе. Тот управлял тренировочным процессом, как классный автогонщик машиной. Он умел убеждать и принуждать. Бывали случаи, когда Шаварш приезжал на соревнования, чувствуя себя чуть ли не новичком: потерянным, с разладившейся техникой, усталым — в общем, со всем набором ощущений спортсмена, растерявшего форму. Но выходил на старт и побеждал. И всё это было делом рук Липо. Как у него это получалось, Шаварш и сам не понимал. Да и не стремился понять. Считал, что чрезмерное углубление в себя, самокопание — только во вред. Вера в тренера была для него и самозащитой.

Теперь всё это уходило, ушло. Как быть дальше, как рассчитывать на новые успехи, если ты остался один?

Однажды Толик предложил брату:

— Давай не будем строить никаких планов вообще. Ни перспективных, ни даже текущих. Просто тренироваться по настроению. Делать то, к чему лежит душа. Не хочешь — не делай ничего.

Шаварш задумался. Он привык видеть перед собой конкретно очередную задачу. На неё работала воля, на ней он концентрировал усилия. Брат же предлагал ему нечто вроде дачного волейбола, гребли на прогулочной лодке. Но ведь и понимал Шаварш: прошёл уже год, как он поднялся после болезни, а неприязнь к воде так и не проходила. Мысль о прежнем тренировочном режиме вызывала смертельную тоску.

Начали, как всегда, с бега — спокойного, размеренного. Рядом всегда бежал Толик. Он и раньше в кроссах был посильнее, а теперь тем более. Однако не ускорялся, не взвинчивал темп. Шаварш это чувствовал и был благодарен брату. В бассейне же Толик всё чаще и чаще оставался на бортике с секундомером. Это была жертва, но — вдохновляющая. Шаварш принял её.

С приближением весны они решили применить новую форму тренировочной работы

над развитием общей выносливости — велосипед. Обычно подводники велоездой не занимались, но братья подумали: в этом упражнении работают почти те же группы мышц, что и в подводном плавании — почему бы не попробовать? И убедились: хорошо, полезно, толково. Шаварш крутил педали, делал рывки, ускорения, чередуя их со спокойной ездой. Иногда за одну тренировку он преодолевал до 60 — 70 километров. Толик ехал сзади на отцовской «Победе».

Однажды на Эчмиадзинском шоссе, когда Шаварш разогнался почти до сорока километров в час, с перекрёстной второстепенной дороги неожиданно выскочил микроавтобус ЕрАЗ. Шаварш его заметил, но не придал тому значения, поскольку ничего не мешало водителю спокойно проехать перекрёсток. Между велосипедистом и микроавтобусом оставалось ещё метров пятнадцать-двадцать, и Шаварш, не видя опасности, наклонил голову. Вдруг водитель остановился, и через мгновение раздался оглушительный треск, скрежет. От удара вылетели стёкла и смялась боковая дверь микроавтобуса. Шаварш в крови и рваных ссадинах лежал на развалинах своего велосипеда.

Он не потерял сознания. Поднял голову, пошевелил конечностями, обрадовался, что хотя бы переломов нет. Брат помог ему подняться, обработал раны, перебинтовал. Посадил в «Победу». Потом сказал водителю ЕрАЗа:

— Сейчас вызовем ГАИ, будем составлять протокол.

Но тот взмолился:

— Ребята, дорогие, простите меня! Я не знаю, как это случилось. Но не нужно вызывать ГАИ. Меня лишат прав, а что я без машины? У меня трое детей. Пожалейте их. Я куплю вам новый велосипед, заплачу за лечение. Только простите. Дайте мне ваш адрес, вот мои документы. Я заплачу столько, сколько скажете. Только простите!

— Пусть едет, — сказал Толику Шаварш. — Пошли его к чёрту. Ничего не нужно. Может быть, у него в самом деле трое детей, чем они виноваты? Поехали домой. Откатались.

Новый велосипед он покупать не стал. Решил, что судьба опять распорядилась за него сама.

Через две недели он поправился. Снова стал приходить в бассейн. Но тренировал только спринт да ещё изредка занимался со штангой. На большее не было ни духа, ни желания.

Да и времени на себя оставалось совсем чуть-чуть. Незадолго до этого ему предложили работать с юными подводниками в республиканском морском клубе. Он согласился без колебаний: возиться с малышнёй ему всегда нравилось. По совместительству, на общественных началах, он стал теперь и старшим тренером взрослой сборной команды республики по скоростным видам подводного плавания. Да ещё учился в институте. В общем, проводя занятия в бассейне, иногда даже не входил в воду.

Толик тоже тренировался мало. Изредка он выступал в соревнованиях по подводному ориентированию, но похоже, что его личные спортивные интересы отходили на второй план. К тому же и у него полно было учебных дел: в скором времени предстояла защита диплома в сельскохозяйственном институте.

Ближе к лету Шаварш стал тренироваться интенсивнее. Незадолго до чемпионата страны он на тренировке пронырнул 50 метров за 16,4 секунды, что было повторением мирового рекорда. А на чемпионате он эту дистанцию выиграл. Занял второе место на 100 метрах с аквалангом, но на четырёхстах выступил уже плохо. Он это предвидел: плыть было «нечем» — организм сдался. На очередной чемпионат Европы Шаварша не взяли. Он принял это как должное.

Теперь он оставался в сильно поредевшем строю подводников республики только ради них, своих подопечных. Но молодёжь подрастала неспешно. Хотя способные ребята были. Саркис Карапетян на чемпионате страны победил самого Валерия Сучкова. Мог стать

классным спортсменом и Гайк Папян, однако парню не хватало твёрдости характера, не умел он выкладываться, а бойцовские качества Шаварша так и остались для Гайка всего лишь умозрительным примером. Шаварш убеждал, внушал, пытался вести за собой. На Спартакиаде народов СССР, стартуя на последнем этапе эстафеты 4 × 200 метров в ластах, он показал результат, превышающий рекорд республики. Было очевидно, что этот результат случаен: никто не ждал такого успеха от Карапетяна, располневшего, набравшего семь килограммов лишнего веса. Но ведь это были крупные соревнования, и он возглавлял команду: собрался, взорвался, сделал больше, чем мог.

Армянские подводники заняли в этой эстафете пятое место, чего опять же никто не ожидал.

Не менее удачно Шаварш проплыл свой этап и в эстафете 4 × 100 метров, показав один из лучших результатов сезона в стране — 40,9 секунды, всего полсекунды уступавший мировому рекорду. Эстафетные соревнования проводятся без акваланга, в ластах, а Шаварш, как правило, выступал именно на дистанции с аквалангом. Он теперь пожинал плоды прежних трудов, высокой общей плавательной подготовленности. И не будь те старты командными, а он — наставником, лидером сборной, проплыл бы Шаварш как минимум на секунду медленнее. Он сам это понимал.

Как-то спортсмены сборной республики собрались в холле бассейна на очередную тренировку. Вдруг появился дежурный тренер и сообщил, что «воды» для подводников на сегодня нет, что горячая вода отключена. Так ли это, Шаварш проверять не стал. Он уже давно чувствовал, что отношение к подводникам в республиканском ДОСААФ изменилось.

Догадка вскоре подтвердилась. Центральный комитет ДОСААФ Армении в десять раз сократил ассигнования на подготовку подводников-скоростников. Решение было объяснено тем, что успехи женской сборной республики весьма скромны, а в командный зачёт на всесоюзных соревнованиях входят большие результаты — и мужчин, и женщин. Потому и сочли, что достижения мужчин обесцениваются и нет смысла расходовать на них средства. Теперь нечем стало платить за аренду воды, приобретение текстолита для ласт, аквалангов и другого инвентаря.

Шаварш никогда не выторговывал условия, он их добивался трудом, результатами. Теперь же про них словно забыли.

Так Шаварш остался командующим без войска. Он пытался поговорить с председателем комитета, но ушёл ни с чем. И от председателя. И от спорта.

Четыре месяца он нигде не работал. Сдавал государственные экзамены в Институте народного хозяйства. Он стал обладателем уже двух вузовских дипломов, но всё ещё не решил, где будет работать, чем заниматься. Он словно потерял ко всему интерес.

Кто-то из знакомых предложил ему должность инженера отдела комплектации на заводе. Он усмехнулся и пошёл. Подумал: «Не всё ли равно? Нельзя же прозябать бесконечно».

Жгучая обида по-прежнему переполняла его. Он больше не появлялся ни в бассейне, ни в морском клубе, ни тем более — в ЦК ДОСААФ. Начал курить. В иные бессонные ночи выкуривал по пачке. Мама вздыхала: «Это с твоим-то кашлем!..» Он обещал, что скоро бросит. Однако не видел в этом смысла. И всё курил и курил.

И тут появилась Нелли. Она заканчивала филологический факультет пединститута, готовилась стать преподавателем русского языка. Познакомились они довольно забавно. Друзья пригласили Шаварша в компанию, где собирались представить его некой Каринэ. Хорошая девушка, резонно сочли они, излечит Шава от душевных недугов. Разумеется, Шаваршу об этих планах ничего сказано не было. Он пришёл и увидел Нелли, которая заглянула случайно и ненадолго. Когда она собралась уходить, Шаварш вызвался провожать. Однако получил решительный отказ: «С какой это стати?» Он улыбнулся и сказал Нелли,

что скоро случайно встретит её на улице.

А ведь так оно и вышло! Через две недели он действительно случайно повстречал Нелли на улице города, насчитывающего миллион жителей.

Спортом Нелли не интересовалась, а о Шаварше до встречи никогда не слышала, и ему это даже понравилось. Что же касается трагедии на водохранилище, то о ней Нелли была наслышана не более, чем другие ереванцы. «Шёл троллейбус по дамбе, неожиданно потерял управление и рухнул в воду. Какой-то смельчак нырял и вытаскивал людей. Многие утонули». Город не любил об этом вспоминать. В семье Карапетянов эта тема тоже была под молчаливым запретом.

Он отказался вспоминать эту историю и тогда, когда однажды в августе 1982 года в московском бассейне «Олимпийский» к нему обратился незнакомый молодой человек в очках, представившийся корреспондентом «Комсомольской правды».

Шли соревнования третьего чемпионата мира по скоростным видам подводного плавания. Журналист Сергей Лесков, готовя очередной репортаж для своей газеты, заинтересовался у одного из тренеров, приходится ли спортсменам-подводникам применять свои навыки в повседневной жизни. Тот ответил:

— Я слышал, что Шаварш Карапетян кого-то спасал из машины, которая упала в воду. Впрочем, может быть, я что-то путаю. Если хотите узнать поточнее, спросите самого Шаварша. Он, правда, уже не выступает на дорожке, но сейчас он в Москве, в командировке. Я видел его сегодня на трибуне.

Лесков разыскал Шаварша в вестибюле и попросил рассказать о той истории. Но Шаварш ответил, что никакой истории не было. Он извинился и, сославшись на предстоящий интересный заплыв, ушёл на трибуну. Однако корреспондент не успокоился и на другой день задал тот же вопрос Алмасакину. И бывший тренер Карапетяна кое-что рассказал о том трагическом происшествии. Приехав в редакцию, Лесков поведал историю заместителю главного редактора «Комсомолки» Николаю Боднаруку. Тот сказал: «Ты должен немедленно вылететь в Ереван».

На звонок в квартиру, где согласно полученной справке проживал Шаварш Карапетян, дверь никто не открыл. На другой день — тоже. Вот уже два года, как Шаварш получил эту квартиру, но так и не мог найти время, чтобы заняться ремонтом. Пока они с Нелли жили у родителей — то у одних, то у других. Корреспондент о том понятия, конечно, не имел и предпринял второй шаг в розыске следов своего будущего героя — узнал адрес его родителей.

Дверь открыла Асмик Карапетовна. Узнав, в чём дело, ответила, что Шаварша нет, а когда будет — неизвестно. Можно ли зайти завтра? Да, пожалуйста.

Вскоре позвонил Шаварш, и Асмик Карапетовна рассказала ему, что приходил корреспондент «Комсомольской правды», интересуется ТОЙ ИСТОРИЕЙ, хочет написать о ней. Сын долго молчал. Потом сказал:

— Я не хочу говорить об этом. Скажи, что меня нет в Ереване. Я не ждал этого визита, мы ни о чём в Москве не договаривались.

— Шаво, но что же делать? Человек специально приехал из Москвы. Как же ему ни с чем уезжать обратно? Что он скажет в редакции? Ты же всегда уважал чужой труд.

— Это особый случай. Прости, мама. Извинись, пожалуйста, перед корреспондентом. Но я не могу об этом говорить.

Лесков пришёл и на другой день, и на третий. Асмик Карапетовна, хотя и сочувствовала молодому симпатичному парню, обещание своё выполняла. Но потом не выдержала и позвонила сыну:

— Шаво, так больше нельзя. Этот парень сказал, что будет ждать тебя до тех пор, пока ты не появишься. Мне жалко его.

— Хорошо, — вздохнул Шаварш. — Сегодня вечером я приеду.

Они встретились. Шаварш скупно рассказал о трагедии, повторив многое из того, о чём Лесков уже знал от Алмасакаяна.

Корреспондент остался в Ереване ещё на несколько дней. Снова встретился с Алмасакаяном, а затем и другими свидетелями трагедии. 12 октября 1982 года в газете «Комсомольская правда» появилась статья «Подводный бой чемпиона». Статья, всколыхнувшая всю страну.

Вечером того дня Шаварш, вернувшись с работы, застал жену плачущей. На столе лежала раскрытая газета.

— Неужели это правда?

— Да.

— Почему ты ничего не рассказывал мне? Почему я ничего не знала?

— Это было так давно... Да и к чему вспоминать?

Глава 2.

НЕ ВСПОМИНАТЬ НЕЛЬЗЯ

Сезон семьдесят шестого года у Шаварша не сложился. Он готовился к первому чемпионату мира, который должен был состояться в конце августа — начале сентября в западно-германском городе Ганновере. Всё шло по плану. Однако перед чемпионатом страны, на котором официально происходил отбор в сборную команду СССР, Шаварш заболел ангиной и выступил плохо. Самое большее, чего ему удалось добиться, — второе место на стометровой дистанции с аквалангом. И в команду он был включён всего лишь запасным. Правда, вскоре, совсем уже в преддверии мирового первенства, Шаварш выиграл на прикидке сборной все дистанции. Да и медико-биологические исследования подтвердили, что он в превосходной форме. Тем не менее решение всесоюзного тренерского совета не изменилось. Карапетяну сказали, что отборочными были старты всесоюзного первенства, и команда улетела в Ганновер без него.

ВОТ ПОЧЕМУ В ТОТ ПАСМУРНЫЙ И ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ 16 СЕНТЯБРЯ 1976 ГОДА ОН БЫЛ В ЕРЕВАНЕ.

Впервые за последние четыре года Шаварша не включили в состав команды. На чемпионате мира Сучков, выигравший ныряние на 50 метров, показал время 16,92 секунды, а Сергин на 400 — 3.13,95. Эти результаты были пройденным этапом для Шаварша.

Ну да ладно. Что горевать? Победили наши, это главное. А что своя подготовка пошла насмарку... Нет, это не так. Он поднялся на новый уровень, и с него нужно шагать дальше, выше. Ведь за плечами только двадцать три года. К следующему сезону он начнёт готовиться раньше, чем обычно. Начнёт именно сейчас, в сентябре, на месяц-два раньше других членов сборной. К тому же теперь можно без спешки подготовиться к поступлению в институты народного хозяйства.

Весной того года Шаварш получил диплом инфизкульта. Но ему этого было мало. Однако почему его привлёк именно институт народного хозяйства? И что это за синтез, что за сплав — тренер и экономист? Экономика увлекала давно. Но дело было не только в этом. Мозг требовал всё новой и новой пищи. И еще: он привык, он должен был жить в постоянном напряжении. Это стало потребностью.

...В тот день Шаварш проснулся раньше обычного. От порыва сильного ветра грохнула створка окна, Шаварш сразу открыл глаза. Спать больше не хотелось. Он вспомнил, что сегодня в ректорате должен решиться его вопрос. «Могут отказать. Скажут: получили диплом, работайте по специальности, а там посмотрим, будет ли у вас желание учиться в нашем институте».

«И получится, — думал Шаварш, — не взяли в сборную, не допустили к экзаменам в институт, весёленький год! Одно слово — високосный. Впрочем, что это я? Что за панихидные мысли? Всё будет хорошо. А пока нужно пойти побегать... Ух, какой ветер!»

За завтраком Толик не выпускал из рук брошюру «Правила дорожного движения», вечером ему предстояло сдавать экзамены в ГАИ.

— Отложи свою книжку, — сказала мама, — перед смертью не надышишься. Когда вас всех ждёт к ужину?

— Мы с Камо вернёмся к половине восьмого, в половине пятого у нас тренировка на водохранилище. Сразу и вернёмся.

— Возьмите по лишнему костюму, день сегодня холодный...

Сначала Шаварш заехал в ЦК ДОСААФ, где с заместителем председателя Каро Камбаряном они обсудили вопрос об аренде баз на предстоящий сезон, наметили, какие часы в бассейне более удобны для тренировок сборной команды подводников республики. Чуть

позже подъехал Алмасамян, и они вдвоём рассказывали Камбаряну о своих личных планах на следующий год.

Попрощавшись с Алмасамяном до вечера, Шаварш поехал в институт народного хозяйства, там шло заседание ректората. Ждать пришлось недолго, вышла секретарь ректора и сказала ему: «Ваш вопрос решён положительно, готовьтесь к сдаче экзаменов по истории и математике. Кроме того, нам нужно выполнить курсовую работу по экономической географии».

Спускаясь по лестнице, Шаварш случайно услышал разговор двух профессоров, один из которых говорил:

— Я старый болельщик, и не только футбольный. И вот что скажу вам: если бы вся команда «Арагат», все её футболисты, вместе взятые, тренировались столько, сколько один Карапетян, мы бы каждый год становились чемпионами страны по футболу, а возможно, и выиграли бы Кубок европейских чемпионов.

Шаварш приостановился — ему неловко было слушать чужой разговор, тем более о себе...

Когда он приехал на водно-спортивную базу, кажется, ещё сильнее похолодало. Ребят пока не было, Алмасамяна тоже. Шаварш неторопливо переоделся, подошёл к воде. Поёживаясь, посмотрел на мальчишек из детско-спортивной школы, бороздивших озеро на байдарках: «Не дай вам бог, ребята, в такую погоду искупаться». Снова вспомнил про институт, решил, что завтра же начнёт готовиться к поступлению.

— Шаво, — тронул его за плечо Алмасамян, — там уже все приехали, переодеваются. Ты как себя чувствуешь? Всё в порядке? Значит, будешь бегать с грузом?..

С недавних пор Шаварш часто бегал кроссы с двадцатикилограммовым ранцем за спиной. У спортсменов этот тренировочный приём используется для развития силовой выносливости. Тяжко, конечно, но Шаварш убедился: это как раз то, что нужно. Такая работа давала себя знать в бассейне; на финише четырёхсот- и восьмисотметровой дистанции он стал чувствовать прилив новых сил, его финишный спурт стал мощен и неудержим.

Вот все и построились. Алмасамян дал тренировочное задание, каждому по возрасту и силам. Двум «старикам» — братьям Карапетянам предстояло пробежать семь кругов, остальным поменьше. Несколько лет назад они проложили кроссовую трассу недалеко от озера. Хотели, чтобы было ровно 3 километра, но когда замкнули круг и промерили, оказалось, что 40 метров не хватает. Однако, чтобы не мелочиться, считали, что 20 километров — это семь кругов. Семь кругов и предстояло теперь пробежать Шаваршу и Камо, который в этот день решил бежать без груза, сказал, что устал в институте, что голова тяжёлая да ещё тучи давят...

— А ещё потому, что вчера произошло извержение вулкана Тятя, — усмехнулся Шаварш, — и потому, что у наших соседей пропала кошка.

Камо был спринтер, человек взрывной силы, долгая и утомительная работа всегда была ему не по душе, а бегать он вообще не любил.

Побежали. Несколько новичков предложили такой темп, что Шаварш их одёрнул:

— Ну-ка, притормозите, иначе через пять минут поползёте на четвереньках... Вот так.

Первый круг миновал... второй... третий. Тренер крикнул:

— Рафик, Овик, Ашот и Хачатур — вам хватит. Араму и Хачику ещё один. Шаварш и Камо сами знают. Им ещё четыре.

Но через два круга Камо заохал:

— Не могу я так, Шаво. Я же говорил, что плохо сегодня себя чувствую. Вот и в боку стало покалывать. Я, пожалуй, передохну немножко, всего только один круг. Погуляю. Ты только никому об этом не говори. Ладно?

— Что с тобой поделаешь? — бросил Шаварш. — В следующий раз будешь бегать на

круг больше. За тобой должок.

Два круга оставалось Шаваршу.

Бежать в одиночестве всегда тяжелее. Говорят, что незадолго до финиша при длительном беге открывается второе дыхание. Нет, не знал Шаварш этого чувства. Бег не был его любовью и стихией, а тут ещё двадцать килограммов на спине. Ох, дотерпеть бы шестой круг, а там и брат присоединится, если не передумает. Дотерпеть бы!

Ну, вот и Камо. Отдохнувший, повеселевший. Бежит рядом, нога в ногу.

— Как здоровье, Шаво? Ничего не беспокоит? Ты что так тяжело дышишь? Устал немножко? И мокрый почему-то. Совсем мокрый, как вода в озере. И такой хмурый, совсем разговаривать не хочет мой брат. Обиделся, что ли?

Но Шаво не до шуток. Он почти не слышит слов Камо. Ещё четверть часа назад он старался думать о чём-то лёгком, приятном, это отвлекало. Но теперь — не получается. Он знает эту трассу до последней выбоинки и бугорка и видит теперь лишь знакомые приметы, каждая из которых стала вехой, обозначающей определённый метр дистанции, шаг, минуту бега. Так хочется сбросить груз. Остановиться. Упасть и не двигаться. И никогда, никогда больше не заниматься этой жуткой, нечеловеческой работой. Только бы дотерпеть... Ещё немного, всего лишь километр, всего лишь тысячу метров. Шестьсот двадцать шагов... Ещё пятьсот шагов. Целых пятьсот шагов. Нужно дотерпеть... Как хочется бросить... Нет, нельзя хотя бы раз проиграть самому себе... Ещё четыреста шагов... Триста. Ты дотерпишь. Ты сильный!.. Ещё двести... Сильный!.. Вот уже и дамба... Ещё самую малость. Вот уже и бензоколонка, сейчас можно будет перейти на ходьбу, если останется хоть капля сил. Он сразу же сбросит этот проклятый, ненавистный ранец. И умрёт от счастья. От бессилья. От упоения победой.

...Грохот, который он услышал, дошёл до сознания не сразу, столь вялым оно уже было и заторможенным. И потому лишь спустя какие-то мгновения он поднял голову и увидел...

Троллейбус быстро погружался в мутную пучину. Позже Шаварш узнал, что у самой воды машина сбила удившего рыбу мальчика, что из задней двери успели выскочить несколько человек, после чего дверь тут же захлопнулась.

Троллейбус уже отнесло от дамбы метров на двадцать пять, он ещё продолжал погружаться. Кажется, никто из тех, кто видел сейчас эту катастрофу, не вскрикнул. Потому что невозможно было поверить глазам, уложить всё это в сознание. Реальность пронеслась быстрее мысли. Машины и троллейбусы продолжали катиться по дамбе.

И только Шаварш мчался туда, сбросив ранец, срывая на бегу одежду, не чувствуя пройденной дистанции, каждый метр которой был помножен на двадцать килограммов груза. Через несколько секунд машины станут останавливаться, сталкиваться, будут лавиной прибывать люди и с ужасом наблюдать за трагедией, подобной которой город не видел никогда. Пока всё только начиналось. Шаварш мчался к месту катастрофы.

Полтора десятка секунд бега. Полтора десятка секунд на решение. Мыслям ЧТО ДЕЛАТЬ? места не было, на то существовала ЗАПРОГРАММИРОВАННОСТЬ, сформированная всей жизнью. За эти полтора десятка секунд предстояло выбрать из нескольких молниеносных решений КАК ДЕЛАТЬ? лучшее. Он уже чётко представлял себе, что ошибка, как и промедление, не подобна смерти, но смерть. Сколько людей оказалось сейчас под водой, он не знал. Впрочем, это уже не имело значения.

Не останавливаясь, он швырнул разгорячённое тело в воду и даже не почувствовал, как она обожгла его. В бассейне он проплывал 25 метров без ласт за 15 секунд. Сейчас он плыл намного быстрее.

Ещё не подбежал отставший Камо, ещё только мчались с противоположной стороны — от домика морского клуба — его сотрудники, а с ними Липо Алмасяян, спортсмены, ещё не подплыла ни одна байдарка, а Шаварш, глубоко вдохнув, ушёл под воду. Он уже знал,

что должен проникнуть в салон сзади, где самый большой проём.

Видимость оказалась нулевой. Вода в озере столь грязна, что в ней никогда никто не купается. К тому же троллейбус поднял со дна густую тучу ила. Когда на следующий день из озера спустят воду, то установят, что машина погрязла в иле более чем на метр.

Шаварш ощупью отыскал нижнюю перекладину лестницы, что ведёт на крышу, ухватился за неё обеими руками и... вдруг ощутил смертельный страх. Лишь в этот миг он явно осознал, что сейчас, через несколько мгновений начнётся бой, из которого трудно выйти живым. Бой, где главный противник — неожиданность. Он успел подумать, что поражённые шоком люди непредсказуемы и все они вместе — страшная сила, взвинченная отчаянием и последней, пусть даже неосмысленной, надеждой. Что у многих из них нить, связывавшая сознание с реальностью, ещё не оборвалась.

Шаварш ударил в стекло ногами. Не почувствовав даже боли, он ногами вперёд проник в троллейбус. Сразу же нащупал чьё-то тело и с силой рванул его на себя. Ему повезло: человек был без сознания и потому не оказал сопротивления. В этот момент Шаварш понял, что перед погружением допустил оплошность: нужно было выполнить гипервентиляцию — несколько глубоких вдохов. Когда-то он проходил тест на дыхательную выносливость. Знал, что после гипервентиляции с полными лёгкими воздуха может продержаться под водой более четырёх минут. Конечно — со свежими силами.

Сейчас же все условия теста оказались жестоко нарушенными. Ему оставалось держаться только на сверхусилии. Удушье становилось нестерпимым, а путь вверх лишь начинался. Однако в руках уже был человек. Жив он или нет, Шаварш не знал, но тот человек спас его.

Когда Шаварш выплыл, Камо был уже здесь. По лицу Шаварша и его неистовому вдоху он понял, чего стоило брату это первое погружение.

— Подожди, сказал Камо. — Продышись как следует.

Вдох. Ещё. Ещё. Ещё. Ещё. Теперь можно было снова уходить вниз. Но Шаварш на секунду задержался.

— Камо, ты остаёшься наверху. Здесь ты нужнее.

Возможно, это было и не так, но Шаварш, оценив обстановку внизу, понял, что с такой работой Камо вряд ли справится. Позже Камо с этим согласился. И сказал: «Эту работу во всей Армении мог выполнить только Шаварш».

Владимир Самсонович Карапетян находился в этот час на работе, что километрах в двух от дамбы, когда кто-то из шофёров крикнул ему в окно: «С дамбы в воду упал троллейбус». И отец знал: сыновья бегают там кросс. И подумал, что они наверняка пойдут в воду. Он впрыгнул в машину и помчался к дамбе.

...Второе тело оказалось потяжелее первого и поначалу выскользнуло из рук. Шаваршу показалось, что человек шевелится, и потому нужно было брать его осторожнее, опасаясь ответного захвата. Осторожнее, но крепче сзади, под мышки.

Наверху он увидел несколько байдарок, подошла и одна моторная лодка.

— Нужны акваланги, — крикнул Шаварш, — у спасателей они должны быть. Где спасатели?

Моторка тут же помчалась за аквалангами.

Снизу поднимались пузырьки воздуха. Они отчётливо доносили до слуха Камо крики людей. Он вдруг понял, что под самой крышей салона, как под опущенным в воду колоколом, остался воздух, который помогал им жить. Камо решил, что если сейчас доставят два акваланга, то воздух одного из них нужно будет стравить в салон.

Акваланги привезли быстро — когда Шаварш поднял пятого или шестого пострадавшего. Но в баллонах не оказалось воздуха. Нисколько! Не было также ни лёгочных автоматов, ни загубников. Правда, нашлись две маски. Надев одну из них, Шаварш скрылся под

водой. Однако убедившись, что видимость не улучшилась, тут же сбросил её.

Он продолжал нырять. Очередной пострадавший подавал явные признаки жизни, конвульсивно вцепился в своего спасителя. И тогда Шаварш впервые почувствовал себя НЕ С НИМИ, А ОДНИМ ИЗ НИХ. Однако он был готов к этой ситуации, она им была заведомо просчитана. Никогда не проходил он курсов спасения на водах, не было в том нужды, но от других подводников знал: «Если встретишь в лесу медведя, притворись мёртвым. Если утопающий инстинктивно впивается в тебя, веди себя так же. Расслабься, обмякни и наберись терпения. Он обязательно отпустит». Шаварш так и сделал. И не ошибся.

Трудность теперь была лишь в том, что от заднего проёма — от выхода — его отделяло несколько метров. Силы в который уж раз оставляли его, удушье побеждало. Но он снова в последний миг сумел выбраться. Потерявший было надежду Камо на этот раз поднырнул навстречу брату и принял спасённого на глубине.

— Отдышись, Шава. Ещё. Подожди немного. Нужно передохнуть.

Но Шаварш понимал, что каждая секунда задержки, каждый лишний вдох может обернуться ещё одной потерянной человеческой жизнью. И тот же лишний вдох мог стать спасительным для ещё одной жизни. Шаварш продолжал работать в предельном темпе. Первоначальный страх давно прошёл, подчинившись темпу. Спаситель уже ни в чём не сомневался, он даже не сострадал. Он стал машиной, включённой на максимальные обороты.

Толпы и толпы людей продолжали прибывать к озеру. Весть о трагедии мгновенно пронзила весь город.

Не было недостатка в машинах «скорой помощи». Доставленным на берег пострадавшим делали уколы, искусственное дыхание. Некоторые так и не подавали признаков жизни. Их становилось всё больше и больше.

Прорвавшийся сквозь плотное оцепление Владимир Самсонович Карапетян стоял теперь на берегу и каждый раз уходил с Шаваршем под воду. Он видел, что всё тело сына истерзано осколками оконного стекла, и ясно осознавал, что одна только потеря крови может в любой момент стоить ему жизни.

Молчание отца было как благословение. Оно было страшнее и громче предсмертного крика. Но и он знал, что эту работу во всей Армении мог выполнить только его сын. Вспомним Константина Симонова: «Раньше других я должен сына вперёд посылать».

...Шаварш снова скрылся. В ожидаемое время он не появился. Прошло ещё четверть минуты. Его не было. Секунды текли. Секунды, растянутые в вечность. Отец вошёл в воду. Всё глубже и глубже. За ним — другие люди. Всё нарастал и нарастал гул в толпе. И закричали, заплакали люди. Уже устремился под воду Камо, как вдруг вздох облегчения грянул под небеса. Шаварш снова вышел победителем.

В том погружении, борясь с пострадавшим, изнемогая от боли и усталости, он потерял сознание. И лишь профессиональная подготовка вернула ему способность к дальнейшим действиям. Но и на этот раз он выплыл с человеком.

На следующем подъеме он неожиданно почувствовал, как что-то тяжёлое и упругое не даёт ему выплыть. Это один из штатных спасателей, вспомнив, наконец, про свой «трудо-вой хлеб» и возможное наказание, решил спрыгнуть с лодки. Да сам плавать едва умел. Попробовал нырнуть, но тут же его охватил такой ужас, что силы сразу иссякли и он стал тонуть. Вдруг спасатель почувствовал под ногами что-то твёрдое. Так он встал на плечи Шаварша. Тот чуть не задохнулся, чуть не выпустил из рук спасаемого. И завязалась схватка спасателя со спасителем. Шаварш то вырывался из захвата, то вновь оказывался в путях спасателя. Снова растянулись секунды в вечность. Наконец голова Шаварша показалась на поверхности, он с хрипом изверг из себя сноп воды, несколько раз жадно вдохнул. Спасённого уже подхватили руки Камо. Это он, поняв, что произошло под водой, с силой отшвырнул спасателя и вызволил брата из плена.

...Следующей оказалась девушка с сумкой на плече. Вместе с Камо они подтащили её к лодке, и вдруг кто-то протянул руку и почему-то схватил ремешок сумки.

— Что ты делаешь?! — выдавил из себя Шаварш. И ударил человека по лицу. Сумка была ни при чём. Видимо, человек в лодке просто растерялся, а Шаварш этого не понял. Но теперь права на растерянность не имел никто, всё подчинялось ритму, заданному подводником.

Тем временем к дамбе подошли и разворачивались два подъёмных крана, смонтированных на базе КраЗов. Водители тоже были добровольцами. Слава богу, не потребовалось никаких начальственных указаний.

Ещё несколько человек бросились в воду и поплыли к троллейбусу. Понимая, что силы Шаварша на исходе, один из них пытался нырнуть, потом ещё раз. Видно, он был отличным пловцом. И отважным человеком.

— Не получается, — сказал он Шаваршу. — Объясни, как действовать.

— Оставь, — ответил тот. — Не получится.

И вновь исчез, но на этот раз он вынырнул не с человеком, а с каким-то странным плоским предметом. Однако Шаварш этого не замечал, не видел и тащил предмет к лодке, как человека.

— Зачем, Шаво? Что ты делаешь? — крикнул Камо.

Шаварш взгляделся в предмет и только тут увидел, что вытащил сиденье, которое, видимо, всплыло и оказалось под крышей. Силы его были на исходе, а сознание помутилось.

Впрочем, и дальнейшие погружения уже теряли смысл. Шаварш знал, что утонувшего человека удаётся вернуть к жизни порой даже через двадцать пять минут. Иных же не могут спасти и после трёх-четырёхминутного пребывания под водой. Хорошо, если сразу после катастрофы горло пострадавшего сводит спазмом, это перекрывает воде путь в лёгкие.

Но теперь прошло слишком много времени. Голоса из-под воды уже не доносились. Воздуха под крышей оказалось слишком мало.

— Нас зовут, Шаво, — сказал Камо. — Краны уже готовы, сейчас нужно будет цеплять троллейбус. Поплыли к берегу.

Выйдя из воды, Шаварш вдруг почувствовал, что земля уходит из-под ног. Он пошатнулся, но устоял и тут же опустился на бетонную плиту. Его лихорадило. Камо о чём-то говорил с крановщиком, яростно жестикулируя.

К Шаваршу подошёл отец. Снял с себя пиджак, накинул сыну на плечи, начал растирать ему грудь, благо она была цела, не пострадала от порезов. Перебинтовывать не стал, знал, что сейчас Шаварш снова пойдёт в воду — отговаривать его бесполезно. И действительно, когда подошёл Камо и сказал, что сам заведёт трос, Шаварш мотнул головой.

— Мне проще, я уже там был. Ты будешь наверху.

Пока решили обойтись одним краном. Он уже стоял у самой воды, медленно опускалась стрела со свисавшими двумя концами тросов. Шаварш и Камо сели в катер. Подошёл человек в форме полковника милиции. Форма была парадной, полковника, видно, срочно отозвали с какого-то торжества.

— Цепляйте за штанги, — сказал он.

— Штанги не выдержат, их вырвет с корнем. Или выскользнет трос, там не за что цеплять, — ответил Шаварш.

— А вы не спорьте, молодой человек, а выполняйте. Здесь распоряжаюсь я.

Шаварш нырнул, легко нашёл основание штанг, зацепил. Вернувшись в лодку, махнул крановщику. Стрела пошла вверх, но вскоре оба конца беспомощно повисли в воздухе. Полковник, однако, на том не успокоился. В воздухе на виду у здравого смысла болтался его личный престиж, и полковник вновь распорядился цеплять за штанги.

Однако Шаварш и Камо Карапетяны, ничуть считаясь с личным престижем милицей-

ского руководителя, возразили ему — крепко, по-мужски. И тогда полковник безропотно занял позицию созерцателя.

— Я посмотрю, можно ли цеплять за бампер, — сказал Шаварш.

На этот раз под водой он был недолго, он уже хорошо там ориентировался. Вынырнул, покачал головой:

— Так не получится, бампер целиком покрыт илом, не докопаться. Нужно заводить трос через салон. Я это сделаю, только хорошо бы взять ломик или монтировку.

Он уже не чувствовал ни холода, ни усталости, ни боли. Обескровленное, остывшее тело больше не принадлежало ему. Оно покорно исполняло команды мозга, который непонятно как и почему, но продолжал вырабатывать решения. Это был тот редкий случай, когда слово «хладнокровие» обрело буквальный смысл.

Шаварш прыгнул с лодки, нырнул, отыскал заднее боковое окно, повернулся к нему спиной, упёрся в стену троллейбуса ногами и ударил в стекло монтировкой. Затем обколел кромки. Вынырнул, взял конец одного троса и опять исчез. Вплывя в салон, сразу же наткнулся на чьё-то тело. Снова его охватил страх, как в первый раз. И потому он заработал ещё быстрее. Вынырнул, передал трос брату, а сам был тут же поднят в лодку и укрыт одеялом.

Теперь Камо предстояло свести оба конца троса и с помощью ломика соединить их. Но кто-то на берегу сказал машинисту крана: «Готово, поднимай!» Не ожидавший этого Камо был тут же зажат ломом и тросом и едва не раздавлен. Но сумел вырваться, однако от сильной боли потерял контроль над собой и потому ушёл глубоко под воду. Кто-то с лодки прыгнул в воду, помог Камо выбраться. И всё пришлось повторить сначала.

Троллейбус медленно поднимался на дамбу. После падения прошло 44 минуты.

...Камо уже оделся. Он и отец в нерешительности стояли перед Шаваршем. Но вот отец снял с себя рубашку, разорвал её на лоскуты. перевязал раны. Особенно сильно кровоточили ноги и правая рука.

— Поедем в больницу, — сказал отец. — Там обработают раны, сделают укол.

— Нет, — ответил Шаварш. — Только домой.

Они пошли к машине. Шаварш чувствовал всё нарастающую головную боль, спазмом свело желудок. Ему становилось всё хуже и хуже. Но он повторил:

— Домой.

Его уложили на заднем сиденье. Чехлами сидений отец укрыл сына. Камо положил голову брата себе на колени.

Вот они вошли в квартиру, и оцепенела мать. От людей она, как и весь город, уже знала о трагедии и теперь без слов поняла, что Шаварш и Камо — оттуда.

— Приготовь постель, Асмик, но сначала нужно промыть Шаваршу желудок. Мацони есть? Хорошо. Нужно побольше мацони. Как можно больше. Толик, сбегай в магазин. Вызовите врача. Нет, не нужно «скорую», Асмик, позвони Эдику Назаретяну. Он хороший врач, он друг, это лучше всего.

Пришёл Эдик. Сказал, что у Шаварша скорее всего двухстороннее воспаление лёгких. Опасался и других воспалительных процессов, заражения крови. Опасения были не напрасны.

— А сейчас им обоим нужно уснуть, — заключил Эдик.

Мама осталась возле постели Шаварша, Владимир Самсонович — в комнате, где положили Камо.

Погасили свет, но Шаварш не спал, хотя поднявшуюся до сорока градусов температуру удалось немного сбить. Мать сидела рядом и чувствовала, что он ещё долго не уснёт. Боясь оставить его наедине с самим собой, со своими мыслями и воспоминаниями, она не переставая говорила и говорила, охваченная каким-то вдохновением слова. Вспоминала дет-

ство сыновей, бабушку с дедушкой, что-то ещё, порой и сама себя не слышала, думая о том, как бы скрыть от сына своё состояние. А он всё лежал, устремив глаза в потолок, и мать не могла взять в толк, слышит ли её Шаварш или нет. Но всё рассказывала, шутила и смеялась, потом на мгновение умолкала, прислушиваясь к тишине. И снова принималась рассказывать.

— А помнишь, Шаво, как ты в первый раз поехал на лошади?

Он не ответил.

— О чём ты думаешь, Шаво?

— ...Если бы были акваланги, я бы вытащил всех... И если бы не то сиденье... кому-то это стоило жизни.

За стеной во сне ли, в полудрёме ли стонал и метался Камо. Отец держал его руку. На кухне молча сидели Толик и Эдик. Где-то продолжалась борьба за жизнь пострадавших. Где-то оплакивали погибших... Трагедия пришла в десятки ереванских семей.

Наступило утро. Но солнце над городом не появилось. Тяжёлые тучи по-прежнему плыли над Ереваном. Ветер стучал ставнями. Начинал накрапывать дождь. Дом Карапетянов погрузился в тяжёлый и тревожный сон.

Асмик Карапетовна взяла отпуск и не отходила от постелей сыновей. Камо выздоравливал довольно быстро. Однако по ночам стонал и вскрикивал. Что-то ему снилось, он просыпался в холодному поту. Снова погружался в сон и снова кричал. Шаваршу было намного хуже. Худой и бледный, он по-прежнему лежал неподвижно, глядя вверх, в ничто. На вопросы отвечал односложно, сам ни к кому не обращался. Дважды в день приходил Эдик Назаретян и ещё дважды — медсестра.

— Всё образуется, — успокаивал родителей Эдик, — крепкий организм своё возьмет, недель через пять-шесть, я думаю, он выздоровеет. Меня теперь больше тревожит его душевное состояние.

— Что же делать? — спросил отец.

— Если бы знать. Медицина в этом случае бессильна. Здесь надежда только на самого Шаво. И думаю, всё решит не его характер, а что-то другое.

— Что же?

— Обстоятельства. Впрочем, ещё рано говорить об этом.

Отец поседел не сразу. Он стал седым на третий день. Тут же покрасил волосы. Асмик Карапетовна не удивилась, не напонила мужу, как он сам нередко посмеивался над крашеными мужчинами. Она поняла: он сделал это, чтобы не волновать Шаварша. Тот же, увидев обновлённого отца, сказал:

— Подойти ко мне... Сядь.

Он обнял отца и положил его голову себе на грудь. Владимир Самсонович вдруг отстранился, резко встал и вышел из комнаты. Они с сыном никогда не были сентиментальны. Никто раньше не видел слёз отца. И не увидел.

На другой день в квартире раздался звонок. Почтальон принёс два денежных перевода — по сорок рублей каждый. В приписке говорилось, что так отмечена самоотверженная работа Шаварша и Камо Карапетянов по спасению утопающих.

Асмик Карапетовна тяжело опустилась на стул. Потом поднялась и хотела было броситься за почтальоном, но муж упредил её:

— Асмик, почта здесь ни при чём. Она не виновата.

— За что они так? — шептала Асмик Карапетовна. — Что же теперь делать?

— Я завтра же пойду туда и швырну им эти деньги в лицо.

— Не нужно сцен, Ладик. Этим людям ничего не докажешь. Ты положишь деньги в конверт, придёшь туда и молча положишь конверт на стол. Молча, Ладик, молча. И ничего не говори обо всём этом детям. Хорошо, что они сейчас спят.

Шаварш действительно спал, — это был тот редкий час.

Он не хотел, чтобы друзья и знакомые знали о его болезни, он и раньше не любил суеты вокруг себя. Телефон стоял около постели.

Многие звонили, но говорили с ним о чём угодно, только не об ЭТОМ. Родители предупредили всех и просили особенно не беспокоить сына.

Липо эти запреты на свой счёт не относил. Заходил он едва ли не каждый день, а недели через три, когда застал Шаварша за чтением учебника, сказал:

— Если ты уже занимаешься, то скоро можно приступать и к тренировкам.

Но ученик не ответил. Он был ещё очень слаб и апатичен. От его хриплого, надсадного кашля, казалось, звенела люстра. Сильно беспокоили язвы на теле. Он по-прежнему почти ничего не ел, а если и выпивал чашку бульона, то лишь для того, чтобы посветлели глаза у мамы. О спорте думать не хотел, не мог.

Он привык к ощущению собственной силы и ловкости. Даже на изнурительную тренировку он обычно шёл с радостью. Теперь, кажется, впервые за все годы он даже не стремился обрести это ощущение. Он ничего не желал. Даже мысль о предстоящей учёбе в институте вызывала тоску, а к учебнику по экономической географии потянулся из вялого любопытства. Но Липо увидел в этом добрый знак обретения духа и решил, что все неприятности уже позади. Как же он ошибался! Кто мог тогда знать, что эта болезнь — на долгие годы...

... — Ты очень устала из-за меня, мама?

— Ах, Шаво, человек устаёт не от работы или бессонницы. Его изматывают переживания. От этого, кстати, и все инфаркты на свете.

— Но, думаю, тебе это не грозит, ты же у нас такая молодая и красивая.

— Мне не грозит, если тебе ничего не грозит. Тебе сейчас стало лучше, значит, и мне стало лучше. Ты стал спать, значит, и мать стала стать. Вот так у меня всё просто устроено.

— Я для тебя и стараюсь. А знаешь, я стал чувствовать, что старею.

— Что за ерунда, Шаво, не нравится мне этот разговор.

— Ничего страшного мама, просто я всё чаще и чаще возвращаюсь памятью к детству, а это — признак старости.

— Ну, извини, я не поняла, что ты шутишь.

— Конечно, шучу. И всё-таки думаю и думаю о тех годах, о нашем Кировакане, о дедушке, о нашем саде... Но бывает, начинаю о чём-то вспоминать и вдруг — провал, хочу что-то вспомнить — нет, не получается. Скажи, я был трудным ребёнком?

— Легче всего было с Толиком, а труднее всего — с тобой, конечно. Ты иногда такое вытворял! Но вы были детьми своего отца. Он — главнокомандующий. Он всё решал. Может быть, так и нужно. В конце концов, я горжусь своими сыновьями, чего же ещё?

— Скажи, а что главное? Что нужно в человеке воспитывать? Как вы с отцом себе это представляли?

— Я знаю одно: дети должны расти в доброте, и только в доброте. Всё остальное уже вторично. Конечно, педагогика — это целая наука, и мы в ней тоже кое-что смыслим. Но всё хорошее в человеке произрастает из доброты. Так что я думаю, моим сыновьям повезло с родителями, а потому и родителям с сыновьями. Но самым добрым человеком в нашем Кировакане был не твой отец, а твой дед. И самым мудрым.

Глава 3.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Первый час ночи. Камо и Толик давно спят, они ещё совсем малыши. Да и Шаваршу время видеть уже третий сон. Только они с дедом совсем забыли про это. Всё сидит внук на постели и, едва дыша, слушает:

Давид от пещеры утёс отвалил,
Прочь его оттолкнул,
Кери Торосика, Ована позвал,
Сам встал впереди, в пещеру вошёл...
Налились амбары Сасуна добром,
От изобилия трещал Сасун.
А Давид себе взял лишь коня одного...

Память у дедушки Самсона была великолепная. В ней оседало, казалось, всё, что ему довелось хоть раз увидеть, прочесть, услышать. А читал он много, читал всё свободное время. К нему часто заходили старики. Бывало, целый вечер только и толковали, что о заморских делах нашего государства. Кто лучше всех знает в них толк и смысл? Старый Самсон.

И вообще, в своём городе человек он был известный, уважаемый. Добровольцем вступил в Красную Армию, участвовал в знаменитой битве с турками при Сардарабаде, был ранен.

Смеясь, рассказывал о том, что действительную службу ему пришлось проходить дважды. Дело в том, что раньше у его отца Серопа был другой сын Самсон. Но он умер совсем ещё малышом. И второго мальчика родители снова нарекли Самсоном. Но вышло так, что в документах смерть первенца оказалась незарегистрированной. Вот и пришлось Самсону-второму дважды служить в армии. Во время прохождения второй службы он и стал красноармейцем.

Некоторое время служил он в рабочем батальоне. Как-то в жаркий летний день рота солдат ремонтировала старый мост. Подошёл молоденький новобранец и спросил, можно ли здесь искупаться. Кто-то ему ответил: «Другие купаются». Может быть, так оно и было, да только река в том месте была и глубокой, и коварной. А недалеко от берега — яма и водоворот. Не успели солдаты оглянуться, а новобранец уже в воде. Да в той самой воронке и барахтается. Даже крикнуть о помощи не успел, не сумел, уже наглотался воды, которая вот-вот затянет его. Самсон в два прыжка у воды оказался. Прямо не раздеваясь и ухнул за солдатиком. Сам едва не утонул, но всё-таки не отпустил его, вытащил. Откачивали обоих. Об армейской службе он сыну много рассказывал, поведал и об этом случае. А от Владимира Самсоновича и его дети узнали. Да, впрочем, случай оказался не единственным.

Однажды Владимир Самсонович, тогда ещё Ладик, вместе с отцом поехал отдохнуть в деревню, что на берегу Аракса. Пошли к реке, отец прилёг и задремал. Он очень устал за неделю, приближались майские праздники, а работы в такое время у портного всегда много. Ладик тоже прилёг на траву, радуясь весеннему солнцу. И вдруг он услышал доносившиеся с воды крики. Подняв голову, Ладик сразу понял: тонет человек, и кажется, мальчик. Горные реки изобилуют воронками, одна из них и подстерегла неудачника. Ладик побежал к реке. Люди стояли у воды, в воде, было видно, что они очень хотят помочь мальчику, но никак не могут решиться — слишком бурным был водоворот. Всё реже и реже голова мальчика появлялась над водой.

И вдруг Ладик увидел, как кто-то с разбегу бросился в воду, доплыл до мальчика, ловко

поднырнул под него, схватил сзади, завёл ему руку под мышки, а другую под подбородок и резкими движениями вырвал из водоворота. Только на берегу Ладик узнал в спасителе своего отца.

Ещё в молодости выучился Самсон Серопович портняжному делу, так портным и остался. Обучил этому ремеслу Ладика, а позже и внуков. Научил их также шить обувь и головные уборы. Не сказать, чтоб эти навыки Шаваршу и его братьямгодились в жизни. Важно другое — дед «приделал им руки».

Ещё в двадцатых годах Самсон Карапетян организовал портняжную артель, где работал вместе со своими братьями. И любили Самсона все, а особенно люди простые. Любили за безотказность, доброту, за хорошие руки. Шил он добротню, на совесть, а за работу брал столько, что никто не обижался. Бывало, нет у заказчика денег, чтобы расплатиться, а Самсон скажет: «Ладно, когда будут, тогда и вернёшь». И ни за что не напомнит о долге.

Раз Самсон вместе с сыном отправился на базар, чтобы купить рису. Ходили от одного торговца к другому, от другого к третьему — всё выбирали, чей рис лучше. Наконец остановились.

— Я возьму пять весов, хозяин.

И торговец стал отмерять и насыпать рис в подставленный мешок. Однако, получив деньги, удивился:

— Почему ты заплатил мне за шесть весов?

— Потому что ты насыпал мне именно шесть.

— Ха! Я насыпал тебе пять, а ты заплатил мне за шесть. На, возьми сдачу и не принимай меня за дурака.

— Нет, это ты не принимай меня за дурака, не возьму я твою сдачу. Ты насыпал мне шесть весов.

— Хорошо, не будем спорить. Давай проверим, и ты увидишь, что я прав.

Стали пересыпать, и оказалось, что прав отец Ладика.

— Ишь какой, — сказал Самсон, — хотел меня обмануть.

И все трое от души расхохотались.

...Дело было в 1926 году. Самсон тогда портняжничал в селе Галавар, что неподалёку от Караклиса (так в ту пору назывался Кировакан). Время было трудное, продуктов в городе не хватало, а в селе жили посытнее. И вот как-то приехал в Галавар брат Самсона Мкртыч, набрал кое-каких продуктов и тронулся обратно. Путь хотя и недалёкий, да нескорый — как-никак на ишаке.

Стемнело, становилось всё прохладнее, и Мкртыч изо всех сил подгонял ишака. Вдруг на пути его выросли три тени, а когда Мкртыч подъехал, неизвестные взяли ишака за узду.

— Что везёшь, парень?

— Да так, немного продуктов, дети кушать хотят, — ответил Мкртыч упавшим голосом. Что тут делать? Ишак не лошадь, на нём не ускачешь.

— Кушать хотят, говоришь? Ничего, мы тоже кушать хотим. А детей покормишь в другой раз, — сказал самый длинный и взялся за мешок.

— Ах, ребята, ребята. Что я скажу жене? Что я скажу брату Самсону?

— ...Самсону, говоришь? Погоди, погоди. Какому Самсону? Как его фамилия?

— Фамилия? Карапетян его фамилия. И моя, между прочим, тоже.

Тот, что взялся за мешок, замялся, переглянулся с остальными.

— Карапетян? Ну что же ты сразу не сказал. Извини, дорогой. Извини, что так плохо пошутили. Езжай, дорогой. Езжай себе спокойно. И на, возьми ещё и этот мешочек. Сколько есть, немного, но всё тебе и твоим детишкам. Ещё раз извини и не обижайся.

И затрясся Мкртыч на ишаке дальше. Ехал и всё думал: а хорошо ли это, когда тебя кормят грабители с большой дороги? Но ведь не выбросишь же хлеб! Повернуть обратно и

отдать, отказаться? Эх, со страху не догадался!

И за весёлый нрав любили люди Самсона. Даже состарившись, он остался верен себе. Нет-нет, да и выкинет такое...

Жил на соседней улице некий Хачик. Где и кем работал — того никто не знал, но не в этом дело. Не любили люди Хачика, недобрый был человек, любил посплетничать, подсмотреть в замочную скважину. Да и поскандалить порой был не прочь.

Раз пришёл Хачик к Самсону и попросил сшить ему сюртук. Самсон поморщился, не хотел он шить для Хачика. Но тот словно нож к горлу приставил:

— Очень прошу тебя, Самсон-джан, очень нужно. В Ереван мне ехать, на свадьбу приглашён. А не в чем, всё хорошее износил. Только на тебя и надежда. Очень прошу.

Самсон понял, что отвязаться будет труднее, чем согласиться, и стал снимать мерку.

В назначенный день явился Хачик за заказом, надел сюртук, подошёл к зеркалу.

— Э-э, не нравится мне твоя работа, Самсон.

— А что не нравится?

— Да сам не знаю, но что-то не то. Нехорошо сидит этот сюртук. Это пока что не сюртук.

— Да ты смотри лучше, Хачик. По-моему, всё в порядке...

— Будь всё в порядке, я бы так не говорил. Знаешь, по-моему, эта линия мне не нравится. А ещё вот эта.

— Хорошо, Хачик. Снимай сюртук. Сейчас я его перешью. А ты пока пойдёшь погуляй часик.

Через час Хачик пришёл, надел сюртук, подошёл к зеркалу. И снова скривил губы.

— Хорошо, пойдёшь погуляй ещё полчаса, — сказал ему Самсон. — Теперь уж всё будет в порядке, не сомневайся.

Ни в этот, ни в тот раз Самсон не прикоснулся к сюртуку: сам-то он лучше мог оценить свою работу и понимал, что дело здесь не в линиях сюртука, а в характере заказчика.

— Надевай, Хачик, надевай свой сюртук. И смотри, пожалуйста. Я ничего говорить больше не буду. Смотри сам.

— Ну вот, Самсон-джан. Теперь всё хорошо. Теперь совсем другое дело. Вот что получается, когда захочешь, когда постарайся. Я забираю свой сюртук. Сколько я тебе должен?

Но Самсон на этом не успокоился. Он решил проучить капризного клиента.

— Знаешь, Хачик, если ты хочешь, чтобы всё было совсем-совсем хорошо, нужно ещё раз проутюжить твой сюртук.

— Ну так проутюжь.

— Э-э, нет, дорогой. Нужно не просто проутюжить. Нужно проутюжить прямо на тебе. Так сейчас делают самые модные портные в Европе. Я прочитал об этом в одном журнале и с недавних пор стал утюжить одежду прямо на клиентах. Очень хорошо получается.

— Я готов, Самсон-джан. Давай так и сделаем.

— Вот и договорились. Иди и ложись на стол. Только должен тебя предупредить: чтобы получилось совсем хорошо, нужно немного потерпеть. Будет чуть-чуть горячо.

— Э-э, какая ерунда. В Европе терпят, а чем армяне хуже?

Самсон к тому времени успел шепнуть жене, чтобы та сбегала и привела нескольких крепких мужчин. Те тут же явились и, застав окончатие диалога между мастером и клиентом, быстро смекнули, что от них требуется.

Как ни извивался под горячим утюгом Хачик, как ни просил отпустить его на волю, Самсон был неумолим. Соседи тоже...

Или заглянул как-то другой сосед, тоже не лучшего нрава.

— Самсон, я слышал, что в город привезли мороженое. Ты никогда не пробовал? Говорят, это очень вкусно.

— Мороженое? Конечно, пробовал. Это действительно очень вкусно.

— А где можно купить, Самсон?

— Где купить? Ну, ясное дело — в аптеке. Но продают не всем. Только по знакомству. Хочешь, я напишу записку аптекарю, он тебе даст, как своему?

— Ну конечно, кто ж не хочет?

Самсон взял бумажку, что-то написал, вложил бумажку в конверт и заклеил.

— Для конспирации, — пояснил. — Мороженое — большой дефицит. Иди себе с богом. Чтоб тебе было хорошо.

И сосед засеменил в аптеку, где в соответствии с письменной просьбой ему был вручён пакет английской соли. Шутник был этот Самсон.

Ну, право, какой ещё хозяин станет присваивать имя каждой своей курице? А у этого: Хорта, Доро, Сево, Саро... Причём каждая имя своё знала, как собака. И, как собака, откликнулась, тут же мчалась к хозяину, когда тот звал. Ублажённая, она порхала ему на плечо и оттуда надменно взирала на подруг. И дисциплину каждая свято чтит. На грядку или в дом — ни-ни, знала, что наказание неотвратимо. С курами Самсон был строг, но справедлив.

Только с женой Рипсима шуток себе Самсон не позволял, серьёзная была женщина. И очень суеверная. Дело было в июне шестьдесят третьего, на Кировакан обрушился такой ливень, что затопило даже сад Карапетянов. Никто в городе не помнил такого ливня и такого наводнения. А как раз в те дни состоялся космический полёт Валентины Терешковой.

Пришёл дед Самсон домой из города, приоткрыл дверь и вдруг услышал:

— Знаю, кто виноват во всём этом. Это она виновата. Ишь до чего додумались, женщину туда посылать, в этот самый... космос. Бога прогневали, вот он нам несчастье и послал.

Дед Самсон, услышав такое, тихонько приотворил дверь да и пошёл со двора. Навстречу ему — Шаварш.

— Ты куда, дедушка?

— Куда глаза глядят, Шаво. Ты бы послушал, как бабушка бранится. Терешкова во всём виновата, она нам наводнение послала. Ты слышал про такое? Хорошо, что именно она бабушке под руку подвернулась. Будь я в доме, на меня бы всё свалила. Так что спасибо Терешковой, а я пока пойду погуляю. Но к вечеру вернусь... Почитаем, Шаво, обязательно почитаем.

Строгая была женщина бабушка Рипсима. Она и тогда, когда брат Мкртыч вернулся из Галавара с «премиальным» кульком хлеба, нашла что сказать:

— Ох, какой хороший человек мой муж. Самый уважаемый человек... среди разбойников.

22 июня 1941 года, услышав по радио сообщение Совинформбюро, Самсон Серопович сказал жене:

— На днях я уйду на фронт.

— Почему ты решил, что тебя призовут? Ведь тебе уже сорок четыре года.

— Получу я повестку или нет, это не имеет значения. Защищать Родину должен каждый здоровый мужчина.

И пошёл в военкомат. Там уже толпились люди, первые добровольцы Кировакана.

Узнав о том, что отец скоро уйдёт на фронт, Ладик понял, что теперь он, тринадцатилетний, отвечает за сестёр и даже за мать. Ему хотелось, чтобы отец ушёл, не тревожась за них. Пусть знает, думал Ладик, что он сможет и на хлеб зарабатывать. Но как убедить в этом отца?

И тогда Ладик решил сшить кепку, отец ведь обучил его этому искусству. Просидел целый день и целую ночь. Да сшил сразу две. Отец, увидев его работу, кивнул и сказал:

— Я и так знал, что на тебя можно положиться.

...Их было сто двадцать человек. Они сидели на вокзале, изредка перебрасываясь малозначащими фразами с родными, пришедшими их проводить.

Прошёл час, потом другой, но состава всё не было. Когда подадут, никто не мог сказать.

Наступала ночь. Многие из солдат уговорили провожавших попрощаться и идти домой: долгие проводы — лишние слёзы. Ушла и Рипсима — дети оставались дома одни. Но Ладик не ушёл. Прикорнул на лавочке, положив голову на колени отца, а тот, удивляясь и радуясь нежданно затянувшемуся расставанию с сыном, всё глядел на его безмятежное лицо и думал о том, что эта война унесёт миллионы жизней.

Возможно, и его, Самсона, тоже, как знать?

Но снова прошёл день и снова — ночь. Состава всё не было. Давно разошлись по домам провожающие. Оставался лишь один Ладик.

— Я буду здесь с тобой до последней минуты, — сказал он отцу. — Я помашу тебе рукой. И тогда ты вернёшься. Я так загадал. Я верю: ты вернёшься.

Состав был подан ещё через сутки. И все солдаты, все до единого, перед тем как сесть в вагон, подошли к Ладик, обняли и поцеловали его.

— Я вернусь, — сказал отец. — Передай всем, что мы победим.

Вскоре все сто двадцать кироваканцев, переправляясь на пароме через Керченский пролив, были выброшены в море взрывом от прямого попадания фашистской бомбы. Сто восемнадцать погибли. Выплыли Самсон и ещё один кироваканец. Его, раненного в ногу, Самсон увидел лежащим на берегу и обнимающим обломок бревна. Самсон взвалил земляка на себя и понёс.

Вскоре он увидел своих.

Самсон продолжал воевать, был ранен, и за год до окончания войны по возрасту и состоянию здоровья его отозвали с передовой.

Ещё через два года, придя вместе с сыном на базар, он увидел того человека — без ноги. До войны Самсон его не знал, но решил, что и теперь повода познакомиться нет. Война давила тяжёлыми воспоминаниями, и Самсон не хотел их ворошить. Лишь подозвал сына и, показав глазами на безногого, тихо сказал:

— Это тот самый... Керченский пролив.

Отец не верил ни в бога, ни в приметы, однако считал, что жизнь ему спасла вера. Вера сына.

В роду Карапетянов, в их памяти и фотоальбомах важное и почётное место занимает дядя Шаварш — брат жены Самсона. Особенно привязан к Шаваршу был Ладик. Несмотря на двенадцать лет разницы, Шаварш обращался с ним как с равным — без всякой снисходительности, хотя и смотрел Ладик на Шаварша снизу вверх, с тайным восхищением. Тот был человек в округе известный и уважаемый. Дядя был настоящим спортсменом.

В те далёкие годы если человек увлекался спортом, так уж сразу многими его видами. Вот и Шаварш был баскетболистом, волейболистом, велосипедистом, гимнастом и легкоатлетом. Но самое главное — ярым, яростным пропагандистом физической культуры. Он постоянно участвовал в показательных выступлениях на стадионах, улицах, в парках. Призывал, агитировал: «Идите к нам, вливайтесь в наши ряды! Будем крепкими и здоровыми! Будем готовы к защите Родины!»

Окончив в своё время сельскохозяйственный техникум, Шаварш вскоре понял, что истинное его место — среди энтузиастов физкультурного и спортивного движения. И отправился в Харьков учиться в школе тренеров при Государственном институте физкультуры Украины. Вернувшись в родные края, стал работать в Кировакане физкультурным организатором. И по-прежнему сам участвовал в соревнованиях и показательных выступлениях. А племянник — тот всюду за дядькой только попевал. Носить его чемоданчик с формой почитал за

честь, а уж когда Шаварш обучал приёмам игры в баскетбол или волейбол, показывал и помогал отрабатывать гимнастические упражнения, был и вовсе на небесах от счастья.

Однако с велоспортом у Ладика отношения складывались непросто. Дело в том, что однажды он умудрился попасть под быстро мчавшийся велосипед. Пешеход и ездок отделились ссадинами да ушибами, машине досталось куда больше. Когда пыль на дороге улеглась, а оба участника «катастрофы», кряхтя и держась за бока, поднялись, они вдруг с удивлением обнаружили, что причастность друг к другу у них не только событийная, но ещё и родственная.

— Здравствуй, Ладик, — простонал Шаварш, — давно не виделись! Кажется, со вчерашнего дня? Покататься хочешь?

— Нет, больше никогда! Ненавижу я твой велосипед!

— Ах как ты не прав, Ладик! Теперь ты должен полюбить велосипед всей душой и всем телом. Вот только починю его, и поедешь. Мне тоже больно, но я тоже поеду. Иначе нельзя, Ладик. Мы же с тобой мужчины.

Видимо, правильно решил Шаварш: клин нужно вышибать клином, так и побеждают страх. Ладик это впервые познал десяти лет от роду.

В сороковом году Шаварш уехал в Ереван, куда его пригласили работать инструктором спортивного отдела при горсовете. Ладик очень скучал без него, временами просто места себе не находил. И однажды упрямый отец отпустил его на несколько дней в Ереван.

Ладику тогда было тринадцать лет, и в Ереван он ехал впервые в жизни. Но встреча с дядей оказалась последней. Через две недели началась война, и Шаварш ушёл на фронт... Однажды семья получила письмо с фронта — от однополчанина дяди. Он писал, что в одном из боёв Шаваршу пулей оторвало палец. Его хотели отправить в госпиталь, но он отказался и остался в строю. Через месяц его снова ранило, думали, что в плечо. Он потерял сознание, потом пришёл в себя. Поддерживаемый медсестрой, он пошёл к дороге в расчёте на попутную машину. Подойдя к шоссе, Шаварш глубоко вздохнул, опустился на камень и снова потерял сознание. Ночью он умер.

Узнав о его смерти, Ладик сказал отцу:

— Когда у меня родится сын, я дам ему имя Шаварш.

Герой этой книги получил своё имя за одиннадцать лет до своего рождения.

Лорийское нагорье, где расположен Кировакан, простирается в северной части Армении по границе с Малым Кавказом. Возделывают здесь зерновые, сахарную свёклу, табак. В садах обильно плодоносят яблони, груши, алыча, персики.

Лорийцы — люди своеобразные. За всю историю они почти не подвергались нападениям. Возможно, это отразилось на их характере. Все в Армении знают доброту и гостеприимство лорийцев, их искренность и простодушие, граничащее подчас с наивностью. И говор у лорийцев свой — мелодичный, певучий. И даже глаза чуть-чуть иные, нежели у других армян. В этих глазах можно прочесть какую-то особую доверчивость.

А ещё лорийцы эмоциональны и импульсивны. Как, наверное, нигде в Армении, у них издревле популярна борьба, а в последнее время и бокс. Сила здесь всегда была в почёте особом, но только сила, проявленная в открытом и честном поединке.

Вот, что пишет классик армянской литературы Ованес Туманян, воспевавший лорийцев:

Есть в тёмных ущельях обычай седой,
Старинным обычаям верен всегда:
В борьбе удалец удалца пред толпой
Спиною к земле не прижмёт никогда.

Саро и Моси, молчаливо сцепясь,
То кажут притворную ярость и прыть,

То хлопнутся наземь, в обнимку катясь,
Никак, мол, друг друга им не победить.

Напрасно толпа в исступленьи кричит
И девушки с бьющимся сердцем глядят.

Ладик — Владимир Самсонович Карапетян — большую часть своей «спортивной» души тоже отдал борьбе и боксу. И детей своих этому искусству обучил.

Когда закончилась война, Ладику шёл семнадцатый год. Роста и телосложения он был среднего, здоровьем природа не обделила, хотя и не одарила сверх меры. Война оставила заметный след на подрастающем поколении. С питанием было трудно и в России, и в Закавказье.

С чего началось увлечение Ладика спортом? Может быть, с турника во дворе, на котором ребята соревновались, кто больше подтянется. Или с упоения победой, одержанной в бесхитростной борцовской схватке с Суреном из соседнего двора. А возможно, и не с Суреном вовсе, а с Левоном или Хачатуром. Как знать, как вспомнить? Как понять, почему он, Ладик Карапетян, самый лучший борец и боксёр на всей улице, вдруг заболел гимнастикой и даже стал организованным спортсменом, то есть человеком, который занимается в секции под руководством настоящего тренера. И это было не вспышкой, а увлечением, захватившим парня надолго, на многие годы. Любовь к гимнастике Владимир Самсонович позже привил и передал детям своим.

К хорошему тренеру попал Ладик. Цолак Киракосян свою работу знал и любил. И ученики у него были хорошие, многие с его лёгкой руки вышли в большой спорт. Например, Альберт Азарян, который попал на страницы этой книги не только потому, что стал впоследствии мировой знаменитостью, олимпийским чемпионом в упражнениях на кольцах, а ещё потому, что именно он первым указал Шаваршу Карапетяну путь из гимнастического зала в плавательный бассейн.

Но всё это произойдёт через много лет. А пока родители Шаварша ещё даже не знакомы друг с другом. Пока Владимир Карапетян учится в десятом классе, занимается гимнастикой и нередко ходит на тренировки борцов, боксёров. И футболистов.

В футболе он добился наибольших спортивных успехов. Именно центральный защитник сборной юношеской команды железнодорожных школ Закавказья сыграл главную роль в том, что его команда стала в 1947 году победительницей всесоюзного первенства.

Команда формировалась и готовилась в Тбилиси. Там Владимира Карапетяна и взяли на особую заметку грузинские тренеры, а вскоре он был приглашён в команду ОДО (Окружного Дома офицеров). Владимир охотно согласился, тем более что в том году он поступил на первый курс Тбилисского института инженеров железнодорожного транспорта.

Дальше — больше, его пригласили на тренировки команды мастеров тбилисского «Динамо», а вскоре предложили играть за её дублирующий состав. Это было заманчиво, но Владимир так и не решился покинуть коллектив ОДО. Играл за него целый сезон.

А потом бросил всё, уехал в Ереван — одолела тоска по дому. Перевёлся на механический факультет Ереванского института сельского хозяйства. Стал играть за команду своего вуза, а позже и за сборную «Науки». Команда ИСХ была в те годы сильнейшей вузовской командой республики.

Вот таким разносторонним спортсменом был Владимир Карапетян. Видно, одарила его природа хорошей координацией, высокой культурой движения, пониманием его сути. Но главное, на личном опыте он познал: крепкий, здоровый организм помогает человеку делать своё дело лучше других. С этим убеждением Владимир Самсонович растил потом сыновей.

Деятнадцатилетний Володя видел перед собой две главные цели. Он хотел стать ин-

женером. И стремился вырасти в хорошего футболиста. Всё же справедливости ради следует отдать футболу второе место в его жизни, потому что в ином случае Владимир Карапетян вряд ли покинул бы Тбилиси, где над его головой замерцала бы звезда будущей футбольной знаменитости. Но человек он был серьёзный и старался смотреть далеко вперёд. И взор этот не усматривал в ближайшем будущем каких-либо препятствий для учёбы и спорта — обременять себя семейными узами он не собирался. Он и родителям обещал: «Сначала получу диплом».

Возможно, так всё и сложилось бы, не будь у Володи приятеля по имени Сурен, и не будь у Сурена девушки по имени Асмик. Правда, это сказано излишне смело, потому что с той девушкой Сурен даже не был знаком. Сколько ни старался, сколько ни вертелся около неё, пытаясь запечатлеть свой образ в её глазах и памяти, она его просто не замечала. Сурен, вздыхая, делился горем с приятелем, и Ладик очень ему сочувствовал.

И вот однажды Сурен сказал ему:

— Я больше так не могу, помоги мне. Поедем прямо к ней домой, и ты нас познакомишь.

— Как познакомишь? — удивился Ладик. — Я же сам не знаком с ней.

— Что за разговор, Ладик? Сначала ты с ней сам познакомишься, а потом и меня представишь.

— Странно мне всё это. Ну да ладно, давай поедем.

Как же потом сожалел о своей просьбе Сурен, как проклинал он этот день! Только взглянули друг на друга Ладик и Асмик — и закачалась земля. И растаял снег на Арарате. И заколыхали бурным цветом персик, алыча, айва, яблони и груши. И засияли улыбками лица всех людей в Кировакане. И даже во всей Армении, а может быть, и на всей Земле. Спасибо тебе, бедный Сурен! Если б не ты, не явился б на свет главный герой этой книги, гордость своего народа. Спасибо тебе, Сурен, от всей Армении, а заодно и от автора. Не было б Шаварша, не было бы книги, если б не ты, Сурен.

Ладик был человеком высоких рыцарских качеств. А потому о своих бурных переживаниях рассказал Сурену на следующий же день. Вскоре выяснилось, что нежные чувства к ней питает не только Сурен, но и многие другие юные жители близлежащих улиц города Кировакана. И вот эти «другие», оценив всю серьёзность намерений новоявленного конкурента, а вместе с тем и зыбкость своих позиций, решились на тот последний шаг, к которому нередко прибегают буйноголовые отроки, сознавая, что почва из-под ног уходит.

...В тот вечер их было восемь, он — один. С Асмик он несколько минут назад попрощался у её порога и теперь медленно шёл домой. Когда же восемь неожиданно выросли на его пути и изложили свою программу-ультиматум с описанием возможных для Ладика последствий, тот, забыв про святое боксёрское правило не применять свои приёмы в «мирной» жизни, нанёс оскорбление действием первым... Минут через двадцать к Асмик прибежала насмерть перепуганная соседка, крича, что её Ладика только что убили. Вдвоём они помчались к месту происшествия и обнаружили Ладика с некоторыми признаками жизни. Во всяком случае, он не лежал на земле, а сидел и даже проявил способность издавать кое-какие звуки. В темноте трудно было оценить степень повреждения органов. Асмик, проведя обследование лица своего возлюбленного, с облегчением установила главное: глаза его и зубы целы. Вдвоём с соседкой они осторожно подняли несчастного Ладика и повели в дом Асмик. Так судьба его была окончательно решена.

Недели через две Ладик, залечив «боевые» раны, вернулся к учёбе и тренировкам. С Асмик он теперь и вовсе не разлучался. Но кончалось лето, Ладик нужно было возвращаться в Ереван продолжать учёбу, он понимал, что свидания с любимой будут теперь редкими — только по воскресеньям.

— Что ты мучаешься? — сказал сыну Самсон Серопович, — нас жёны всю войну ждали.

И ни одна женщина не знала, дождётся ли. А у тебя всё хорошо, всё ясно. Но если у вас всё решено, дам тебе хороший совет: женись. Да, да, прямо сейчас. Мы с мамой заранее согласны. И пускай Асмик переезжает в наш дом.

Когда началась война, Асмик было двенадцать лет. Жила она с родителями и сёстрами в селе недалеко от Кировакана. Отца из-за плохого здоровья и преклонного возраста на фронт не взяли, да и здесь, в тылу, работать ему было тяжело. И все тяготы пали на плечи матери и сестёр.

К тому же старшая — Ася — в первые дни войны ушла медсестрой на фронт.

Работали в поле до глубокой осени, в школе занятия из-за этого начинались лишь в ноябре — такое было время. С рассветом Асмик и мама уходили из дому, а возвращались едва ль не к ночи, работали столько, сколько позволяло солнце. Особенно трудно было обслуживать сенокосилку. Вечером Асмик едва доплеталась до дома, выпивала стакан молока и съедала маленький кусочек хлеба. А днём доставалось две картофелины. Мать, глядя на Асмик, тайком утирала слёзы: «Ох, не будет у неё детей!»

Письма от Аси приходили из Смоленска, Калуги, Вязьмы. Все знали, какие тяжёлые бои вела Красная Армия в тех местах, и Асмик жалела, что слишком поздно родилась, ей хотелось быть там, где сестра. Та была ей и нянькой, и подружкой, и матерью. Доброта Аси была столь велика, что её хватало на всех. Руки сестры обладали просто чудотворной силой. Порой лишь одно их прикосновение исцеляло больного. Асмик знала, что теперь там, на фронте, сестра самый нужный для солдат человек, и потому ещё сильнее рвалась к ней.

Как-то вечером, возвращаясь с поля, Асмик повстречала незнакомого человека почтенного возраста, который беспомощно держал перед глазами письмо. Увидев девочку, он трясущимися руками протянул ей листок бумаги:

— Иди сюда, дочка. Вот письмо с фронта получил. Но что-то плохо у меня с глазами, прочти мне его, милая.

Пробежав по строкам, Асмик онемела. Ей захотелось спрятать письмо, порвать, растоптать. Что сказать этому человеку? И как?

Тот пристально смотрел ей в глаза, протягивая руки:

— Что там в письме, доченька?

Асмик молчала. Она пыталась что-то произнести. И не могла. Свело губы, дыхание...

— Что же там в письме, доченька? Что же ты молчишь? Скажи только одно: он жив? ...Н-н-нет!

Человек беззвучно опустился на землю и опрокинулся навзничь. К нему уже спешили люди, и Асмик бросилась бежать. Она не знала, куда бежала, ничего не помнила, что было дальше в тот вечер... Утром, проснувшись, увидела возле постели обеспокоенную маму.

— Ты заболела, дочка, сегодня тебе на работу лучше не ходить. Побудь денёк в постели.

— Нет, я встану. Мне нужно выйти из дома.

— Куда, дочка? Зачем?

— Мне нужно.

Асмик села за стол, вырвала из тетради лист бумаги и написала: «В военный комиссариат города Кировакана. Прошу направить меня в действующую армию, чтобы бить врагов нашей Родины». В военкомате дождалась очереди, вошла в кабинет и протянула листок. Прочитав его, военком улыбнулся:

— Сколько тебе лет, девочка?

— Тринадцать.

— Нет, милая, нельзя нам таких маленьких направлять на фронт. Вам ещё жить да жить. И бесполезно меня уговаривать. Ты сейчас нужнее здесь, в тылу...

...Когда Асмик стала женой Ладика и вошла в его семью, всё было хорошо, кроме, пожалуй, одного — отношений со свекровью. Корни и истоки такой ситуации известны, описаны с доисторических времён, и нам здесь добавить нечего. Со временем отношения между женщинами наладились, причём не без помощи самого старшего в семье.

Как-то, выйдя во двор, Самсон Серопович увидел невестку с вёдрами, полными воды. А ведь лишь за неделю до этого Асмик привезли из родительного дома с первенцем.

— Ай, глупая! — запричитал свёкор, — давай сюда вёдра! Зачем пошла за водой? Кому пришло в голову послать тебя за водой? Ты хочешь, чтобы Шаваршик без молока остался? Скажи, это тебя Рипсима за водой послала?

Асмик потупила взор, и Самсон Серопович понял: да, Рипсима. Ярость его была неопишима. Однако, войдя в дом, он сдержался и лишь сухо произнёс:

— Больше этого не будет! Она наша дочь!

Он встречал Асмик после работы, когда её задерживали служебные дела, и они вместе шли домой. К каждому празднику он шил невестке нарядные туфли, блузку или шляпку и вообще старался угодить любому её желанию. Уже имея троих детей, Асмик возобновила прерванные ранее занятия в институте. Но решилась на такое лишь после разговора со свёкром. Он предложил это, он и обеспечивал «тылы», взвалив на свои дряхлеющие плечи немалую толику её домашних обязанностей. Но это было уже после того, как Карапетяны вернулись со Ставропольщины.

В Ставропольский край Владимир Самсонович уехал после окончания института и вскоре был назначен главным инженером машинно-тракторной станции села Кевсалы, что в знаменитом ныне Ипатовском районе. Это было трудное для нашего сельского хозяйства время. Борьба за урожай велась в острейших, принципиальных спорах о технике и методах возделывания земли.

Молодой специалист ехал почти в неизвестность, имея в руках просто направление. Всё предстояло выяснять на месте. И вопросы быта тоже. Поэтому Самсон Серопович предложил сыну и невестке оставить пока маленького Шаварша в Кироваване.

— Когда всё у вас наладится, мы вам сами его привезём, — сказал он.

Так и порешили. Только не знал Владимир Самсонович, что эта разлука растянется на целый год. Ему пришлось окунуться с головой в работу с первого же дня. Не хватало техники, а та, что была, работала на износ, с перебоями и поломками. Не хватало хороших механиков, слесарей, приходилось заниматься их поисками и обучением. Плохо было с запчастями. Владимир Самсонович пропадал на работе от зари до зари, не знал даже выходных. Где уж тут было взять время на семью, на обустройство дома?

Но вот не выдержала жена:

— Так больше не может продолжаться, — сказала она. — Конца этому не видно. Вот что я решила: пусть приедет наш Шава, тогда и время свободное у тебя появится, и дела твои на работе наладятся, вот увидишь.

— Хорошо, — ответил он. — Я и сам хотел тебе это предложить. Завтра я дам в Кироваван телеграмму.

В назначенный день и час они собрались ехать встречать бабушку, дедушку и внука. До станции — около тридцати километров, и тут Владимир Самсонович обнаружил, что в его газике бензина совсем чуть-чуть. То ли хватит его, чтобы доехать до станции, то ли нет. По пути заправиться негде, а как ехать обратно, и вовсе неизвестно. Однако времени размышлять уже не оставалось, нужно было отправляться в путь. Сели они с женой в машину и поехали. Владимир Самсонович экономил бензин как мог, разгонялся, выключал двигатель, катил по инерции. Так и тянул всю дорогу. Бензин кончился в каких-нибудь двухстах метрах от станции, едва успели.

Наконец пришёл поезд, радость была несказанная. Шаварш вырос так, словно не год миновал, а целых три. И от родителей отвык так, будто не видел их несколько лет.

— Вы не расстраивайтесь, — сказал сыну и невестке дед Самсон. — Пока ехали сюда, Шаво только о вас и расспрашивал. Всё образуется. Ну что, в путь?

— Поедем, поедем, — ответил сын, нервно озираясь в поисках выхода. — Немножко подождём и поедем. Тут недалеко.

В этот момент он увидел, как на станцию выехал газик, за рулём которого сидел знакомый шофёр из соседнего колхоза.

Владимир Самсонович кинулся к нему с мольбой:

— Не откажи, друг, дай литров десять бензина, видишь, какая ситуация.

А у того тоже в баке мало было. Однако слил последнее:

— Езжай, Володя, и ни о чём не думай. Ты доедешь. А я что-нибудь придумаю.

Он знал, что, окажись он в такой ситуации, Карапетян не задумываясь отдал бы последнее. Слава богу, за год работы люди его уже хорошо узнали.

Через два месяца родился Камо, а ещё год спустя — Толик. Асмик Карапетовна оказалась права: дела у мужа постепенно налаживались. Теперь он почти каждый день приходил обедать домой, да и возвращался вовремя, «как все нормальные люди», — так говорила жена. Муж занимался делом, детьми, читал книги и чувствовал себя по-настоящему счастливым человеком.

Он даже опять стал играть в футбол. Оказался однажды на тренировке колхозной команды, вышел на поле, и тогда местные футбольные знаменитости впервые в жизни увидели, что такое настоящий класс. С той поры ни один матч не проводился без участия Карапетяна. Нужно ли говорить, что авторитет молодого главного инженера МТС ещё больше упрочился?

Эту армянскую семью в Кевсалах любили все. Особенно соседи Антон Семёнович и Екатерина Игнатъевна. Для Толика, Камо и Шаварша их дом был таким же родным, как и свой.

Обзавелись Карапетяны коровой. На зиму сена заготовили, ловкий на руку Владимир Самсонович косой быстро овладел. Однако сарай с сеновалом построить не успел и потому поставил во дворе стожок и хорошенько укрыл его. И вот однажды не углядели за Шаваршем, тот стянул со стола спички да стожок и спалил. Весь спалил, дотла. Нечаянно, конечно. Сказал маме, что хотел рядом просто разжечь маленький костерок. А полыхнуло всё разом.

Что взять с несмышлёныша? Что делать? Ругать и наказывать? Да за что? За свою же родительскую беспечность? Жалко корову, жалко себя. Где взять теперь сена?

— Ну что за беда? — сказал Антон Семёнович.

— Разве это беда? — вторило ему всё село.

И на другой день возле дома Карапетянов красовался уже новый стог, пышнее прежнего.

Как-то Владимир Самсонович, придя с работы раньше обычного, сказал жене:

— Давно мы с Шаво не катались на машине. Пора мне выполнять свои обещания.

Ехали они вдоль поля не спеша, часто выходили и замирали, любуясь клонившимся к закату солнцем, в оранжевых лучах которого едва заметно играла, переливалась волнами спеющая пшеница. Прислушивались к пению жаворонков — таких трелей в Армении не услышать. Защемило сердце у Владимира Самсоновича, нахлынула тоска по родным местам, хотя и знал наперёд: уезжать отсюда ему будет уже трудно. Прижился, прикипел к этой земле, к этим людям. Трудно будет и потому, что столько пота пролил он на эту землю.

Встретили озерцо. Снова вышли из машины, решив искупаться. Озерцо оказалось мелким, и вода скорее обожгла тело, чем охладила. Но Шаваршу было всё равно, он плескался, как воробей в луже. Полежали на травке. Перекусили тем, что мама дала с собой. И опять тронулись в путь.

Неожиданно машина чихнула, потом ещё раз и остановилась. Отец открыл капот, заглянул в двигатель и присвистнул: сгорела катушка зажигания. Шансов добраться до дому своим ходом у машины не было. Стало быть, своим ходом должны добираться водитель и пассажир. Становилось прохладно, солнце уже в пол-лица скрылось за горизонт. Отец посадил Шаварша на плечи и пошёл. Но скоро понял, что этак за два часа ходьбы мальчишка может сильно продрогнуть, а потому нужно спустить его на землю, пусть идёт сам. Десять-двенадцать километров для шестилетнего ребёнка — расстояние хотя и не пустяковое, но вполне преодолимое.

И они пошли. А чтобы путь не казался Шаваршу долгим и утомительным, отец стал рассказывать ему разные истории, а то и предлагал посостязаться в беге или даже в прыжках на одной ноге. Так и доскакали до своего села.

Был одиннадцатый час ночи. Возле правления колхоза Владимир Самсонович увидел дежурную машину. Зашёл в правление, но водителя там не оказалось. Подождал ещё несколько минут, а потом решил: «Была не была, вторую машину поведёт Шаварш».

Они сели в машину и поехали искать свой поломавшийся газик. Тревожно было на душе у отца. Не сказать, конечно, что за свои шесть прожитых лет сын не сидел за рулём. Сидел, но только на коленях у отца.

Шаварш думал о том, что ему предстоит, и угрюмо молчал.

— Ничего, ничего, сынок, — отец был нарочито весел. — Ты же у нас смелый парень. Поедем потихонечку, а ты внимательно следи за дорогой. Чуть что — тормози. Я знаю, что тебе очень интересно вести машину самому, как взрослому. Правда?

Но Шаварш не ответил и на этот раз.

Вот, наконец, и их несчастный газик. Владимир Самсонович, развернувшись, подал назад. Достал буксирный трос, зацепил сломанную машину.

— Ну, всё, Шаво. Можно ехать. Садись за руль.

Хотел помочь ему забраться в машину, но сын недовольно мотнул головой и отстранился:

— Я сам.

— Сынок, а как нам быть с тормозом? Ведь ты не дотянешься ножкой до педали.

— Не ножкой, а ногой, — буркнул Шаварш.

С этими словами он слегка сполз вперёд с сиденья и с силой надавил на педаль.

— Ну, значит, всё в порядке, — вздохнул отец. — Будем трогаться.

Еле-еле, крадучись, Владимир Самсонович тронулся с места и поехал. Сам, конечно, смотрел не столько вперёд, сколько назад, однако в темноте, за светом фар машины, которую вёл сын, лица его не видел. Прошла минута, потом ещё одна. Отец плавно остановился, выпрыгнул из машины и подошёл к дверце газика.

— Ну, как дела, сынок?

Однако тот молчал, мёртвой хваткой вцепившись в баранку. Всё тело его била дрожь.

— Ах, какой молодец у меня сын. Как хорошо ведёт машину, — снова натужно засмеялся отец. — Всё делает как надо. Поехали дальше.

Ещё через пять минут вышел отец из машины и приблизился к сыну. И вдруг, открыв дверцу, услышал:

— Ты почему так тихо ведёшь машину? Хочешь, чтобы я тебя обогнал?

«Мужчина растёт», — подумал отец.

А теперь мы снова перенесемся в Кировакан, куда после долгого отсутствия возвратились Карапетяны. И притаимся в детской спальне, где погашен свет и слышен лишь тихий голос дедушки Самсона. Каждый вечер он рассказывает внукам про Давида Бека, Ашота Ерката, Самвела и других легендарных героев армянского народа. А «Давида Сасунского»,

всего «Давида Сасунского» — эту книгу и в руках-то долго не удержишь — дедушка Самсон знал наизусть.

Эта героическая поэма как никакая другая выражает суть армянского народа, его дух. Она впитала в себя вековые чаяния армян. Родившись более тысячи лет назад, поэма устами сказителей передавалась из поколения в поколение. Сасун — горная область, лежащая к юго-западу от Ванского озера. Давид — подлинный герой своего народа, так же как в России — Илья Муромец. Давид Сасунский совершает свои подвиги потому, что этого требуют интересы народа. Он мужественно вершит добро и справедливость, ничего не требуя взамен.

Горяч Давид, неудержим в бою. Но даже в самом яростном пылу борьбы он внезапно смягчается, становится кротким и покорным, когда эта ярость наталкивается на ласку. Одним нежным словом можно укротить Давида. Дедушка Самсон говорит о том, что и у героев бывают человеческие слабости, что нередко в каждом из нас борются как бы два человека: один слабый, другой сильный. Но сильный, если он справедлив, всегда должен победить.

Вот достаёт Давид доспехи отца. Они ему велики, да и Джалали — слишком могучий конь. Но, испив из чудесного источника, Давид становится исполином — и доспехи, и конь ему впору. Тогда подъезжает он ночью к войску арабов-завоевателей и трижды громко провозглашает: «Кто спит, восстань, кто восстал, садись в стремя». Неприятельское войско спит, а Давид спящих бить не может.

Пробудились завоеватели, и началось чудовищное побоище. Но вдруг навстречу Давиду идёт старик-араб:

Пришёл, перед Давидом стал,
Сказал: «Давид, сыночек мой,
Удержи коня, послушай меня,
Я слово тебе скажу:
Ведь эти люди — существа живые.
За что ты губишь их?
Ведь жёны дома есть у них
И дети есть у них...
Мы не враги тебе, твой враг — Мелик.
Иди и с ним вой».
И сжалился тогда Давид,
Убийство прекратил.
И молвил: «Ну, старик,
Хорошее слово ты мне сказал,
Исполню слово твоё...»

Давид мчится к шатру Мелика, убивает его и отпускает бесчисленное войско врага, предостерегая никогда больше не нападать на Сасун:

Но коль поднимете вы вновь оружие против нас,
Коль нападёте вновь на нас, то знайте:
В какой бы яме ни сидели вы,
Какими бы жерновами ни укрывались вы,
По чести встретит вас Давид,
Вас молния-меч сразит.

— Ну всё, ребята мои, пора спать, — говорит дедушка Самсон.

Однако Камо и Толик уже и так заснули, они же ещё малыши. А Шаварш приподнялся, сел на постели:

— Дедушка, а с кем завтра будет воевать Давид?

— Завтра он сразится с войском Пап-Френка.

— И тоже не будет нападать на спящих?

— Конечно, Шаво. Спящих, как и лежачих, бить нельзя. Завтра Давид снова приостановит бег своего коня и снова громко провозгласит клич, чтобы враг проснулся, взял оружие, сел в седло и приготовился к бою.

— И Давид снова победит целое войско?

— Потерпи до завтра, Шаво, а то нам с тобой сейчас от мамы достанется. Спокойной ночи!

...Вот уже не стало Давида, и теперь сын его Мгер-младший странствует по свету, борется за справедливость, побеждает чужеродные войска. Вот он спасает целый город от наводнения, низвергнув с гор утёсы.

Но вскоре Мгер сдаётся, не может он больше бороться с несправедливостью. Он идёт к могиле отца и матери и узнаёт там решение своей судьбы.

Говорит Мгер:

Коли встану, выйду в свет —
Не удержит меня земля.
Пока этот мир полон зла,
Пока будет жива земля,
На свете мне не жить...

И Давид указывает сыну уйти в скалу и ждать, пока старый мир будет разрушен и будет создан новый мир. Мгер отправляется искать тот утёс, под которым и будет ждать.

Когда будет пшеница как лесной орех,
Как шиповника ягода будет ячмень,
Тогда придёт мне день,
Отсюда я выйду в тот же день.

— Но почему же Мгер не захотел больше воевать? — недоумевает Шаварш. — Ведь теперь кто-то другой должен за него воевать.

— Ты правильно спрашиваешь, Шаво, правильно рассуждаешь. Если другим людям плохо, то нельзя сидеть под утёсом и ждать. Здесь мы с Мгером не согласимся, правда?

— Конечно, не согласимся.

— Но Мгера можно простить. Во-первых, вспомни, что он уже немало сделал для своего народа. А во-вторых, на пенсию Мгера отправил его отец — Давид. Себя Давид не щадил, не жалел, а вот сына пожалел. Ведь отцы всегда жалеют своих детей. Для них дети — всегда немножко малыши.

— А ты моего папу жалел?

— Конечно, жалел. И он вас тоже жалеет. И ты своих детей будешь жалеть. Все люди должны друг друга жалеть.

...Вот Санасар и Багдасар, сыновья Цовинара, дочери армянского царя Гагика, отправляются в путь:

Четверо суток всё гнали они коней
И покинули край, где царил Халиф.
И кружили, кружили они,
Добрались до чужой земли.
Приехали к ущелью и вышли
К большой реке, что там текла, они пришли
И видят — узенький ручей
Бежит, спешит с высоких гор...
И друг другу задали тогда братья вопрос:
— Что за сила живёт в этом тонком ручье,

Что может реку он делить, пересекать
И перерезать всю и в берег ударять?.. —
Ответил брат:
— Всесильных то вода.
Кто выпьет воды у истока её,
Тот станет силён,
Спину его не ударит оземь никто.
Кто отыщет исток еле видной воды,
Кто дом свой построит у этой воды,
Тот сам будет сильным, сильнее других,
И сын его будет силён.
И сын ему сильного внука родит
И внук будет сильных иметь сыновей. —
И клятву даёт Санасар:
— Хлеб и вино и сущий господь!
Где отыщем исток воды,
Мы жильё там себе возведём.
Нам сила дана, и вода сильна,
Мы напьёмся этой воды, всех мы станем сильней. —
Багдасар сказал:
— Быть же воле твоей... —
Санасар к востоку пошёл,
Багдасар к закату пошёл.
И каждый по глыбе брал, таскал
И ещё таскал, взгромождал,
И брат брату руку помощи дал,
Каждый к богу воззвал,
Мастером стал, стену из глыб вздымал
У малой воды, где был их привал,
Рука об руку строили дом...

— Дедушка, а ты можешь построить дом?

— Нет, не могу. Один человек дом не построит. Но когда все вместе, другое дело.

— А папа говорит, что хочет построить для тебя дом.

— И папа в одиночку дом тоже не построит.

— Но ведь мы будем ему помогать.

— Если так, то дом будет построен.

— Я очень хочу построить для тебя дом.

— Завтра мы все вместе поговорим об этом. Уже скоро двенадцать часов, а ты всё не спишь. Нам с тобой опять достанется...

Через два года они действительно построили дом для дедушки с бабушкой. Вместе с отцом и дедом Шаварш рыл землю под фундамент, месил цементный раствор, сколачивал опалубку, делал стенную кладку, устанавливал стропила, приколачивал обрешётку, штукатурил стены, белил потолки. Как-то зашёл сосед дядя Месроп.

— Хороший дом получается, Ладик, — сказал он, — где ты научился строить дома?

— Не знаю, Месроп, — ответил отец. — Люди строили, я помогал. Когда, где — того не помню. Если хочешь, если стараешься, обязательно научишься. Вот мой Шаво уже может построить дом. Правда, Шаво?

— Конечно, построю. Если папа будет мне немножко помогать. Багдасара и Санасара тоже никто не учил.

Так день за днём постигались уроки жизни...

Глава 4.

ЗЁРНА И ПЛЕВЕЛЫ

Шесть часов утра. Медленно поднимается солнце из-за гор. Вот первый его лучик вошёл в комнату, подполз к постели Толика, заиграл на его лице. Толик открыл глаза и тут же встал. Подошёл к старшему брату, тронул его за плечо. Шаварш недовольно поморщился, что-то буркнул и отвернулся к стене. В этот момент вошёл отец:

— Ребятки, пора вставать! Вставать и строиться. Камо, а Камо, ты слышишь? Ну, потянись немного... Вот так. Шаво, ах ты лодырь! Любишь поваляться, лишнюю минутку урвать. И не стыдно тебе перед младшим братом?

Шаварш и вправду вставал позже всех. Просыпался долго, медленно, тягуче. Но зато во время зарядки не ленился, как порою средний брат. У того всегда что-то «болело», где-то «ломило», и излечивал его лишь хороший шлепок отца или старшего брата. А вот Толик — тот всегда подражал Шаваршу, подчинялся ему беспрекословно. Камо никому не подражал вообще, но и для него старший брат был авторитетом непререкаемым. Даже через много лет, когда братья Карапетяны будут уже маститыми спортсменами, товарищи из сборной команды страны спросят Камо: «Почему ты всегда слушаешься Шаварша?» На что тот простодушно ответит: «Потому что он старший. И потому что он всегда прав».

Трудно сказать, когда именно Владимир Самсонович стал приобщать сыновей к физической культуре. Вспомним, как к мудрецу обратился некий родитель с вопросом, когда можно приступать к воспитанию его годовалого сына. И как мудрец ответил: «Вы опоздали на целый год». Судя по результатам, Владимир Самсонович с воспитанием своих детей, в том числе и физическим, не опоздал.

Отец справедливо считал, что лучшая форма воспитания ребёнка — игра. Но даже с младенцами он играл осмысленно, целенаправленно, старался, чтобы и игра была подобна тренировке, развивающей гибкость, ловкость, силу.

Утром занимались на гимнастических кольцах, подвешенных к потолку в комнате. Делали упражнения с гантелями, лёгкими гирями.

А днём проводилась уже настоящая тренировка. Во дворе был сооружён целый гимнастический комплекс: кольца, брусья, конь, перекладина. Отцу было что показать сыновьям. Как и в былые годы, он ловко крутил «солнце» на перекладине, делал стойку на брусьях, крутил фляки и сальто. Однако всё это было не более чем вдохновляющим примером, отец обучал куда более сложным элементам.

Здесь же, во дворе, давались уроки борьбы и бокса.

Снова опередим на несколько лет ход событий и вместе с девятнадцатилетним мастером-подводником Шаваршем Карапетяном заглянем в боксёрский зал, что находился по соседству с плавательным бассейном. Залюбовавшись ладной фигурой Шаварша, тренер по боксу скажет ему:

— Хочешь попробовать?

— А почему бы и нет?

Шаварш наденет перчатки, выйдет на ринг. Сначала ему предложат соперника послабее и полегче. Однако уже через минуту тот откажется от продолжения боя. Тогда его место займёт другой партнёр — потяжелее и посильнее предыдущего. Но и он вскоре капитулирует.

И лишь с третьим соперником Шаварш поведёт бой на равных. После этого Шаварш услышит такие слова:

— Ты же прирождённый боксер. Предлагаю тебе выплывать на поверхность. Мы пойдём с тобой дальше — к вершинам бокса.

Но Шаварш только улыбнётся и скажет:

— Нет, я однолюб. А чтоб вы не удивлялись, объясню: в детстве меня и братьев учил боксу отец. Так что у меня были неплохие спарринг-партнёры.

...По воскресеньям Карапетяны всей семьёй выезжали за город. Гуляли, жарили шашлык, пекли на углях картошку. Обязательно играли в футбол. Владимир Самсонович носился по полю, как мальчишка, ввязывался в каждую схватку — неистово, азартно. Отдавался игре целиком. Спорил, кричал, бурно радовался каждому голу, особенно когда забивал сам. Тут уж он был не отец, не тренер, а только игрок. Не досаждал сыновьям назиданиями и советами, считая, что ребёнка футболу учить не обязательно, до всего дойдёт сам. Особенно подтверждал это мнение Толик, да так, что отец порой лишь диву давался: откуда у него эта ловкость и смекаливость? Домой возвращались счастливые и с нетерпением ждали следующего воскресенья.

Вот только плавать в Кировакане было негде. Отец сокрушался оттого, что дети не получают полноценного физического воспитания. Тогда-то дедушка и сказал сыну:

— Что за беда, построим бассейн своими руками.

В углу двора наметили площадку: получилось восемь на три метра. Однако геологическое изучение участка привело к огорчительному выводу — на метровой глубине проходит канализационная труба. А «лягушатник» никого не устраивал, им нужен был самый настоящий бассейн. И тут блеснула инженерным замыслом Асмик Карапетовна: «Всё очень просто, нужно поднять стенки бассейна над землёй».

К работе приступили впятером. Пятым, если не первым, был дедушка. Тому всё не терпелось:

— Вот и у меня будет дело, стану учить внуков плаванию.

Вырыли котлован, сделали стенки, забетонировали, подвели воду, сделали сток.

Открытие было торжественным, кажется, вся улица собралась. Толик перерезал ленточку, а право первым войти в воду было единодушно предоставлено деду. И поплыл он под шумные аплодисменты улицы. А потом пригласил в воду всех желающих. Когда же всплески страстей и воды улеглись, утихли, он поманил старшего внука:

— Иди сюда, Шаво, сейчас мы проведём первый урок.

Так начался великий водный путь будущего рекордсмена мира и чемпиона Европы.

Не следует, однако, думать, что жизнь в семье Карапетянов под чутким и добрым взором родителей текла благодатно и безмятежно. Да и бывает ли такое?

Толик учился получше братьев. Никогда не приходилось усаживать его за уроки или до хрипоты звать с улицы. Принято считать, что младший ребёнок в семье — баловень. Но у Карапетянов не разбалуешься, средний и младший подчинялись старшему брату. Вот только сам старший не очень-то любил подчиняться.

Как-то пришла в дом соседка тётушка Ануш и пожаловалась:

— Найдите управу на вашего Шаварша, он опять побил моего Арутюнчика.

Хотя и был Шаварш на год младше и на полголовы ниже любимого внука тётушки Ануш, Владимир Самсонович тут же призвал сына и строго спросил:

— Ты за что побил мальчика?

— Не побил, а только дал подзатыльник.

— У тебя такой подзатыльник получился, что ребёнок упал и разбил нос. Так за что?

— Зачем спрашивать, папа? Это наше дело.

— Хорошо, пусть это ваше дело, не буду вмешиваться. Но ты должен пойти к Арутюну и помириться. Я знаю, что просить прощения тебя не заставишь. Но помириться нужно обязательно. Нужно жить дружно, мы же с соседями живём дружно.

— Помириться с Арутюном? Да никогда и ни за что, я скорее ухо себе откушу.

— Ухо ты себе откусишь потом, а сначала пойди и помирись с Арутюном.

— Нет!

— Хорошо, тогда пойдём к нему вместе, я вас сам помирю.

И с этими словами Владимир Самсонович подошёл к сыну и крепко взял его за руку. Но Шаварш вырвался. Тут уж в родительских жилах взыграла кровь, и он с грозным криком двинулся на сына.

Шаварш кинулся прочь. И началась гонка. Шаварш убежал в сад, стал юлить вокруг дома. Отец не отставал и уже был готов вот-вот настичь безобразника. Но тот в последний миг влетел в родной дом, избежал на чердак. Отступить уже было некуда, и когда карающая рука родителя простёрлась над ним, прыгнул вниз. Острая боль пронзила пятки, отозвалась в коленях и даже в животе. Шаварш охнул, крикнул, поморщился, но тут, взглянув вверх, увидел испуганное лицо отца и через силу улыбнулся:

— Ну, хорошо, Шаво, — сказал отец. — Пусть будет по-твоему. Но только больше не надо прыгать, пожалей если не себя, то хотя бы нас с мамой. Хорошо, что Камо и Толик не видели твоего подвига, а то бы скоро у нас совсем не осталось детей. А если б мама увидела это, её бы тут же отправили в больницу с сердечным приступом. Ты больше не будешь прыгать со второго этажа? Ты обещаешь?

— Подумаешь! Конечно, обещаю.

Однако скоро слово своё Шаварш нарушил.

Произошло это в школе, на уроке русского языка. Надо сказать, что высидеть смирно целых сорок пять минут было для него нестерпимой пыткой.

— Зачем такие длинные уроки? — жаловался он дома. — Ноги затекают, руки тоже. Но главное — голова очень затекает. Надо, чтобы уроки были по двадцать минут. Пусть десять, даже двенадцать уроков, но по двадцать минут.

— Хорошо, Шаво, — смеялся отец, — я напишу в Ереван, в Министерство просвещения. Напишу, что старший мой сын — самый слабый в семье и даже в школе. Попрошу, чтобы для тебя одного сделали уроки по двадцать минут.

Особенно не сиделось Шаваршу на уроках русского языка. Русская грамматика давалась ему куда труднее, чем, например, физика или математика, хотя книжки на русском языке он читал с удовольствием.

На этот раз Карапетян не выучил урок и плохо ответил. Учительница взяла ручку, открыла журнал и...

— Ой, не нужно мне ставить двойку, Тереза Папиковна! — взмолился Шаварш. — Я к следующему уроку обязательно всё выучу и отвечу на пятёрку!

Ещё он добавил, что урок учил, но только не весь, а лишь первую половину. Ему не повезло: Тереза Папиковна спросила как раз вторую. Он же не виноват, что его спросили не ту половину. Он же не виноват, что вчера так наигрался в футбол, что на вторую половину просто не осталось сил. Но к следующему уроку он обязательно выучит и вторую половину, и третью, и даже четвёртую. И ответит на пять, в этом нет никаких сомнений.

— Вот и хорошо, Карапетян, если ответишь так, как обещаешь, то я тебе и поставлю пять. А пока ставлю двойку.

И вдруг Шаварш встал из-за парты и почти выкрикнул:

— Если вы это сделаете, я сейчас же выпрыгну из окна.

Учительница подошла к окну, посмотрела вниз и улыбнулась:

— Отсюда? С третьего этажа? Что ж, прыгай.

Она решительно вернулась к столу и стала выводить против фамилии Карапетяна уведомительную двойку.

В классе воцарилась напряжённая тишина. Все знали, что если Карапетян пообещал... Тридцать четыре пары глаз устремились на него. Отступить было некуда. Шаварш взмыл на подоконник, распахнул окно, зажмурился и полетел.

На этот раз ему было намного больнее, чем тогда в саду. Шаварш лежал на земле, с трудом подавляя собственный стон, и знал, что на него смотрит весь класс. Вместе с учительницей.

Однако насчёт Терезы Папиковны он ошибался. В этот момент она сама лежала в глубоком обмороке.

А на следующий день Владимир Самсонович и Асмик Карапетовна угрюмо шествовали в школу. Разговор у директора был долгим и тяжёлым. Шаварш молчал. Он молчал и дома. Отец напомнил ему:

— Ты же обещал, что больше прыгать не будешь. Где же твоё слово?

— Я не нарушил слово, папа.

— Как так не нарушил? Ты же прыгнул из окна.

— Помнишь, ты мне сказал: дай слово никогда больше не прыгать со второго этажа?

— Да, так и было.

— И слово такое я дал. Но ведь я же прыгнул с третьего этажа.

— Ты слышала, Асмик, что он говорит?

— Слышала. Это просто возмутительно. Возьми с него теперь слово, что он не будет прыгать и с третьего этажа... Нет, нет, этого мало. Возьми с него слово, что он не будет прыгать ещё и с четвертого, и с пятого этажей.

— Хорошо. Итак, Шаварш, ты сейчас дашь нам с мамой слово, что не будешь прыгать со второго этажа по восьмой включительно...

— Откуда он такой? — сказал Владимир Самсонович жене, когда дети уже спали.

— Откуда, откуда! — проворчала мама. — Ты же сам и виноват. Вспомни, как вы его, годовалого, бросали с бабушкой из рук в руки навстречу друг другу. Бедный мальчик по воздуху целых сто метров летел.

— Да, было такое. Ну, не сто, конечно, а чуть меньше. А ты вспомни, как он при этом хохотал. Смелый мальчик рос.

— Вот, вот! И пожинай теперь плоды своего воспитания. Тарас Бульба ты! Убийца собственных детей!

Это была любимая мамина поговорка.

Однако положив руку на сердце согласимся, что все эти неприятности были грозами местного значения, не вызывавшими серьёзных опасений и не побуждавшими мыслью о возможных стихийных бедствиях. Но так продолжалось лишь до поры до времени.

Шаваршу исполнилось тринадцать лет, он окончил шестой класс, и впереди было целое лето отдыха. Мама с папой собирались взять отпуск, отправиться с детьми сначала в Ереван, куда вскоре предстояло переехать семье, — отца переводили на новое место работы. Наметили, что затем поедут в Тбилиси и далее — к Чёрному морю. Вечерами за столом только и разговоров было, что об этой поездке.

Лишь Шаварш в них не участвовал. Всё чаще и чаще он поздно приходил из школы. Когда же возвращался, бывал замкнут, малоразговорчив и вскоре вновь исчезал куда-то. Самым странным и неприятным было то, что в доме вот уже дважды пропали деньги. Родители не имели привычки их прятать, так же как и запирали дом. Деньги всегда лежали на видном месте.

И вдруг такое... Нет, мать и отец не хотели связывать эти пропажи с изменениями в поведении сына. Он рос добрым и отзывчивым парнем.

...Было ему лет семь-восемь, когда однажды возле дома остановился грузовик.

— Эй, мальчик, — крикнул шофёр, — а где твои родители?

— Они скоро придут, — ответил Шаварш.

— А кто сейчас в доме старший?

— Я самый старший.

— Вот я привёз вам уголь, кто выгружать-то будет? Заказали, а самих дома нет... Ладно, я пойду отлучусь на часок, может, они за это время придут.

И ушёл. А Шаварш, притащив из дома табурет, встал на него, открыл борт машины и, взобравшись на уголь, стал орудовать лопатой. Шофёр пришёл через полтора часа, когда Шаварш сбрасывал с борта последние куски.

Отец, когда вернулся, схватился за голову. Но удивился не сыну, а самому себе, своей забывчивости. Что же касается Шаварша, то таким он был сызмальства. Всегда больше радовал, чем огорчал. А теперь... Деньги, кроме него, взять было некому.

Что происходит с Шаваршем? Где он пропадает, с кем дружит? На что понадобились ему эти деньги? Как, у кого всё это узнать? Что делать — следить за ним? Ну нет, не мог отец пойти на такое унижение сына, сколь бы ни был тот грешен. И Владимир Самсонович решился на прямой разговор.

Нелёгким он оказался. Отец не стал допытываться, на что понадобились Шаваршу деньги. Он сказал, что в семье Карапетянов деньги всегда зарабатывали честным трудом, а не добывали. Что честность — это не доблесть, а черта, свойство нормального человека.

— Я знаю, — продолжал отец, — что и ты будешь честным человеком. Более того, ты и есть честный человек. А то, что произошло... будем считать, что этого просто не было.

— Отец, — сказал Шаварш после долгого молчания. — Если ты ничего у меня не спрашиваешь, то и я не буду ничего объяснять. Но я всё понял. Да, я всё понял... И я решил... Сейчас наступает лето. Я хочу пойти поработать и принести домой честно заработанные деньги.

— Мы не нуждаемся в твоём заработке, сынок. Но если ты так решил, я согласен. Это будет тебе полезно. Хочешь, я определю тебя учеником автослесаря?..

К автоделу отец приучал сыновей с раннего детства, и Шаварш уже вполне сносно мог водить старенькую отцовскую «Победу», нередко помогал отцу и с её ремонтом. В общем, кое-что в машине он понимал.

И вот теперь каждое утро мама снаряжала на работу двух мужчин. Каждому по кулёчку с едой, и — в добрый час! Что и говорить, с нелёгким сердцем провожала сына, жалела его. Думала о том, что в этот час все дети или спят безмятежно, или завтракают, а потом отправляются на улицу играть и развлекаться — как-никак каникулы.

— Тарас Бульба ты, — всё твердила она мужу, — сущий Тарас Бульба.

— Ничего, ничего, — улыбался отец. — Зато в доме растёт мужчина.

Шаварш приходил домой раньше отца. Приходил усталый, ему даже нравилось чувствовать себя усталым. Долго, по-деловому мыл руки, потом садился за стол и с удовольствием рассказывал маме и братьям, чем он сегодня занимался.

Он уже неплохо знал устройство двигателя, мог разобрать его чуть ли не до мелких деталей. Конечно же под зорким наблюдением мастера — дяди Хачика. И нередко с его помощью. Вот только карбюратор он пока что не разбирает и даже не снимал его с двигателя. На зато уже не раз видел, как это делал дядя Хачик. А тот всегда подробно объяснял ученику, для чего нужны этот или тот жиклёр, та или другая камера. Не сказал Шаварш лишь того, что каждый день дядя Хачик укладывает его на часок поспать. Решил, что братьям знать это вовсе не обязательно. А маме — впрочем, мама это и так знала.

Однажды после работы зашёл и сам дядя Хачик.

— Хороший у вас мальчик, — сказал он Асмик Карапетовне, — смыслённый и трудолюбивый. А уж машину знает, как хороший автослесарь! Совсем молодец.

И вот Шаварш нёс домой свою первую в жизни получку. Заранее готовился к этому моменту, настраивался: всё должно выглядеть просто, непринуждённо, как самый обычный эпизод. Но, входя в дом, забыл про всё и выпалил: — Встречайте кормильца!

— Вот мы и пойдём сейчас в магазин, — сказал отец.

— И купим вам с мамой подарки.

— Нет, сынок. Мы купим тебе туфли. Причём такие, какие носят взрослые мужчины. Ты узнал цену труду, значит, к тебе нужно относиться как к мужчине.

Хотя про случай с деньгами родители Шаваршу никогда не напоминали, это вовсе не означало, что они об этом забыли, уверовав, что нравственное воспитание сына завершено.

«Воспитание есть воздействие одного человека на другого, — писал Лев Толстой, — с целью заставить воспитываемого усвоить известные нравственные привычки».

Конечно, наибольшее воздействие оказывают не слова, а поступки. Необязательно говорить: «Будь честным. Будь смелым». Если за этими словами нет самой личности сеятеля, они не дают всходов. Владимир Самсонович всегда считал, что никаких особых поступков не совершал. Но вся жизнь состоит из поступков. Больших и малых. Для ребёнка едва ли не всякий поступок любимого отца назидателен.

В описываемый период Владимир Самсонович работал главным механиком дорожно-строительной организации, которая прокладывала трассу от Кировакана до Ахтала.

Как-то посадив Шаварша к себе в машину, он выехал на один из участков строительства дороги. Вскоре он увидел, что в стороне от полотна, метрах в сорока от него, лежит опрокинутый экскаватор «Ковровец». Приглядевшись, Владимир Самсонович понял, что экскаватор принадлежит не их, а какой-то другой организации. Он подошёл поближе. Внешних повреждений как будто не было. Видимо, машина попала на мягкий грунт и из-за неопытности машиниста её унесло с дороги вниз по склону горы. В этот момент подошёл машинист экскаватора. Рассказал свою печальную историю. Всё так и было, как предполагал Владимир Самсонович.

— Да ты не убивайся, — сказал он. — Сейчас что-нибудь придумаем. Вытащим.

Но парень угрюмо молчал, даже не обрадовался.

— Что, не нужно вытаскивать, пускай остаётся здесь?

Парень продолжал молчать.

— Да проснись же ты! Или, может быть, это не твой экскаватор? Так всё равно его нужно вытаскивать.

Наконец машинист открыл рот:

— А сколько это будет стоить?

— Не понимаю, молодой человек. Разве я что-нибудь сказал про деньги?

— Не сказали, так скажете. Я уже нашёл тут одного. Он сказал, что за шестьсот рублей возьмётся. Но я простой рабочий. Только из армии вернулся. Откуда у меня такие деньги?

— Кто с тебя потребовал деньги? — вскипел главный механик. — Впрочем, ладно, после разберёмся. Кстати, как тебя зовут? Так вот, Самвел, оставайся пока здесь. Сейчас я ненадолго уеду, подгоню технику и вытащим твой экскаватор. Денег мне от тебя никаких не нужно. Вытащим. Но ты выполнишь одну мою просьбу. Или требование — считай как хочешь. Если к ночи управимся, то встретимся завтра утром и съездим ко мне на работу. Ты покажешь мне того человека.

— Зачем показывать? Это нехорошо. Тот человек хотел мне помочь, а я буду на него показывать.

— Помочь, говоришь? А ты тоже помогаешь людям за деньги? В общем, не будем рассуждать. Оставайся здесь, я поехал.

Вскоре на место происшествия прибыли два бульдозера, а затем и автокран. Подготовили склон, зацепили тросом экскаватор, и через полчаса он весело затарахтел по дороге.

Владимир Самсонович от своих намерений не отступился. На следующий день он сам разыскал Самвела и привёз его к себе.

Найти того «доброхота» особых трудов не составило. Увидев, что к нему направляются

главный механик и вчерашний машинист, он всё понял. Но разговор на высоких тонах не состоялся. «Доброхот» мгновенно ретировался. В тот же день он подал заявление об увольнении.

Спустя пятнадцать лет кассирша учреждения, где будет работать Шаварш, обнаружив после выдачи зарплаты недостачу в шестьдесят рублей, не станет поднимать тревогу. Сообразив, что случайно выплатила лишние деньги Карапетяну, она спокойно уснёт в этот день, совершенно уверенная, что утром, до начала рабочего дня, Шаварш будет ждать её у кассы, держа в руках вышеобозначенную сумму. Однако и этот поступок не стоит причислять к категории особых. Речь идёт о норме человеческого бытия. Отклонения от неё у одних случаются часто, у других — реже. У Шаварша оно произошло однажды — в период бурного постижения азов жизни.

«Со всем сложнейшим миром окружающей действительности, — писал А. С. Макаренко, — ребёнок входит в бесконечное число отношений, каждое из которых неизменно развивается, переплетается с другими отношениями, усложняется физическим и нравственным ростом самого ребёнка...

Весь этот «хаос» не поддаётся как будто никакому учёту, тем не менее он создаёт в каждый момент определённые изменения в личности ребёнка. Направить это развитие и руководить им — задача воспитателя».

Отец уже давно подумывал о том, чтобы определить Шаварша в спортивную секцию. Вряд ли им тогда руководило желание сделать из сына чемпиона мира или пусть даже республики.

— Ребёнок должен быть всегда при деле, — объяснял Владимир Самсонович жене. — Многого ль Шаварш добьётся в спорте, это не так важно, но спорт воспитывает характер и приучает дорожить временем. Вот скоро переедем в Ереван, и там я его обязательно отдам в секцию.

Уезжали из Кировакана с радостью, но и с грустью: старики решили остаться.

— Нельзя нам уезжать из родных мест, — говорил старый Самсон сыну. — Здесь прожита жизнь, а новую начинать уже поздно. К тому же вы мне такой хороший дом построили. Будем теперь друг к другу в гости ездить.

Квартиру им выделили почти в центре Еревана — на улице Кутузова. Под окном грохотали трамваи, визжали тормозами машины. Окна с другой стороны выходили во двор, маленький и неудобный. Шаварш с грустью вспоминал их кироваканский дворик, усаженный тенистыми деревьями и цветами, тихую улицу, по которой степенно разгуливали куры, не пуганные автомобильными гудками. Он тосковал по колодцу, по чердаку, откуда так хорошо было смотреть на заходящее солнце, которое теперь садилось за крышу соседнего шестиэтажного дома. И конечно, по бассейну. Понимал, что построить такой в Ереване уже никто не разрешит.

— Ничего, ничего, — утешал отец. — Зато здесь есть настоящий, большой бассейн, а не какая-то купальня. Хочешь ходить в бассейн?

Но Шаварш только покачал головой. Он не хотел заниматься даже гимнастическими упражнениями на снарядах, которые отец установил дома сразу, как только распаковали вещи.

И Владимир Самсонович решил, что сейчас самое время отдать Шаварша в секцию. Не знал только в какую. Помог случай. Как-то в субботу утром он встретил на улице Альберта Азаряна. Тот уже давно жил в Ереване, работал тренером. Отец и поделился с ним своими сомнениями.

— Если хочешь, Ладик, — сказал Азарян, — присылай его ко мне. Может быть, я его и возьму. Правда, не знаю, что из него получится, всё-таки Шаваршу уже почти четырнадцать

лет. Многовато. В общем, жду в понедельник. Приходите вместе, буду рад.

«Ну, вот всё и решилось, — думал по пути домой Владимир Самсонович, — теперь ему понравится Ереван».

Было уже семь часов вечера, но, оказалось, Шаварш ещё не возвращался из школы. Прошло ещё два часа, его по-прежнему не было. Куда он мог пропасть? Новых друзей в городе у него пока не появилось. Двое одноклассников, кому позвонил Владимир Самсонович, сказали, что Шаварш был на всех пяти уроках, а потом ушёл, как и все остальные. Обратились в милицию. Там тоже ничего утешительного не услышали. Но немного и успокоились, узнав, что в тот день несчастных случаев с детьми не зарегистрировано.

И вдруг маму пронзила мысль: он в Кировакане!

...Через полтора часа Владимир Самсонович открывал калитку родительского дома. Дедушка Самсон отложил книгу, поднялся:

— Что случилось, Ладик?

— Где Шаво?

— Спит, приехал часов в семь.

— Он спит. А ты спокойно читаешь, и тебе даже в голову не придёт, что сейчас творится с Асмик.

— Почему вы так волновались, Ладик? Я, конечно, отругал Шаво за то, что он уехал без разрешения. Но ведь он всё объяснил в записке. Он оставил её на письменном столе, кажется.

— Записку мы не видели. Впрочем, я в маленькую комнату действительно не заходил... Ну да ладно. Видишь, плохо ему без тебя, отец. Тяжело привыкает к разлуке и вообще к Еревану. Знаешь что, давайте поедем все вместе завтра к нам. Ну, поживи хотя бы недельку.

— Ты слышишь, Рипсиме? Ладик и Асмик нас в гости зовут. Ты хочешь поехать? Хочешь. Вот и договорились.

Но Шаварш этой идее отнюдь не обрадовался. Неделя пролетит быстро, думал он, а потом дедушка опять уедет. Это его не устраивало, и он объявил, что решил навсегда остаться в Кировакане.

— Что ты говоришь, Шаво, — удивился отец. — А как же мы с мамой? Как же Камо и Толик без тебя? Неужели и ты сможешь жить без них? А потом, я вчера говорил о тебе с Азаряном, с самим Альбертом Азаряном. Он ждёт нас с тобой в понедельник. Ты должен показать себя как следует. Неужели ты и теперь не захочешь заниматься гимнастикой?

...И вот явились они на «смотрины». Шаварш выполнил на кольцах и брусьях несколько упражнений по программе первого юношеского разряда. Азарян одобритительно кивнул.

— Парень неплохой, — сказал он Владимиру Самсоновичу, когда они остались одни. — Пускай ходит на тренировки, однако сразу предупреджу: классного гимнаста из него не получится. В лучшем случае он выполнит норму мастера. Нет у него природных данных, необходимых настоящему гимнасту, их не компенсируешь никакими стараниями.

Впрочем, отец эти слова предвидел и потому не огорчился за сына. Правда, не стал ему рассказывать о столь безрадостной оценке Азаряна. Решил: пусть пока походит в гимнастический зал, а дальше будет видно.

Глава 5. ЛИПО

Через несколько месяцев Азарян сказал Владимиру Самсоновичу:

— Парень у тебя крепкий и старательный. И характер у него настоящий. С таким характером можно чудеса творить. Но повторяю — не в гимнастике. И вот что я думаю: а не пойти ли ему в плавание?

Да и сам Шаварш к тому времени к гимнастике стал остывать. Как ему было не понять сомнительность своих перспектив? А какой юный спортсмен не хочет видеть горизонт своего будущего озарённым огнём больших побед! Так что когда отец предложил ему перебраться из гимнастического зала в плавательный бассейн, Шаварш не раздумывая согласился.

Но для плавания он тоже оказался «староват», ведь и в бассейн теперь приходят едва ли не из яслей. Поэтому и определили пока Шаварша всего лишь в абонементную группу. Отец знал: сын будет неистово работать, он уже столько раз доказывал, что умеет трудиться. А труд приведёт к успеху. Верил в это и сам Шаварш.

Через несколько месяцев Шаварша действительно перевели из абонементной группы в спортивную. Он тренировался уже пять раз в неделю. Спорт всё более входил в его жизнь. Всё чаще он выступал в соревнованиях. Неизменно росли и его результаты. Эта неизменность была вполне объяснима — велась планомерная и вдумчивая работа, именуемая тренировочным процессом. Ученик становился всё более аккуратен и педантичен в тренировке, в учёбе, в жизни вообще. Он понимал, что все стороны жизни взаимосвязаны. Ещё Шаварш умел терпеть. По-настоящему. И в этом ему уже не требовались педагогический дар и убеждающая сила тренера.

Через два года систематических тренировок Шаварш стал чемпионом Армении среди юношей в плавании на спине и вольным стилем. Вскоре и среди взрослых пловцов он уже был одним из сильнейших в республике, хотя оставался всего лишь перворазрядником. 100 метров вольным стилем он проплывал за 1 минуту 00,4 секунды, тогда как сильнейшие в мире спринтеры показывали результаты чуть ли не на десять секунд лучше. Он снова ощущал сомнительность своих перспектив, снова приходилось навёрстывать упущенное время. И вместе с тем он был молод, полон сил, азарта и желания сражаться, побеждать самого себя и соперников.

Однажды на базе в Цахкадзоре он услышал от одного из тренеров сборной команды республики подтверждение своим опасениям. Мнение этого тренера, высказанное не в самой деликатной форме, было больше похоже на приговор. Шаваршу захотелось бросить сразу всё.

А вернувшись из Цахкадзора, он случайно встретился с человеком, который с этого дня надолго и прочно вошёл в его судьбу.

Если сказать, что Липарид Алмасамян оказался в спорте случайно, останется в обиде не истина, но он сам. Потому что теперь, когда Липарид Папанович, находясь в возрасте весьма зрелом, созерцает пройденный путь, он видит странным, необъяснимым, даже нелепым, а потому и случайным лишь его начальный этап, который пролегал на почтительном удалении не только от бассейна, но и вообще от какой-либо спортивной площадки. Причём этап этот можно назвать начальным лишь с большой оговоркой, потому что за обозначенный таким образом период Липо Алмасамян успел обзавестись не только крепкими мужскими усами, но и немалым жизненным опытом, который, в частности, дала ему служба в армии. Успел затем добиться высокой рабочей квалификации и столь же высокой её оценки.

И вдруг русло неторопливой да и не слишком полноводной реки круто свернуло в сторону, вода забурлила, ускоряя свой бег, а Липо, недолго размышляя, ринулся с высоченного берега в самую стремнину и скрылся в глубине.

В общем, всё так почти и было. Не вспомнить, как и почему заспорил однажды Липо с товарищами по работе, что продержится без дыхания под водой две минуты. Терпел до потери сознания, едва потом откачали. Казалось, после такого испытания даже в ванну залезть для него будет сущей пыткой. Однако ещё большей пыткой для него стал смех товарищей. Ну не чудак ли: забивает себе голову эдакой пустяковиной! Посмеялись и забыли. Походил недолго в Ихтиандрах и стал опять Липо Алмасамян, слесарь-газовщик высшей квалификации, добряк, балагур, острослов, любитель песен, шумных компаний и застолий.

Но нет, не успокоился Липо, и этот злосчастный рубеж — две минуты — стал для него какой-то навязчивой целью. Товарищи-острословы о том споре вскоре и вовсе забыли. Да и сам Липо, возможно, тоже. Но неожиданно перед ним открылся смысл того, что в прежние годы он представлял себе довольно смутно — преодоление. Тот двухминутный рубеж был им достигнут, но Липо об этом никого даже не оповестил, потому что теперь его занимали мысли куда более высокие или, точнее, глубокие. Липарид Алмасамян, закончив работу, ежедневно шёл в заводской бассейн, где предавал своё тело подлинному истязанию различными плавательными упражнениями под водой в полном боевом снаряжении, состоявшем из ласт, маски, трубки, а со временем и акваланга. Когда же в бассейне выключали свет, он шёл домой и ещё час-два урывал от отдыха и сна для чтения книг знаменитого исследователя водных глубин капитана Ж. И. Кусто и прочей «подводной» литературы, которая уводила его всё дальше и дальше от прежней размеренной жизни.

Плывать просто так — для себя, для здоровья — он не мог. Нужна была цель, нужны были вехи — вехи преодоления. Он стал выступать в соревнованиях. Организовывал их. Стал зачинателем спортивного подводного плавания в Армении. За ним пошли другие. Весь свой пока что невеликий опыт он передавал им. Вместе с ними легче было расти и самому. Он искал рациональную технику, разрабатывал свою методику подготовки. Позже он понял, как много ошибался, но эти ошибки были неизбежны: Алмасамян шёл почти вслепую, почти интуитивно. Но шёл и шёл вперёд, подчинив своей цели всё. И личную жизнь тоже. Он объявил, что женится только тогда, когда прекратит выступать в соревнованиях. Через четыре года тренировок он выполнил норму мастера спорта, но соревновался ещё семь лет и закончил выступать в 35 лет, подготовив к тому времени целую роту сильных подводников-скоростников. Нетрудно догадаться, что прежнюю высокооплачиваемую специальность он давно сменил на тренерскую, нисколько не смущаясь ощутимой потерей в заработке. Ему, холостому, кое-как хватало, а остальное Алмасамяна не беспокоило. Он снова видел цель, ради которой стоило жить, — растить спортсменов теперь уже мирового класса, не меньше. И к ударам судьбы готов не был.

И вот когда последовал спад, он застал Алмасамяна врасплох. Из сборной команды республики ему пришлось уйти. Размышляя над причинами происшедшего, он пришёл к выводу, что всё ему было воздано по справедливости. Не обладая теоретическим багажом, полагаясь лишь на личный опыт, он вряд ли мог рассчитывать на иной итог.

К моменту «исторической» встречи с Шаваршем Алмасамян, по существу, отошёл от активной тренерской деятельности. Работал на спасательной станции Ереванского водохранилища, а вечерами — в бассейне дежурным тренером, в обязанности которого входило просто следить за порядком и безопасностью спортсменов. В свободное время восполнял пробелы в образовании, много читал специальной литературы, готовясь непременно вернуться к настоящей тренерской работе. Он понимал, что предстоит начинать всё сначала. Когда и с чего начинать, он ещё не знал. Так что встречу с Шаваршем он воспринял как подарок судьбы.

До этой встречи они были знакомы, но не более того. Правда, годом раньше, когда Шаварш находился на тренировочном сборе в Алуште, Алмасакян предложил ему принять участие в юношеском чемпионате СССР по подводному ориентированию. Шаварш выступил, и довольно неплохо, однако в ту пору он был предан классическому плаванию.

Надо сказать, что близость, схожесть классического и подводного плавания лишь кажущаяся. Под водой спортсмен не работает руками, он действует корпусом, ногами. Требуется огромная сила ног, спины. Бывает, что превосходные физические данные пловца оказываются бесполезными в подводном плавании. Случалось, отличные пловцы, достигнув пределов в росте результатов, уходили в подводники, но имени среди них так себе и не обретали.

Сама идея подводного плавания с автономным дыхательным аппаратом плавала, казалось, на поверхности. И действительно, попытки создать такое приспособление делались ещё более ста лет назад. Аппараты изобретались и даже применялись в водолазных работах, но широкого применения не нашли из-за сложности в эксплуатации. Первый спортивный аппарат был изобретён французом Ивом де Приером в 1933 году. Он состоял из баллона со сжатым воздухом и редукционным клапаном, который регулировался вручную.

Фактически лишь в 1943 году было совершено первое в истории погружение с аквалангом. Честь первопроходца принадлежит ставшему впоследствии знаменитым океанологом французскому Жаку Иву Кусто. Изобретённый им совместно с инженером Эмилем Ганьяном аппарат действовал автоматически и безотказно. Так была открыта новая эра в исследовании океана и положено начало новому увлекательному виду спорта. Все последующие модификации акваланга Кусто — Ганьяна вносили лишь незначительные изменения в его конструкцию и характеристики, ничего принципиально не меняя.

В Советском Союзе подводный бум начался в конце пятидесятых годов. Повсеместно рождались самодеятельные группы и секции. Энтузиастов увлекало само длительное парение под водой, ощущение свободы, раскованности, интересовала исследовательская деятельность, постижение тайн подводного мира, манили удивительные картины.

В 1957 году Центральный комитет ДОСААФ принял решение создать при своих морских клубах секции подводного спорта. В том же году началось производство наших, отечественных аквалангов. Стали проводиться и соревнования, а в 1958 году в Крыму состоялся первый чемпионат СССР по подводному спорту. Программа была обширной. Она, в частности, включила в себя плавание в ластах на 500 метров для мужчин и на 300 — для женщин. Причём трасса начиналась у берега, уходила в море и возвращалась обратно. Были также ныряние в глубину, стрельба из подводного ружья, подводный слалом и другие, не похожие друг на друга виды состязаний. В дальнейшем виды состязаний и программа сильно изменились. Так, например, у нас отказались от ныряния в глубину как дисциплины вредной для здоровья и опасной для жизни.

Ещё позже соревнования по скоростным видам подводного плавания и ориентированию стали проводиться отдельно.

В 1961 году подводное плавание было впервые включено в программу Всесоюзной спартакиады по техническим видам спорта. Двумя годами ранее Федерация подводного спорта СССР была принята в члены Всемирной федерации по подводной деятельности (КМАС).

В 1969 году в Италии состоялся первый официальный чемпионат Европы по скоростным видам подводного спорта.

На всех дистанциях победили советские спортсмены. С тех пор спортсмены сборной команды СССР прочно удерживали лидерство на мировой арене.

Наша школа подводного спорта постоянно ищет пути совершенствования методов под-

готовки и инвентаря. Практически все технические приёмы, новинки снаряжения, используемые зарубежными спортсменами, заимствованы у нас. Именно наши подводники, например, первыми пошли по пути совершенствования ласт, выпускаемых промышленностью.

В 1971 году во французском городе Авиньоне состоялся очередной чемпионат Европы. Уже четырнадцать стран участвовало в этих соревнованиях, собравших 137 участников. Советские подводники завоевали 21 золотую медаль из 22 разыгравшихся и установили 11 мировых рекордов.

Интересно, что медики долгое время категорически возражали против использования аквалангов при плавании на выносливость. Они предостерегали: нельзя перенапрягать лёгочную ткань, это может привести к эмфиземе лёгких. Однако жизнь опровергла эти опасения.

Многие любители подводного плавания пользуются дыхательной трубкой. Но мало кто догадывается, что уже на метровой глубине дышать через трубку становится невозможно из-за возросшего давления воды на грудную клетку. В этом случае на помощь спортсмену и приходит акваланг — удивительное изобретение.

Главный элемент в нём — лёгочный автомат. Он основан на принципе автоматического повышения давления воздуха, поступающего в лёгкие из баллона по мере погружения, то есть по мере увеличения внешнего давления. У лёгочного автомата две камеры, одна из которых заполняется водой, а другая (камера вдоха) герметична. Их разделяет гибкая перегородка — мембрана. Воздух из камеры вдоха поступает в лёгкие спортсмена через трубку. При вдохе понижается давление, и мембрана под напором воды извне прогибается, нажимает на рычаг, который открывает доступ сжатому воздуху из баллона. Сжатый воздух врывается в камеру вдоха, возвращает мембрану в исходное положение и запирает баллоны. После этого давление воздуха в камере вдоха и в лёгких пловца становится равным давлению внешней среды, то есть воды. Выдох делается в ту же мундштучную трубку, но отработанный воздух по другому шлангу выходит в воду.

В аквалангах, используемых для скоростного плавания, лёгочный автомат располагается непосредственно у рта. Это сводит к минимуму перепад давления между мембраной лёгочного автомата и лёгкими, за счёт чего снижается сопротивление дыханию. Кроме того, упрощаются регулировка и эксплуатация акваланга. Для скоростного плавания с акваланга снимают системы крепления, остаются только редуктор с лёгочным автоматом и баллон, который спортсмен удерживает вытянутыми перед собой руками. В зависимости от длины дистанции используются баллоны различной ёмкости.

Самая короткая дистанция — 50 метров — ныряние. Спортсмен не пользуется ни дыхательной трубкой, ни тем более аквалангом. На ногах — моноласта, которая помогает пройти дистанцию на едином вдохе. Самая длинная — 1500 метров — преодолевается в ластах, без акваланга, с трубкой.

На остальных дистанциях — от 100 до 800 метров — соревнования проводятся как с аквалангом, так и без него. У подводников принято говорить: 200 метров «сверху», то есть без акваланга, с использованием дыхательной трубки, или 200 метров «внизу», то есть с аквалангом. В судейском лексиконе в этих случаях применяются несколько иные термины: «в ластах» и «с аквалангом», хотя и с аквалангом спортсмен, разумеется, плывёт в ластах.

...Шаварш и Липарид Алмасамян запомнили дату своей встречи — 13 ноября 1970 года. С этого дня началось их содружество, именно в этот, а не на следующий день Шаварш провёл свою первую подводную тренировку. Но сначала Шаварш поведал Алмасамяну невесёлую цахкадзорскую историю про свою «бесперспективность». Тот, внимательно выслушав, не стал сразу предлагать свою программу. Алмасамян решил, что сначала нужно просто успокоить парня, постараться отвлечь его от мрачных мыслей. А потому сказал:

— Не думай сейчас ни о чём. Пойдём-ка в кино.

Выйдя из кинотеатра, сели на лавочку.

— Дай-ка мне билет, — сказал Алмасамян. — 13-й ряд, 13-е место, 13 ноября. — Я вижу в том добрый знак, Шава. Мы должны работать вместе. Мы будем работать так, как ещё никто не работал. И добьёмся того, чего никто не добивался. Но нужно суметь забыть про всё лишнее, про всё, что нам будет мешать. Я не стану объяснять тебе, что имею при этом в виду, ты уже достаточно взрослый человек и опытный спортсмен, сам должен всё понимать. Подумай, готов ли ты к этому?

Шаварш задумался. Ему предлагалась высокая цель и тяжёлый путь к ней. Труд до самозабвения его не пугал, он знал, что всё выдержит. Однако нужно было решить: а стоит ли игра свеч? Нужно ли идти на жертвы во имя туманных надежд? Вспомнил про многих отличных пловцов, ушедших «под воду» и «канувших» в ней.

И вдруг в сознании всё прояснилось. Он встал и сказал:

— Что ж, Липо, я готов.

— А коли так, садись в такси и поезжай домой за формой. Через полчаса я жду тебя у бассейна.

Алмасамян видел, что ученик крепок и силен. Тем не менее считал: этого мало и работа над развитием общефизических качеств должна стать стержнем подготовки. Со временем Шаварш смог выполнять десять приседаний подряд со штангой весом 140 килограммов. Как-то сотрудники Всесоюзного НИИ физической культуры измерили у него силу мышц стопы и оказалось, что по этому показателю Карапетян не уступает сильнейшим специалистам в тройном прыжке.

Однажды товарищ Алмасамян, член сборной команды Армении по марафонскому бегу, потренировался вместе с Шаваршем и сказал, что тот вполне может выступать за республику на дистанциях 5 и 10 тысяч метров. Никто из спортсменов-подводников не выполнял в ту пору столь огромных объёмов беговой работы, как Карапетян. Они с Липаридом были первыми, кто пошёл по этому пути. Они имели право на ошибки, не было лишь пути назад.

Но, конечно, главной была тренировка в воде. И здесь Алмасамян становился жёстким. Правда, с водой дела обстояли неважно. В их распоряжении был всего лишь 25-метровый бассейн, и время им поначалу выделяли самое неудобное. Успехи пловцов республики были скромными, и тренеры сборной команды хмуро смотрели в сторону подводников. Ещё бы, случалось, что в их ряды уходили неплохие «чистые» пловцы. А нередко Шаваршу разрешали плавать только поперёк ванны — когда часть бассейна занимали прыгуны в воду. И в его распоряжении оставалась дорожка всего 12,5 метра. К тому же бассейн почти всё лето не работал и открывался лишь в середине октября. Однако Липарид не унывал: «Мало «воды», значит, ещё выше поднимем уровень общей физподготовки». Вот и получилось, что порой Шаварш в неделю пробегал до 80 километров, да ещё набирал до 20 километров гребли на ялах. Однажды в составе команды своего водноспортивного клуба он даже победил в республиканском чемпионате в гонках на ялах. А уж со штангой работал так и столько, что поразился бы и сам Юрий Варданян, который, правда, в ту пору ещё не был ни знаменитым тяжелоатлетом, ни другом Шаварша.

Тренировался Шаварш с 6 часов утра и с 9 вечера. После вечерней тренировки не успевал восстановить силы, даже как следует выспаться. Однако терпел. Более того, находил какое-то особое удовольствие в том, что занимается спортом в заведомо неблагоприятных условиях. «Надо выстоять, — говорил себе. — Потом будет легче». Выторговывать для себя условия он не мог, не хотел. Знал, что добьётся их трудом, результатами.

Шаварш понимал, что на каком-то жизненном этапе достижению высокой цели в спорте можно и нужно подчинить всё. Иначе ничего не добьёшься — таков современный

спорт, его уровень требований. Конечно, не менее высокие цели ставят соперники и тоже стремятся к ним упорно, жертвенно, увлечённо. Но добиваются желаемого лишь единицы. Побеждает тот, кто не только работал больше других, но и лучше познал самого себя, тренировался не просто по известным схемам, а творчески, научился подводить себя к важнейшим соревнованиям — физически и психологически. И тот, с кем рядом были самые близкие, самые нужные, самые понимающие его люди.

Вскоре после Шаварша в подводный спорт придут Камо и Толик. С тех пор ни один свой отпуск Владимир Самсонович и Асмик Карапетовна не потратят на отдых. Они будут проводить отпуск там, где тренируются или участвуют в соревнованиях их сыновья. Будут приезжать в разные города страны. Привозить домашнюю еду. Согреть душу — вот главное.

Новый, 1971 год Липо и Шаварш решили встретиться в Цахкадзоре, небольшом курортном посёлке в полутора часах езды от Еревана. Прозрачный воздух, удивительные горные пейзажи — нет ничего лучше и для отдыха, и для тренировок.

— Пробудем там неделю, — сказал Липо, — тебе нужно сменить обстановку и форму тренировок. Бассейн там сейчас не работает, но это и хорошо. Возьмём с собой лыжи.

За два часа до полуночи они вышли на лыжню. Ночь выдалась морозной и безоблачной. Где-то на той стороне земли гуляла луна, но и без неё ярко белели вершины, а звёзды словно из любопытства все до единой высыпали на небо — видно, чтобы посмотреть на двух чудаков. Рядом, справа, гремели по камням воды Раздана, а сзади Шаварша тяжело и часто дышал Липо.

В полночь они остановились. Грохнул выстрел — это Липо достал из рюкзака бутылку шампанского.

— Тебе, Шаво, полглотка, мне, как ветерану, — глоток. Видишь, Шаво, какие сегодня яркие звёзды. У каждого человека есть своя мечта, своя звезда. Сегодня у нас с тобой — одна на двоих. Я верю, Шаво, в исполнение нашей мечты.

Через три недели в Баку проводился открытый чемпионат Азербайджана, и Липо решил, что настало время дать выход накопленным силам ученика.

Приехав в Баку, они в тот же день отправились в бассейн и были немало обескуражены, увидев, что вода в нём мутная, словно в старом, застоялом пруду. Как плыть, как ориентироваться под водой, чтобы не сбиться с дорожки и не врезаться в стенку?

— Так что будем делать? — лукаво спросил Липо. — Может быть, сразу домой?

— Ты же сам знаешь, что я в любом случае буду выступать. В конце концов, условия для всех одинаковы.

Липо промолчал, но про себя отметил: условия как раз одинаковы не для всех. Опытному спортсмену в такой воде легче ориентироваться. Однако, чтобы стать опытным, нужно этот опыт приобретать.

— Вот и будем приобретать опыт, — вслух заключил Алмасамян.

Их опасения подтвердились сразу же. Стартуя на 100-метровой дистанции с аквалангом по второй дорожке, Шаварш умудрился уплыть на шестую, где и финишировал. Тем не менее показал результат 48,8 секунды, не дотянув лишь 0,8 секунды до норматива мастера спорта. Впрочем, и выполнение норматива Шаваршу радости бы не принесло: результат его был судьями аннулирован. Однако Липо прикинул, что ученик проплыл не 100 метров, а метра на четыре больше, — значит, Шаварш готов показать результат около 47 секунд.

Соревнования по нырянию на 40 метров проводились на следующий день и уже в другом бассейне города. Шаварш вышел на старт с лёгкой душой... Когда он вынырнул, то первое, что увидел, было улыбающееся лицо тренера, который показывал ему восемь пальцев. Вскоре диктор объявил, что Шаварш Карапетян из Еревана пронырнул дистанцию за 15,8 секунды и впервые выполнил норму мастера спорта Советского Союза.

Когда они вернулись в родной город и привезли в республиканский ЦК ДОСААФ протоколы соревнований, им всё равно не поверили: не мог, мол, новичок превзойти республиканский рекорд, да ещё сразу на 1,3 секунды. Липо лишь усмехнулся и сказал, что в самое ближайшее время Шаварш подтвердит свой класс.

Так оно и получилось. В Киеве на зональных соревнованиях Кубка страны Шаварш прекрыл мастерские нормативы на дистанции 100 и 400 метров. Затем выступил в Ташкенте на чемпионате СССР и попал в десятку лучших, однако особого впечатления ни на кого не произвёл. Это и понятно: 18 лет — пора исполнения надежд и обещаний, а таких, как этот робкий паренёк из Еревана, в любом городе сколько угодно. Во всяком случае, Липарид Алмасамян оставался личностью куда более известной, чем его новый ученик.

Правда, годом позже, когда фамилия Шаварша стала всё чаще появляться в самых верхних строчках протоколов всесоюзных, а затем и международных соревнований, многие спортсмены и тренеры припомнили «того самого Карапетяна», который отличался каким-то особо почтительным отношением к своему учителю. Вспомнили, как он ловил на лету чуть ли не каждое оброненное тренером слово и даже не смел приблизиться к метру, когда тот беседовал с кем-то из коллег... В этом не было ничего наигранного. Таков был Шаварш, так он относился к Липо, неизменно сохраняя дистанцию, никогда не внося мотивы личных дружеских отношений в «производственные». И ещё он очень рано осознал, что только безмерно веря в непогрешимость учителя, можно верить и в большие победы. Внушил ли тренер эту веру, или к обретению её ученик пришёл интуитивно? Как знать? Мудрость мы достигаем с опытом. Но ведь что-то и от природы...

Всё шло по плану, однако Шаваршу предстояло решить и вопрос более важный, чем достижение высоких результатов в бассейне, — вопрос выбора профессии.

Когда, окончив семь классов, он отнёс документы в автомеханический техникум, мать и отца это не удивило. Правда, Шаварш не считал выбор профессии окончательным, он не связывал свою жизнь навсегда с автомобилестроением. Ему просто хотелось узнать об автомобиле как можно больше. Удивило родителей другое — то, что до поры до времени Шаварш скрывал от них: он решил одновременно продолжать учёбу в вечерней школе. Позже объяснил это тем, что, учась только в техникуме, он так и не постиг бы некоторые важные и интересные предметы. Такой, например, как русская литература. Не хотел он от неё отказываться.

Узнав о таком «раздвоении личности» сына, Асмик Карапетовна лишь недоумённо пожала плечами. Отец же нахмурился:

— Ты решил больше спортом не заниматься?

— Я этого не говорил, — ответил Шаварш.

— Ну так скажешь. Это неизбежно. Где ты возьмёшь столько времени, ведь в сутках только 24 часа?

— Я буду тренироваться не меньше, чем раньше. К тому же ты всегда говорил, что спорт — не самое главное в жизни и что нельзя даром терять ни минуты.

— Может быть, ты и прав, — вздохнул отец.

Шаварш окончил среднюю школу, но не доучился в техникуме. Ушёл перед самым дипломом. Решил: «Знания, ради которых я поступал сюда, получены, а формальности мне ни к чему». И никогда не жалел об этом решении.

Теперь он готовился поступать в институт физкультуры. Будет ли он тренером, Шаварш не знал, но спорт стал теперь стержнем его жизни, ему он стремился подчинять всё. При этом он повёл наступление и на своего тренера:

— Давай будем поступать вместе, ты же должен стать высококлассным специалистом. Лично я не чувствую, что тебе не хватает теоретических знаний, но, наверное, сам ты это ощущаешь?

Липо долго не сдавался:

— Я же старый, Шаво, мне уже тридцать семь. Но главное, что учёба будет отвлекать меня от тренерской работы.

Однако не сдавался и Шаварш. Убеждал, настаивал, даже ссорился. Это мало походило на разговоры ученика с наставником, но так уж у них повелось: личные отношения и «производственные» жили отдельно друг от друга.

Властью тренера Алмасакаян пользовался в полной мере. Особенно когда Шаваршу бывало тяжело, когда не выдерживали мышцы, нервы и он начинал молить о пощаде. Липо был человек непреклонный. Он умел и убеждать, и принуждать. Теперь же они поменялись ролями, и под безудержным напором Шаварша Липо дрогнул:

— Хорошо, я буду готовиться и сдавать экзамены. Но сделаю это, только чтобы ты от меня отвязался.

Через пять лет он скажет Шаваршу:

— У тебя теперь два диплома — твой и мой.

Глава 6. В ПОЛНЫЙ ГОЛОС

Приближалась зима, за которой виделся новый сезон соревнований. Главным Липо и Шаварш считали чемпионат Европы.

— Ты должен не просто попасть в сборную страны, — сказал Алмасамян, — но и хорошо выступить на чемпионате, а может быть, даже победить. Ничего в этом нереального не вижу.

Он убедил ученика, что нужно сделать ещё больший акцент на общефизической подготовке:

— Пусть другие поступают иначе, у нас свой путь. Но другие не будут побеждать, а мы будем. Я знаю: хорошая общефизическая база — это и гарантия того, что ты сможешь выдержать весь напряжённый сезон, а не просто вспыхнешь раз-другой и угаснешь.

Липо не боялся экспериментировать, придумывать всё новые приёмы, методы, средства подготовки. Для укрепления голеностопа он прибил к подошвам лыжных ботинок шестидесятисантиметровые доски, и в такой «обуви» Шаварш выполнял беговую работу. Это было непривычно, неудобно, изнурительно, но Алмасамян раньше других понял, что стопа должна работать в воде намного активнее и мощнее. Он показывал Шаваршу: нужно дорабатывать стопой при завершении махового движения, а потом суметь так вернуть её в исходное положение, чтобы торможение воды оказалось минимальным. Для того и бегал на дощечках по паркам и садам будущий чемпион Европы, пугая прохожих. Для того же Шаварш помногу ходил на носках со 150-килограммовой штангой на плечах. Тренеры из других городов и обществ основное внимание уделяли развитию мышц спины, брюшного пресса, подвижности тазобедренных суставов. Но Липо считал, что этого далеко не достаточно.

Видимо, первыми из подводников они стали применять и так называемую круговую тренировку. Эта форма работы над развитием общефизических качеств представляет собой цикл чередующихся упражнений, выполняемых в быстром темпе. Липо позаимствовал его из литературы по... конькобежному спорту, переделал на свой лад, убедился в пользе и эффективности и внедрил.

С приближением весны тренировки в бассейне всё больше вытесняли общефизические — таков общий принцип спортивной тренировки. Что тяжелее: проплыть 10 тысяч метров одним махом, или 8 отрезков по 100 метров, отдыхая всего по десять секунд? Душа Шаварша лежала, скорее, к первому варианту, нежели к третьему. И если бы он знал, что из мизерных десяти секунд отдыха Липо каждый раз тайно «украдывал» по две-три секунды, давая очередной старт раньше намеченного или, вернее, обещанного срока! Шаварш терпел. День за днём, месяц за месяцем.

В отличие от пловца-классика подводник оснащён инвентарём богато и разнообразно. В воде может случиться всякое: то выскочит изо рта лёгочник, то вырвется из рук баллон, то съедет ласта, то попадёт под очки вода. И вот уже из воды высовывается горестное лицо ихтиандра: «Придётся прерваться, обстоятельства оказались сильнее!»

Но на тренировках у Липо этого не случалось. Жалоб он не принимал, претензий не рассматривал. Любой его ученик всегда знал: что бы ни произошло, нужно закончить дистанцию. Эта строгость с лихвой окупалась на соревнованиях, она помогала формировать характер.

Только в одном случае Алмасамян позволял и даже требовал досрочного выхода из воды — когда в баллоне не оставалось воздуха. Исключение он мог сделать только для спортсмена высшей квалификации. И то лишь в расчёте на то, что в соотношении «воля —

благоразумие» верх всегда возьмёт последнее, так как жертвовать здоровьем нельзя даже ради самой высокой победы.

Кончалась весна семьдесят второго. В Челябинске должны были состояться соревнования на Кубок СССР. Шаварш и Липо заранее наметили, что именно здесь нужно будет сделать о себе первую весомую заявку. И они подошли к этим соревнованиям так, как наметили. На тренировках Шаварш проныривал 40 метров за 15 секунд, следовательно, на соревнованиях он мог сбросить ещё две-три десятых. Это давало основания рассчитывать на то, что удастся сразу же ворваться в ряды сильнейших в стране. Правда, ни ученик, ни тренер не могли предположить, что за полгода затишья и подготовки к новому сезону скорости ныряльщиков резко возрастут и что предполагаемый результат Шаварша не произведёт на специалистов и тренеров сборной большого впечатления.

Они отправились в Челябинск, опасаясь, что Шаварша могут не допустить к стартам: соревнования командные, сборная Армении в них не представлена, так как не добилась на это права. Отправились за свой счёт. Приехали. С трудом разместились в гостинице: заявку на них никто не давал. Разыскали Игоря Владимировича Мазурова, бывшего тогда старшим тренером сборной страны, и Лило обратился к нему с пламенной речью. Долго уговаривал, убеждал. Обещал, что скоро о Карапетяне услышит весь мир, что молодое дарование нужно всячески поддерживать — ну, что говорят обычно в таких случаях? А Шаварш стоял поодаль, не проронив ни слова. Как Мазуров потом признался, именно это молчание его и подкупило.

— Ладно, — сказал он, — меня уломать трудно, и все это знают. Многим я сейчас отказал, ведь в положении о соревнованиях сказано, что вне конкурса допускаются только члены сборной СССР. И всё же для вас я сделаю исключение. Пусть готовится к старту.

Как же волновался Шаварш! Кажется, за все годы выступлений его не была такая дрожь. И выступил не блестяще. Во всяком случае, хуже того, на что рассчитывал. На стометровке «внизу» снова, как и год назад, сбился с курса (хотя вода на этот раз была абсолютно прозрачной), оказался под разделительной дорожкой и метров двадцать пять скрёб по ней спиной, теряя и теряя драгоценные секунды. Зрители смеялись, громко клял своего питомца Липо. Его слышали все, кроме Шаварша.

В нырянии на 40 метров он занял пятое место. И хотя результат 14,6 секунды давал ему право на получение звания мастера спорта международного класса, оно ему присвоено не было. Как, впрочем, и другим, кто в тот день впервые выполнил этот норматив. Новоявленных «международников» оказалось слишком много, и причину столь массового роста результатов в нырянии федерация подводного спорта справедливо увидела в том, что спортсмены стали пользоваться усовершенствованными ластами. Нормативы следовало пересмотреть.

Да и не только нормативы. Было решено, что Кубок — последние соревнования, где ныряние проводится на дистанции 40 метров. В этой дисциплине спортсмены стартовали не с тумбочки, а с наплыва, с воды. Ныряли не группой, а по одному. Всё это сильно затягивало состязания, снижало их зрелищность, приводило к различным накладкам. Было решено удлинить дистанцию на десять метров, а старт давать одновременно шести-восьми спортсменам с тумбочек.

Почему же раньше не вводили 50-метровую дистанцию? Просто считалось, что проплыть всю длину бассейна на едином вдохе спортсменам средней квалификации трудно и небезопасно для здоровья. Однако жизнь опровергла и это опасение. К тому же заметно возросли скорости.

Известие о своём непосвящении в «международники» Шаварш воспринял с улыбкой. Предстоял большой и интересный сезон.

— Да и что это за «международник», если его даже не включают в число участников

международных соревнований, — сказал он Липо. — Я же пока не член сборной страны и даже не кандидат.

Впрочем, его кандидатскому стажу суждено было в скором времени начаться, хотя сам Шаварш этого пока не знал. Но был полон решимости добиваться этого права.

Он стартовал на международных соревнованиях в Киеве, потом на чемпионате страны в Минске, всё выше и выше поднимаясь в табели о рангах. В Минске получил две бронзовые и одну серебряную медаль. В нырянии был очень близок к победе, но прозевал выстрел и бросился в воду с большим опозданием. Плыл легко и мощно, бурно настигая лидеров — Владимира Коня и Виталия Бардашевича, до победы не хватило трёх десятых секунды. После финиша подошёл Мазуров и сказал:

— Ты сейчас «золото» отдал задаром, но не расстраивайся: это от неопытности.

В общем, на самые первые роли Шаварш ещё не вышел, что так и оставляло зыбкими его шансы попасть в число семи счастливых — участников европейского первенства. Однако Липо верил, что за оставшееся время его питомец поплывёт ещё быстрее, а тогда уж сборной без него никак не обойтись. Как же он умел убеждать, этот Липо!

В Киеве у Шаварша произошёл срыв, что, казалось, не могло не подорвать его репутацию как абитуриента сборной. Стартовал он на 800 метров с аквалангом — дистанции не «своей» (всю свою спортивную жизнь был он спринтером), но необходимой. Состав сборной ограничен семью спортсменами, и для зачёта нужно выступить не только на коронных дистанциях.

Вышло так, что к старту армянские подводники не успели получить с компрессорной станции баллоны со сжатым воздухом, и Липо попросил баллон у одного из тренеров. Однако давление в нём оказалось не 150, а 130 атмосфер, и, направляясь к старту, Шаварш знал, что воздуха может не хватить. Так и получилось. Он терпел до последнего. Терял сознание, но плыл и плыл. И только опытный глаз мог оценить, какой ценой дался ему этот заплыв. Мазуров отругал за безрассудность, сказал: «Не тот случай, чтобы совершать подвиги», но и окончательно понял, что перед ним человек, способный на редкое сверхусилие.

Спустя три года, на Кубке страны в Ленинграде, Шаварш Карапетян поплывёт 800 метров с ещё меньшим запасом воздуха — из-за таких же технических неувязок перед стартом. Но за эти три года он наберётся опыта и мудрости, научится как следует рассчитывать силы и экономить воздух. Он дотянет дистанцию до победы и классного результата. В том уже не будет ничего удивительного, потому что сверхусилие станет неразрывной частью его опыта...

Оставался месяц до начала европейского чемпионата, когда Шаварша пригласили на всесоюзный сбор. Это был шаг вперёд и вверх, хотя и он не означал, не гарантировал включение дебютанта в состав сборной. Мазуров сказал Алмасакину:

— Пусть даже Шаварш в команду не попадёт, но зато подышит её атмосферой, потренируется рядом с классными спортсменами. Если не в этом году, то в следующем он обязательно должен стать одним из ведущих в команде.

Игорь Владимирович Мазуров принял руководство сборной СССР в 1964 году, когда ему было всего 27 лет. Инженер по образованию, брассист-перворазрядник, он был одним из тех тогда ещё немногих энтузиастов, кто в середине пятидесятых годов, начитавшись книг Кусто, заболел идеями проникновения в тайны подводного мира. Вместе с друзьями он организовал секцию, мастерил и испытывал инвентарь, проводил первые соревнования. Он был романтик и спортсмен, но всё же вела его в жизни романтика. Она побудила Мазурова оставить инженерную деятельность и с головой уйти «под воду». В Московской федерации подводного спорта он возглавил секцию подводных исследований.

Предложение стать старшим тренером сборной поначалу повергло Мазурова в недоумение: «Как? Почему? За какие заслуги? Да ведь некоторые члены сборной старше меня!» И наотрез отказался. Его убеждали: «К этому решению мы пришли после долгих рассуждений и обсуждений. Вы пытливый и ищущий человек. Вы пользуетесь авторитетом, умеете ладить с людьми, умеете быть требовательным. Попробуйте, мы уверены, у вас получится».

Наконец он согласился. Первый чемпионат Европы в 1969 году наша команда выиграла «за явным преимуществом».

Казалось, Мазуров может почивать на лаврах. Он же этот успех воспринял не как справедливую награду, а как аванс, поступил в высшую школу тренеров, с отличием её окончил, стал в ней преподавать. Благодаря его усилиям состоялось два выпуска профессиональных тренеров по подводному спорту. Когда ушёл Мазуров, прекратились эти выпуски.

Он подготовил немало высококлассных спортсменов, чемпионов Европы и рекордсменов мира, написал много статей, книгу «Подготовка подводного пловца». А потом, не поладив с ДОСААФовским начальством, ушёл из спорта совсем. Ушёл в «окружающую среду», начал бороться за её чистоту и сохранность. Стал заместителем начальника одного из главных управлений Государственного комитета Совета Министров СССР по гидрометеорологии и охране окружающей среды. Занимается, в частности, проблемами активного воздействия на тропические циклоны. Память «в подводном мире» оставил о себе самую добрую. Вот только не все теперь о Мазурове знают.

В 1982 году, когда в Москве проводился очередной чемпионат мира по скоростным видам подводного спорта, Мазуров побывал на соревнованиях. Встретил многих старых знакомых, своих прежних учеников, коллег-тренеров, в том числе Липо и Шаварша. А ещё — бывшего вице-президента Всемирной федерации по подводной деятельности Пьера Перро. Тот подвёл его к заместителю председателя Федерации подводного спорта СССР и спросил:

— Вы знаете этого месье?

— Извините, к сожалению, нет.

— Это Игорь Мазуров, человек, чьи заслуги в развитии подводного спорта неоценимы.

Конечно, в описываемый период подобная сцена была бы немыслима. Мазуров был и известен, и влиятелен. А Шаварша опекал как младенца. Чутко, внимательно и деликатно. Если хотел исправить какую-то техническую погрешность, то не командовал, а предлагал: «Попробуй, если хочешь, вот так». И никакого менторского, назидательного тона.

А погрешностей у Шаварша, как выяснилось, было немало. Они с Липо постоянно совершенствовались, обновляли технику, да, видимо, не всегда успешно. Вот, например, они решили, что «сверху», то есть без акваланга, Шаваршу нужно плыть на боку. Увидев такое новшество, Мазуров сначала оторопел, но, придя в себя, сказал:

— Неплохо, неплохо, но всё ж, думаю, для тебя, Шаварш, есть ещё более удачное техническое решение...

Помог он и с техникой плавания «внизу». И в том, что Шаварш сразу поплыл техничнее, быстрее, была большая заслуга старшего тренера сборной.

Алмазакян и Шаварш это отчётливо понимали. Липо не стыдился перед воспитанником своего ученичества, думал только о пользе дела для Шаварша, для всех ребят и девушек сборной страны. Здесь Липо пришёлся явно ко двору, помогал Мазурову в работе с другими спортсменами. И конечно, вёл для себя подробные записи, анализировал. Учился.

А в команду Шаварш всё-таки попал. Сначала выиграл прикидку в нырянии на 50 метров, успешно выступил и на двух других дистанциях — 100 метров «внизу» и 100 метров «сверху». Поразило его то, что Игорь Владимирович не включил в команду своего лучшего ученика Андрея Красникова. На той же прикидке за метр до финиша 200-метровой дистанции «сверху», он, плывя впереди, решил, что дело сделано, оглянулся и в результате про-

играл Станиславу Болоцкову. Объективно говоря, проигрыш нелепый, случайный, но в составе команды всего семь человек, и Красников лишился возможности выступить на европейском первенстве. А поступи Мазуров иначе, кто б осудил его?

За две недели до начала соревнований Алмасамян с согласия старшего тренера сборной направил Шаварша в Литву, на Тракайские озёра, где проводился чемпионат СССР по подводному ориентированию. Они решили, что после напряжённых тренировок, да ещё накануне самых важных соревнований нужно сбросить нагрузку, сменить обстановку, переключиться.

— Неважно, как ты выступишь в Тракае, — напутствовал питомца Липо. — Отдохни душой и забудь пока про чемпионат Европы.

Шаварш охотно согласился. Он всегда считал подводное ориентирование делом увлекательным, сознавая при этом, что вряд ли смог бы заняться им всерьёз. Для него всякое состязание было интересно не только борьбой — её духом и сутью, но и зрелищностью, что и отличало скоростное подводное плавание от ориентирования.

И вот первое упражнение — «ориентиры». Пользуясь навигационными приборами, спортсмен движется меняющимися курсами, последовательно отыскивая пять целей и стараясь преодолеть дистанцию как можно быстрее. Шаварш уронил с мостика свои 80 килограммов и очутился на дне, подняв такую тучу ила, что поставил нелёгкую задачу перед теми, кто стартовал вслед за ним. Затем немного всплыл, посмотрел на компас и устремился в края столь далёкие от искомым ориентиров, сколь и сам Карапетян от нового успеха в подводном спорте.

По правилам, к каждому участнику крепится страховочный репшнур, другой конец которого держат судьи, находящиеся в лодке. Если спортсмен, сбившись с курса, уйдёт в зону, далёкую от места проведения соревнований (где может произойти небезопасная для него встреча с моторной лодкой), судьи сдержат его «порыв». Именно это и произошло с Шаваршем Карапетяном. Однако, уверовав в свою непогрешимость, он затеял яростную борьбу с репшнуром. Сначала Шаварша пытался одолеть один судья, потом ему на помощь пришёл коллега. Но тщетно. Шаварш, не сумев освободиться от репшнура, продолжал плыть своим загадочным курсом, таща и таща за собой лодку. Это продолжалось до тех пор, пока он не приплыл к противоположному берегу. Наверное, простодушные отдыхающие решили, что в Тракае завёлся ближайший родственник лохнесского чудовища, и были немало разочарованы, когда, наконец, нашего героя извлекли из воды.

Проклиная свою бестолковость и тщательно проанализировав ошибки, Шаварш на другой день вознамерился спасти попорченную честь в другом упражнении — «зоны», своего рода подводном слаломе. Увы, не получилось и на этот раз. Он снова убедился, что нисколько нигде ничего не добьёшься. Но было не до грустных размышлений, предстояло возвращение в Москву.

Оставался один день до первого старта. Снова нарастало волнение в душе Шаварша. Чувствуя это, утром после завтрака Игорь Владимирович предложил:

— Давай поедем сегодня куда-нибудь за город. Например, в Архангельское. Ведь ты там никогда не был? Чудесная усадьба, живая история русской культуры. Рядом река, лес. Да и от Москвы совсем недалеко. К вечеру вернёмся. Я думаю, и Липо с удовольствием присоединится к нам.

Они шли по дороге, обсаженной густой стеной берёз, елей и сосен. Аллея незаметно поднялась в гору, и сверху взору неожиданно предстали фронтоны, колонны и арка въездных ворот. Дальше начинался спуск. Дорога словно торопила их, и вскоре они увидели чугунное кружево решётки ворот, в глубине которых виднелся стройный портик дворца.

Игорь Владимирович рассказывал о том, как здесь более трёх столетий назад на месте небольшого села Уполозы стала строиться усадьба, ставшая вскоре владением сподвиж-

ника Петра I князя Голицына. О её разрушении в период Отечественной войны 1812 года и последующем восстановлении князем Юсуповым. Они долго ходили по великолепным залам дворца — античному, императорскому, овальному, любуясь лепными украшениями, картинами и скульптурами и внимательно слушая рассказ Мазурова.

С крыльца открылось удивительное зрелище: зелёная гладь партеров, уступами спускавшихся вниз, уходила вдаль к заливным лугам и тёмным лесам за Москвой-рекой, и потому парк казался бескрайним, безмерным. Стена террасы заканчивалась балюстрадой по обеим сторонам лестниц, с бюстами римских императоров. От грота в центре стены веяло прохладой. Игорь Владимирович продолжал свой неторопливый рассказ.

После прогулки по лесу они вышли к реке. Одиноким рыбак сидел в лодчонке и словно дремал, чуть наклонившись вперёд, даже не обращая внимания на поплавок. Какой-то мальчишка, разбежавшись, ухнул с берега и долго-долго не появлялся из воды. Только в этот момент Шаварш вспомнил про завтрашний день. Но подумал о нём с лёгкой радостью, как о дне рождения. Они встретились взглядом с Липо. Тот кивнул в сторону ныряльщика, подмигнул Шаваршу, и оба рассмеялись. Недалеко от берега плыл цветок лилии. Шаварш разулся, вошёл в воду, взял его.

Солнце клонилось к закату, стало чуть прохладнее. Пора было возвращаться в Москву.

Сколько мы знаем случаев, когда даже опытные спортсмены сгорают перед стартом из-за того, что в этот последний «мирный» день вынуждены выслушивать от руководителей команды или даже от более высоко расположенных административных персон длинные речи о высокой ответственности, необходимости сражаться из последних сил, сделать для победы всё, что возможно, и даже больше... Нередко после такой психологической обработки у спортсмена лишь обостряется борьба с собственными нервами. Видно, и Мазуров, и Алмасалян с позиций своего тренерского и житейского опыта понимали, что лучший «настройщик» — сам спортсмен... Мазуров теперь работает в Госкомгидромете. Снова делает погоду. Только не в спорте. А жаль.

Вот и пришёл этот день. Мог ли Шаварш ещё два года назад подумать, что станет не только участником европейского чемпионата, но даже одним из лидеров сборной? Да, мог. Верил в это. С того самого дня 13 ноября семидесятого года он и Липо были устремлены к самым высоким целям. Теперь Шаварш готовился побеждать. За два года он прошёл путь от новичка до лидера. Впрочем, за два ли года? Однажды, когда Пабло Пикассо нарисовал портрет Ильи Эренбурга, тот удивился: «Ты затратил на мой портрет всего пять минут?» На что великий художник ответил: «Я рисовал тебя всю жизнь и ещё пять минут». Шаварш Карапетян шёл к этому дню всю жизнь. И ещё два года.

Он знал возможности соперников и ещё лучше — свои.

VI чемпионат Европы по скоростным видам подводного плавания собрал рекордное число участников: приехало около 150 спортсменов из 15 стран. Трибуны Дворца водного спорта на Мироновской улице были переполнены. Даже дальние подходы к Дворцу были оцеплены милицией, многие из желающих попасть на соревнования так и остались на улице. Прибыла целая армия корреспондентов газет, радио и телевидения. Шаварш, признаться, такого не ожидал. Вся эта торжественность, многоцветье флагов, транспарантов, эмблем его поначалу так ошеломили, что он даже втянул голову в плечи. Однако тут же приказал себе дышать глубже и расправил грудь. В этот день ему предстояло стартовать в нырянии на 50 метров.

Он заранее решил выйти к месту старта так, чтобы никто не заметил, какие бури бушуют в его душе. Он сядет и будет, полузакрыв глаза, ожидать представления участников. Вот назовут его фамилию. Он встанет, слегка улыбнётся, сделает лёгкий поклон зрителям. Потом начнёт не спеша снимать тренировочный костюм. Не спеша надевать ласту. Не спеша.

Не спеша. Это не бравада, не тактический удар по соперникам. Это — диалог с самим собой. Последует первый свисток судьи. Шаварш встанет на тумбочку и снова чуть улыбнётся. Сделает несколько глубоких вдохов, сосредоточенно глядя под воду. Второй свисток — он сделает последний глубокий вдох. Грянет выстрел! Впереди семнадцать секунд борьбы. Семнадцать секунд, которые вберут в себя всё, с чем он шёл к этому дню. Семнадцать секунд!

В первом заплыве у швейцарца Т. Боничелли довольно скромный результат — 20,4 секунды. Тут же Д. Мейер из ГДР улучшает его сразу на 2 секунды. Но ясно, что и этому результату держаться недолго. Владимир Волков победил в своём заплыве со временем 17,8. Прошло ещё несколько заплывов, но время Волкова пока оставалось лучшим.

На старт вышел главный претендент на победу — Владимир Конь. Шаварш старается не смотреть на дорожку, не думать о том, что там сейчас происходит, ведь вслед за Конем стартовать ему. Но гул на трибунах такой, что отключиться и уйти в себя просто невозможно. Вскоре до его слуха донеслось: «Победитель заплыва Владимир Конь, Советский Союз, показал лучшее время дня — 17,4 секунды». Шаварш успел подумать, что для Володи это не так уж быстро. Впрочем, думать больше не было времени. Его вызвали на старт.

СЕКUNДА ПЕРВАЯ. Старт проигран. Ты прыгнул не в воду, а вверх. На тренировках ты совершил тысячи безошибочных прыжков и всё-таки теперь ошибся. Вот они, издержки неопытности. Нужно навёрстывать упущенное, времени мало, но оно есть.

ВТОРАЯ. Нужен мощный удар под себя с хорошей амплитудой. Поднять таз... Как будто получилось.

ТРЕТЬЯ. Ты проигрываешь полкорпуса. Но получился и второй удар, и ты поймал свой ритм. Вспомни, Шаварш, тренировки по три раза в день, когда, услышав, наконец, слова Липо: «На сегодня хватит», ты едва мог подняться на бортик бассейна и потом долго сидел там, не в силах больше сделать ни единого движения. Неужели всё это было напрасно, Шаварш?

ЧЕТВЁРТАЯ. Соперник набирает скорость, но ты уже начал сокращать разрыв. Вспомни, Шаварш, тот радостный день, когда ты, наконец, «поймал» нужное положение таза и твои ноги «вдруг» перестали сгибаться в коленях и расходиться. Держи, держи свою технику!

ПЯТАЯ. На первых метрах ты всё сделал правильно. Значит, сумел собраться. Вспомни, Шаварш, как ты выполнял по 900 ныряний в день. Вряд ли кто-нибудь делал больше. Теперь настало время пожинать плоды своих усилий. Плоды справедливости.

ШЕСТАЯ. За эти два года ты поднял тысячи и тысячи тонн штанги. Вряд ли есть кому сравниться с тобой и в этом, Шаварш. Эти тонны — твоё достояние, Шаварш. Они живут в тебе, в твоих могучих мышцах, они работают сейчас, Шаварш. Трать их, расходуй без остатка.

СЕДЬМАЯ. Ты попал в сильный заплыв, Шаварш. Будем считать, что тебе повезло, ведь ты любишь сильных соперников. Может быть, твой соперник тоже заслужил эту победу. Пусть. Твоя же задача сейчас — не ошибиться.

ВОСЬМАЯ. Да, бывали минуты, когда ты всё же не выдерживал нагрузку и молил о пощаде. Тебе не было стыдно, ты выжимал из себя всё. Но тренер твой всегда был строг и непреклонен. Ты должен сейчас доказать, что он был прав. Это будет и твоя правота, Шаварш.

ДЕВЯТАЯ. Пройдена половина дистанции. Ты проигрываешь уже самую малость, но ведь на финише и это — тоже поражение. Вспомни, Шаварш, что шёл ты к этому дню не только через труд. Ты подчинил этому дню всю свою жизнь. Много ль свободного времени оставалось у тебя?

ДЕСЯТАЯ. Вспомни, Шаварш, как всего лишь два месяца назад ты вдруг растерял всё, чему научился, и плыл как новичок. Ничего у тебя не получалось. Вспомни сомнения, до-

водившие тебя до отчаяния. Вспомни, как снова искал свою технику. Дорогой ценой ты восстановил её. Эта цена стоит твоей победы.

ОДИННАДЦАТАЯ. *Если ты сегодня проиграешь, никто не упрекнёт тебя и даже бронзовую твою медаль сочтут успехом, достойным новичка. Но ты же максималист, Шаварш, и требуешь с себя по самому большому счёту. Ещё немного...*

ДВЕНАДЦАТАЯ. *Соперник твой, кажется, дрогнул, а твои движения стали ещё мощней и размашистей. Ты ещё никогда так здорово не плыл, Шаварш.*

ТРИНАДЦАТАЯ. *Теперь твой соперник — только время. Время Коня, его 17,4 секунды. Сумеешь ли ты превзойти его?*

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. *Если бы не твой неуклюжий старт... Ещё несколько мгновений...*

ПЯТНАДЦАТАЯ, ШЕСТНАДЦАТАЯ, СЕМНАДЦАТАЯ... Вот он коснулся финишной стенки и тут же, подняв голову, посмотрел в сторону судей. Ничего не поняв, стал искать глазами Липо. Увидел, но и на его лице ответа не прочёл. Оставалось ждать объявления диктора. Секунды растянулись в целую жизнь. И вот под сводами Дворца разнеслось: «В девятом заплыве Шаварш Карапетян, Советский Союз, повторил лучшее время дня — 17,4 секунды».

Значит, борьба не закончилась. По условиям соревнований двух победителей быть не может. А потому — переплыв, очный поединок. Теперь предстояло собраться и снова ринуться в бой.

Шаварш почувствовал, что ему нужно какое-то время побыть одному, во всяком случае, отключиться от бассейна, шума зрителей. И он направился было в подтрибунное помещение. Внезапно его окликнули из первых рядов. Он повернул голову и встретился глазами со старым человеком

— Да, да, Шаварш, я тебя.

— В чём дело, дедушка? — подошёл к нему Шаварш.

Но тот лишь молча протянул ему плитку шоколада.

— Это мне? Зачем?

— Съешь, съешь, сынок. Пусть это придаст тебе силы. Мы здесь за тебя болеем.

— Спасибо, дедушка, но мне сейчас нельзя. Через двадцать минут мне снова выходить на старт.

— Ну, всё равно возьми. Съешь потом. Когда победишь. Ты обязательно победишь. Мы всей семьёй за тебя так болеем!

Шаварш улыбнулся, поблагодарил. Настроение заметно поднялось.

И вдруг он увидел Коня. Вид его был удручённым, растерянным.

— Что случилось, Володя?

— «Калипсо» у меня порвался. Не знаю сам, как это произошло. Что делать? Времени в обрез. Кажется, можно уже тебя поздравлять.

— Как поздравлять? Ты же знаешь, что у меня есть запасной костюм. Почему не попросил сразу? Пойдём в раздевалку. У нас ещё есть время.

Конь примерил гидрокостюм. Оказалось — в самый раз. Нужно было торопиться в бассейн. Успеть выполнить несколько разминочных упражнений.

Шаварш несколько раз прыгнул в воду, стараясь не повторить ошибку предыдущего заплыва. Выполнил один мощный удар. Убедился, что всё получается. Вышел из воды, стараясь больше не отвлекаться ни на что.

И снова потекли семнадцать мгновений. Ровно семнадцать, потому что на этот раз стрелки секундомеров остановились на четыре десятых секунды раньше, чем в предыдущий. Конь боролся лишь до середины дистанции, потом Шаварш стал резко уходить вперёд и финишировал первым. Ещё до объявления диктора Володя подплыл к нему и трижды расцеловал.

А потом он стоял на пьедестале почёта, и флаг Родины медленно поднимался к сводам

Дворца под звуки гимна. Всё это было впервые в его жизни, но Шаварш, так долго готовивший себя к победе, ждавший её, теперь словно и не верил в происходящее. Он по привычке стал искать глазами Липо. Тот стоял возле судейского столика со сдержанно-невозмутимым лицом. И лишь едва улыбнулся победителю. Шаварш вспомнил: как-то Липо принёс на тренировку книгу знаменитого новозеландского бегуна, трёхкратного олимпийского чемпиона шестидесятих годов Питера Снелла и показал подчёркнутые строки: «По-моему, довольно неприятное зрелище, когда победители красуются перед публикой на глазах у соперников, которых они только что побили. У некоторых спортсменов эти проявления естественны и неосознанны, но для меня такое поведение было бы искусственным, наигранным. Исполнять танец победителя я не могу».

Липо всегда морщился, когда видел по телевизору истеричные обряды футболистов, забивших гол. «И это мужчины, вы считаете?» — вопрошал он окружающих. Успех своего ученика он воспринял молча и сдержанно. Хотя руки прятал — дрожали, Шаварш это сумел заметить.

Притом сам Липо всегда считал, что соревнования — это праздник, будь то чемпионат континента или района. На соревнования Липо неизменно приходил в своём лучшем костюме и при галстукке. А Шаварша Карапетяна во все годы выступлений зрители привыкли видеть преисполненным степенности и достоинства. Вряд ли это специально воспитывал тренер Алмасакян. Возможно, Шаварш, безмерно веря в учителя, неосознанно перенял от него и душевный настрой.

Приехав после победы в гостиницу, Шаварш сразу же позвонил в Ереван родителям. Они уже всё знали. У отца дрожал голос, может быть, поэтому он был немногословен.

Трубку взял Толик:

— Шаво, а ты везучий — тебе удалось к нам дозвониться. У нас телефон всё время занят. Все звонят, все поздравляют.

А потом вместе со Станиславом Болоцковым, Владимиром Волковым и Владимиром Конем он победил в эстафете 4 × 100 метров. Шаварш выиграл первый этап — проложил путь к победе своим товарищам.

Предстоял старт на дистанции 400 метров с аквалангом. И здесь Шаварш был вправе рассчитывать на победу. Незадолго до чемпионата он в конце одной из тренировок преодолел 400 метров за 3 минуты 25 секунд, тогда как месяцем раньше на первенстве страны Владимир Волков победил на этой дистанции со временем 3 минуты 28 секунд.

И вот теперь Шаварш Волкову проиграл. Анализируя позже это поражение, он понял, что слишком уверовал в свою победу, расслабился, а когда в ходе заплыва почувствовал, что скорость маловата, уже не смог включить предельную мощность.

Проиграл он и 800 метров, занял третье место после Волкова и немца Майера. Половину дистанции плыл хорошо. Подводник, в отличие от классического пловца, график свой знать не может — голос тренера он не слышит. Остаётся полагаться лишь на собственное чувство темпа. И это чувство Шаварша даже с его небогатым пока опытом не обмануло: он действительно плыл на лучшее время дня, на победу. Но после прохождения середины дистанции вдруг почувствовал, как свело, сковало плечи. Он терпел сколько мог, однако вынужден был приподнять голову, что сразу же увеличило сопротивление воды. Из-за чего и проиграл. Выступая в дальнейшем на этой дистанции, он не раз испытывал такие же тяжкие ощущения, и виной тому были... его чрезмерно могучие плечи, большая мышечная масса. В спринте это не было помехой, но на длинных дистанциях сказывалось. Тут ничего поделать было нельзя.

Спринт он и выиграл в последний день европейского первенства, и его победа на 100-метровой дистанции с аквалангом уже не была сенсационной. Так Шаварш Карапетян вошёл в мировую элиту подводников-скоростников. Вошёл уверенно, убедительно и надолго.

го. Через пять лет он завоеует свою последнюю золотую медаль чемпиона Европы.

Многое вместят в себя эти пять лет. Борьба на высшем уровне — это всегда экстремальные ситуации, они дали ему возможность познать себя. Он научился бороться, преодолевать усталость, боль, кислородный голод. Понял, что границы истинных физических возможностей человека намного дальше кажущихся. И это тоже поможет ему потом, на водохранилище.

А пока они с Липо возвращались в Ереван. Шаварш сидел у окна, перелистывая купленные в аэропорту газеты.

Внезапно из динамика громкоговорителя раздался голос бортпроводницы, сообщившей о том, что экипаж и пассажиры приветствуют находящегося на борту самолёта четырёхкратного чемпиона Европы по скоростным видам подводного плавания Шаварша Карапетяна. По салону пошёл гул: «Где же он?» Шаварш уткнулся в газету. Но сидевший рядом пожилой человек наклонился к нему и тихо сказал по-армянски:

— Как себя чувствуешь, товарищ Карапетян?

Шаварш вспыхнул и ответил:

— Спасибо, хорошо.

Сосед расхохотался и, встав с кресла, громко обратился к пассажирам:

— Настоящие герои всегда предпочитают остаться в тени.

Он жестом попросил Шаварша встать, и салон разразился аплодисментами.

А на следующий день в семь часов утра Владимир Самсонович, как обычно, поднял сыновей. Шаварш с трудом открыл глаза, увидел, что братья уже встали и с любопытством смотрят на него. Тем не менее проворчал:

— Ну дайте же хоть раз в жизни выспаться чемпиону Европы.

— Выспишься, когда пойдёшь на пенсию, — прогремел отец. — Пора вставать и приниматься за работу!

Так началась подготовка к предстоящему сезону. Вечером братья втроём поехали на водохранилище бегать кросс.

Глава 7.

ЗА БРАТОМ — БРАТЬЯ

Вслед за Шаваршем к Алмасабяну пришёл Толик, и это было закономерно. Младший боготворил старшего, всегда прислушивался не только к его советам, но даже к настроению, и если сказать, что Толик смотрел на мир глазами Шаварша, истина не пострадает. Причём Шаварш такого отношения к себе словно не замечал, никогда им не пользовался, не помыкал братом, не повышал на него голос.

Да и не было на то причин. Толик характером пошёл в мать — мягкий, покладистый.

Однажды, когда Шаварша и Камо не было в Ереване, внезапно заболела Асмик Карапетовна. После операции аппендицита у неё началось воспаление — перитонит. А такое осложнение нередко оканчивается печально. Врачи сказали: «Если она проживёт девять дней, считайте, что опасность миновала».

Все девять дней и девять ночей Толик просидел у постели матери. Когда кризис миновал, соседка по палате сказала ей:

— Счастливая вы женщина, что воспитали такого сына.

Асмик Карапетовна подумала: «А ведь у меня таких трое». Но вслух ничего не произнесла. Подумала: «А вдруг у этой женщины дети совсем другие?» Позже оказалось, что она была недалеко от истины.

Толик, как и братья, несколько лет занимался гимнастикой. Когда Шаварш и Камо из гимнастического зала перебрались в бассейн, Толик тоже захотел стать пловцом.

Излишне говорить, что, будь Шаварш баскетболистом или даже парашютистом, Толик всё равно последовал бы за братом. Всё, что интересовало Шаварша, увлекало и Толика. К своим четырнадцати годам — к тому времени, когда Шаварш ушёл в подводники, Толик выполнил норму второго мужского разряда в классическом плавании.

Но вот линия спортивной судьбы старшего брата сделала крутой излом, и с этого момента родители стали замечать, что интерес Толика к классическому плаванию резко пошёл на убыль. Нет, он не бросил тренировок. Но разговоров о своих спортивных делах дома уже почти не вёл, а всё больше расспрашивал Шаварша о подводном плавании. Не расставался с книгами «Человек под водой», «Техника подводного спорта», «Капитан Кусто», перечитывал их по нескольку раз.

Когда же Шаварш выполнил норму мастера спорта, то интерес Толика к своим тренировкам и вовсе угас. Придя из школы, он сразу же садился за уроки и старался приготовить их к тому часу, когда Шаварш отправлялся в бассейн. Теперь Толик всё чаще и чаще сопровождал его. Преисполненный гордости за брата, он вышагивал рядом, неся упакованные в чехол ласты, и чувствовал себя почти счастливым человеком.

А совсем счастливым он не мог себя чувствовать потому, что мечтал перейти в подводники. Хотел заниматься с Шаваршем и, конечно, у Липарида Папановича. Но об этом пока и заикнуться не решался. Видел, с каким азартом, с какой увлечённостью работают тренер и брат. Всё внимание, вся энергия и силы Алмасабяна были сосредоточены на Шаварше. Тренер держал под жёстким контролем всё: его сон, и питание, и учёбу в институте. Как же можно было решиться посягнуть на внимание Липарида Папановича? К тому же Толик понимал: скоро тренер и ученик начнут ездить на всесоюзные сборы и соревнования, и он окажется предоставленным самому себе. Толик тихо вздыхал. И всё носил да носил ласты старшего брата и замороженно любовался им с бортика бассейна.

Шаварш не мог долго оставаться равнодушным к мукам брата и однажды сказал Лило: — Пусть Толик тренируется вместе со мной.

Но тот покачал головой:

— Сначала Толик, а потом ещё и Камо захочет. Нет, я так не могу, так у нас ничего не получится.

Была серьёзная причина, сдерживавшая Алмасакияна в наборе учеников. Для тренировки подводнику как воздух нужен... воздух. При тех огромных объёмах работы, которые выполнял Шаварш, наполнение аквалангов становилось мучительной проблемой. И Липо приходилось её решать самостоятельно — за счёт личной инициативы и предприимчивости, ведь «гражданских прав» у армянских подводников в ту пору не было никаких. Как быть? Делиться воздухом Шаварша с Толиком? К тому же младший брат имел явную природную склонность к более длинным дистанциям, что, естественно, влекло за собой повышенный расход воздуха.

И всё же Шаварш уговорил тренера. Тот сжалился, однако посадил Толика на самый скудный воздушный паёк. Впрочем, решил, что так даже лучше. Если младший будет стараться и дела у него пойдут успешно, он сможет выступать на дистанциях «сверху» — в ластах, без акваланга — в сборной команде республики. На том и порешили.

В 1972 году Толик выполнил норму первого разряда, годом позже на юношеском чемпионате страны занял четвёртое место. Причём лавры столь неожиданного и скорого успеха пожинал отец, он лично готовил сына к соревнованиям, потому что Липо и Шаварш находились в то время на сборах в Кишинёве.

Владимир Самсонович толк в подводном плавании уже знал. Взяв шефство над сыном, он сразу же сказал ему:

— Хватит плавать в двух ластах, переходи на моноласту, как это делают сейчас все.

Тут же изготовил сыну моноласту. Попробовали — не понравилось. Сделал другую, потом ещё одну... Решили остановиться на пятой. Дело пошло. Когда Алмасакиян вернулся из Кишинёва, Владимир Самсонович сказал ему:

— Если тебе очень трудно, то одного Карапетяна я могу у тебя одолжить. Когда он установит мировой рекорд, ты сам станешь просить меня отдать его обратно.

Алмасакиян засмеялся:

— Всё понял, забираю его к себе. Будем работать с моноластой. Жаль, что не сделали этого раньше. Виноват.

Толик тренировался страстно, одержимо. Плавал на одной дорожке с Шаваршем. Работоспособность его была огромной, часто он выполнял ещё больший объём работы. «Заводил», тянул, увлекал брата, помогал ему выполнить намеченный план. Скоростные возможности у Толика были пониже, чем у Шаварша, но зато он хорошо чувствовал темп. В общем, скоро тренер убедился, что совместная работа братьев — на пользу обоим.

Особенно хорошим помощником для Шаварша Толик оказался в беге. Обладая превосходной выносливостью и волей, он тем не менее никогда не убегал вперёд, держался рядом с Шаваршем, готовый всегда подбодрить брата, когда тому было трудно. Правда, если Липо устраивал пробег на результат, то младший уже не щадил старшего и уверенно выигрывал. Справедливости ради и в оправдание Шаварша нужно добавить, что Толик был легче него на целых 20 килограммов, а на дистанции 20—25 километров это что-нибудь да значит. Особенно если учесть, что тренер старался проводить эти контрольные пробеги в самых тяжёлых условиях. Чтоб потом, «в бою», было легче. В пробегах непременно участвовал и Владимир Самсонович, правда на автомашине. Он знал, что одно его присутствие для сыновей значит немало. Он ехал и молчал, зная, что его сыновья сумеют вытерпеть то, что другим не под силу.

Что же касается плавательной специализации Толика, то он так и остался «верхним» подводником, хотя душа его всегда рвалась вглубь. Акваланг был для него лакомством, но выступал он в «нижних» дисциплинах редко. Он был нужен команде «наверху».

Но однажды, выступив на зональных соревнованиях Кубка СССР в плавании на 100 мет-

ров с аквалангом, он показал время 44,8 секунды и выполнил норму мастера спорта. Правда, Липо в него так до конца и не поверил и «вниз» Толика почти не пускал. Тот не роптал, довольствовался малым. Конечно, он пытался доказать своё право на акваланг, однако, поражая своего наставника на тренировках, он так и не научился «взрываться» на соревнованиях. Его душевная мягкость вылилась в портретную черту спортсмена. А может быть, ему требовалась помощь, чтобы обрести себя? Этот вопрос остался без ответа. Когда в 1977 году Липарид Алмасакаян перешёл на тренерскую работу по подводному ориентированию, 21-летний Анатолий Карапетян прекратил тренировки и целиком переключился на подготовку старшего брата. Так нужно было Шаваршу, возвращавшемуся в большой спорт после трагедии и тяжёлой болезни. Таков Толик, таковы Карапетяны. Всё это к вопросу о причинах поразительных дел Шаварша имеет отношение отнюдь не второстепенное. На Марсе яблони не цветут: не с чего, не на чем.

Шаварш всегда говорил, что природа наделила среднего брата более щедро, чем его самого. Трудно сказать, так это или нет, но силы Камо были необычайной, в этом он старшего брата превзошёл.

В неполные 15 лет Камо был уже одним из сильнейших кролистов Закавказья среди юношей.

Как и братья, занимался вначале у тренера Манукяна. Но когда Манукяна назначили директором бассейна, он отошёл от тренерской работы и Камо оказался предоставленным самому себе. Толик уже тренировался у Алмасакаяна, и Камо знал, что тот принял его без восторга. «К чему навязывать Липо ещё одного Карапетяна?» — думал он.

Камо теперь тренировался от случая к случаю — без надзора, без особого азарта и исподволь приглядывался к подводным делам братьев.

И вот как-то старшему и среднему братьям довелось вместе проходить тренировочные сборы в Цахкадзоре, куда каждый из них приехал со своей командой. Камо, по существу, впервые увидел, как тренируется Шаварш. Он и представить себе раньше не мог, что спортсмен способен так работать, выдерживать просто немыслимые по объёму и интенсивности нагрузки. Увидел Камо, с какой увлечённостью ученик и тренер обсуждают свои дела, спорят, выдвигают идеи, проверяют их в бассейне, отвергают или одобряют и снова спорят. Увидел Камо, что такая тренировочная работа — настоящее творчество, даже искусство. Тогда же в Цахкадзоре, Камо сказал Шаваршу:

— Уверен, если бы ты так же работал в классическом плавании, то стал бы большим спортсменом.

Но Шаварш ответил:

— Это маловероятно, я слишком поздно пришёл в плавание.

В тот же день Камо явился в номер, где жил Алмасакаян, и сказал, что окончательно решил сменить амплуа. Тот улыбнулся:

— Я знал, что это произойдёт.

Однако благие помыслы у Камо не всегда жили в согласии с делами. Не любил он тяжёлого, изнурительного труда, при случае норовил увильнуть, сославшись на боль в боку, в пояснице, на то, что плохо спал ночью. Правда, позже, окончив институт и приступив к трудовой деятельности, он эту склонность не перетруждать себя уже никак не проявлял. Но в спорте так и остался неисправим. Ни тренер, ни отец, ни братья ничего не могли с ним поделать.

Особенно не любил Камо бег на длинные дистанции. Иногда такие тренировки Алмасакаян проводил на стадионе. Но не на 400-метровой беговой дорожке, а вокруг трибун, по асфальту, где круг около 800 метров. Шаварш и Толик бегали часто по 20, а то и 25 кругов. Камо не всегда дотягивал и до половины этой нормы. Правда, ему нравилось, когда бегали

большой группой. Она растягивалась, и уже через полчаса трудно было понять, кто бежит впереди, а кто отстаёт. Хорошо зная Камо и предвидя его возможные «тактические ходы», Алмасамян предпринимал свои приёмы «контригры». Так, например, он тоже пускался бежать, но не вместе со спортсменами, а в обратном направлении, навстречу им. При этом ему не раз удавалось застать Камо врасплох, когда тот отсиживался, спрятавшись за колонну.

Но как он преображался на соревнованиях! Ни тени робости, ни на йоту сомнения в себе. Никакой боязни соперников. Сражался всегда отважно и часто показывал результаты, превосходившие ожидания тренера, а то и возможности самого Камо. Правда, это касалось лишь спринта. Видимо, природой он был одарён именно как спринтер, и лучше всего у него шли дистанции 50 и 100 метров. Старт у Шаварша он, как правило, выигрывал. Спринтер — человек, обладающий взрывной, импульсивной силой, не способный к её длительному проявлению. Шаварш был, скорее, тоже спринтером, но добивался высоких результатов и на 400- и даже на 800-метровой дистанции. Правда, успехи эти пришли после серьёзной работы над развитием общей выносливости, и прежде всего после марафонских кроссов. Шаварш терпел. Камо терпеть не научился. Он так и остался чистым спринтером.

Но однажды, взнуздав себя, он стал работать так, как давно уже добивались от него Шаварш и Липо. И хватило Камо надолго — на целых два месяца. Тренер устроил ему контрольный заплыв на 800 метров. Когда Камо финишировал, стрелка секундомера лишь на несколько секунд перебежала отметку мирового рекорда. Удивился Шаварш, удивился Камо. Но Липо и бровью не повёл:

— Я всегда знал, на что ты способен. Нужно ещё повисить нагрузку. Ты готов?

Камо промолчал.

На юношеском чемпионате страны 1972 года он занял в нырянии второе место. Годом позже выполнил норму мастера спорта, ещё через год стал мастером международного класса и кандидатом в сборную команду страны. Но выше уже не поднялся, членом команды так и не стал, хотя на тренировке мог выиграть у старшего брата, а порой удивлял и на соревнованиях — выступать он умел и любил.

Забегим вперёд ещё немного. В финале Кубка страны 1975 года Шаварш Карапетян, Копайгородский, Бардашевич, Конь и Сергин, стартуя в заплыве сильнейших в нырянии на 50 метров, показали одинаковый результат — 17,2 секунды. У Камо в следующем заплыве было 17,4 секунды. По условиям соревнований для выявления победителя был назначен повторный старт. Заплыв выиграл Шаварш с новым мировым рекордом — 16,6. И тогда — опять же в соответствии с регламентом — тренеры побеждённых дали заявку на заплыв для побития только что установленного рекорда. В этот заплыв вне конкурса был включён и Камо. И к удивлению абсолютно всех, Камо выиграл этот заплыв, повторив прежний мировой рекорд — 16,8 секунды. Оставалось лишь гадать, что бы он сотворил, доведись ему стартовать в одном заплыве с братом, которого он так ни разу и не победил в официальных соревнованиях.

В каждом спортивном коллективе, как правило, есть лидер. Обычно это лучший или один из лучших спортсменов. Но, что ещё важнее, лидер — это человек недюжинной духовной силы, способный вдохновлять товарищей, увлекать их за собой. В сборной команде подводников Армении капитаном был Серж Папян, но истинным, или, говоря языком учёных-психологов, неформальным, лидером был, конечно, Шаварш. Камо лидером не был. Впрочем, как посмотреть... В классе во время перемены с учительского стола исчезли наручные часы. У учителя — никаких подозрений. Утром следующего дня в этот класс входит Камо Карапетян, ученик соседнего, восьмого «Б», и обращается ко всем с очень небольшой речью. Вскоре после этого часы незаметно вновь оказываются на столе. Если за словами нет личности сеятеля, они не дают всходов. Это не только о взрослых. Камо тогда было

14 лет...

Приехав как-то в Киев и зайдя в универмаг, Камо увидел: только что выбросили искусственные дублёнки. И решил он одеть в них всю команду республики, всех восьмерых. Однако нужно было достать для этого целую тысячу рублей. Камо занял очередь, сел в такси и помчался по своим киевским друзьям и знакомым. Через час вернулся с деньгами. И простоял в очереди ещё четыре часа. Купил, привёз, всем пришлось в самую пору. Сколько было радости — не описать! В этом — весь Камо.

Особенно чуток он был к самым молодым в команде. И на тренировках за ними приглядывал, и следил, чтоб как следует поели да вовремя спать легли. Чтоб одевались тепло, чтоб ноги всегда сухими были.

Команда приезжала на тренировочный сбор и едва успевала разместиться в гостинице, как Камо уже отправлялся на рынок. Приносил фрукты, сладости. Обязательно ждал, когда соберутся все до единого. Только потом командовал: «Налетай!»

И перед родителями за братьев он был главным ответчиком. Далеко не всегда мама и папа могли сесть в самолёт и махнуть к сыновьям. Но знали, что вечером непременно позвонит Камо и расскажет, как долетели, как устроились, как провели тренировку, как дела с инвентарём. В общем, администратором или, скажем, старостой семейной микрокоманды был средний брат.

Жаль только, что не достиг он в спорте тех высот, что Шаварш, хотя звание мастера спорта международного класса — тоже высота немалая. Но способен Камо был на гораздо большее. Даже на большее, чем старший брат.

Глава 8.

ПОСТИЖЕНИЕ СКОРОСТИ

Научно-техническая революция бурно ворвалась в мир спорта, перевернув многие представления о возможностях человека. В результате резко возросли скорости на беговых и конькобежных дорожках, лыжных и горнолыжных трассах, увеличились дальность и высота прыжков. Всего лишь за двадцать пять лет потолок мирового рекорда в прыжках с шестом, например, вырос на целый метр.

Конечно, немалую роль в этом сыграли методы подготовки спортсменов. Но во многих видах спорта резкий рост результатов связывают в основном с совершенствованием инвентаря и оборудования. Современные шесты по своим «стреляющим» свойствам столь же далеки от давних, бамбуковых, сколь космическая ракета — от самолёта, на котором великий русский пилот Пётр Нестеров поражал мир фигурами высшего пилотажа.

В нынешнем спорте высших достижений нет деталей второстепенных. Казалось бы, неужели конькобежца не устраивают плотно облегающие тело шерстяные рейтузы и свитер? Увы, не устраивают, и уже давно. Потому и созданы из специальных материалов комбинезоны, уменьшающие аэродинамическое сопротивление тела спортсмена. Более того, в таких костюмах стали соревноваться и горнолыжники, и прыгуны с трамплина, и даже «равнинные» лыжники. Проблемами инвентаря теперь занимаются большие коллективы учёных и инженеров в специальных лабораториях и институтах.

Вот только создавать инвентарь для спортсменов-подводников специалисты начали с явным опозданием, несмотря на широкое распространение подводного спорта во всём мире. И потому в Ереване в доме № 9 по улице Кутузова была открыта «фирма» по разработке и производству ласт. Директором, главным инженером, лекальщиком, слесарем и чернорабочим был Владимир Самсонович Карапетян.

Это был период, когда в поисках резервов повышения скорости подводники стали отказываться от использования двух ласт, а значит и от способа «разножка», и переходить на моноласту и способ «дельфин». Преимущества моноласты были очевидны, предстояло придумать её оптимальную конструкцию. За это брались многие спортсмены. Изобретали, проверяя новшества на себе. Появлялись моноласты самых причудливых форм, разных размеров. Это было время открытий.

Когда-то таким же опытным путём совершенствовались обычные ласты. Патент на их изобретение получил в 1933 году французский офицер-спасатель Луи де Корлье. Спустя пять лет американский яхтсмен, олимпийский чемпион Оуэн Черчилль увидел на Таити, как местные жители надевали на ноги приспособления для плавания, изготовленные из листьев пальмы и листьев пандануса. Кстати, во французском языке слова, обозначающие пальмовые листья и ласты, — синонимы.

Черчилль привёз такие ласты и стал работать над их усовершенствованием. А испытывать их ему помогали пловцы Бастер Крэбб и знаменитый Джонни Вайсмюллер, олимпийский чемпион 1928 года, исполнитель роли Тарзана. В конце концов Черчилль стал ласты производить и продавать.

Понадобилось почти сорок лет, чтобы прийти к выводу о том, что идея использования двух ласт несостоятельна, так же как и плавание с попеременной работой ног. Стали появляться моноласты, усиленные металлическими пластинами, а затем и армированные текстолитом.

Но сначала зимой 1970 года ленинградские спортсмены применили спаренные ласты, то есть соединили обычные. Вскоре узбекский тренер Борис Бороздов и его ученица Надежда Турукало изготовили уже моноласту, что резко подняло результаты Надежды и

позволило ей установить несколько мировых рекордов.

Среди мужчин первым моноласту и способ «дельфин» применил новосибирский спортсмен А. Салмин. До него моноласта почему-то считалась привилегией женщин. Лёгкая, изящная новинка Салмина, представлявшая собой практически сплошной лист текстолита, профилированного особым способом, понравилась многим. На первенстве Вооружённых Сил Салмин подтвердил репутацию сильнейшего ныряльщика в мире, установив мировой рекорд на дистанции 40 метров — 14 секунд ровно. Вскоре моноласту попробовали и другие сильнейшие спринтеры. Это вызвало новый качественный скачок в технике ныряния и подводного плавания вообще. Вместе с тем спортсмены и тренеры стали думать над тем, как сделать ласту ещё более быстрой.

Экспериментировали все подводники. Не было ещё сколько-нибудь обоснованных рекомендаций специалистов относительно формы, размера, степени жёсткости моноласты. У Турукало она была мягкой, грушеобразной и довольно большой для хрупкой девушки. Виталий Бардашевич и Владимир Конь сначала применяли ласту маленькую и жёсткую, потом стали увеличивать её размеры. А жёсткость каждый соизмерял с массой тела, силой мышц ног, спины. Но всё же главным критерием были собственные ощущения спортсмена. Научные исследования в этой области ещё только начали проводиться.

Долгое время спортсмены могли проплыть с моноластой не более 100 метров. Шаварш Карапетян был первым, кто смог преодолеть дистанцию 400 метров. Его и Алмасакая убеждали: «Шаварш не справится, против этого восстаёт сама природа человека, моноласта требует чрезмерных физических усилий». Но прошло не так много времени, и подводники освоили с моноластой даже полуторакилометровую дистанцию.

Как только Шаварш перешёл в подводники, Владимир Самсонович стал регулярно посещать его тренировки, наблюдать, анализировать, делать записи. Шаваршу при его огромной силе мышц и большом весе требовалась ласта повышенной жёсткости, причём для каждой дистанции — своя. Для более длинной нужна была более мягкая ласта. Но это, конечно, ещё далеко не всё. Отец, сын и тренер пришли к выводу, что жёсткость по длине моноласты должна меняться. Но как найти эту закономерность, как воплотить её в материале?

Техника плавания Шаварша вообще была специфичной, не похожей ни на чью другую. Обладая хорошо развитыми мышцами спины, брюшного пресса, бёдер, голеней, стоп, он выполнял маховые движения пловца с большой амплитудой.

Вместе с отцом они установили, что моноласта должна иметь рёбра жёсткости, такие же, как, к примеру, плавники рыбы. Владимир Самсонович изготовил такую. Попробовали — хорошо. Но можно ещё лучше. Что, если рёбра жёсткости сделать не прямыми, а волнообразными? К этому решению привели собственные расчёты и консультации с инженерами. Снова попробовали — оправдало себя и это.

Работа у верстака в доме Карапетянов кипела. Часто приходил Липо, вдвоём с Владимиром Самсоновичем они порой колдовали до самого утра. Резали, строгали, клеили. Потом сыновья испытывали ласту в воде. Одобряли или отвергали, вносили уточнения как по конструкции, так и по технике плавания. И снова корпел отец. Сыновей к верстаку не подпускал.

Уезжая в другой город на соревнования, Шаварш брал обычно несколько комплектов ласт — на все случаи жизни. Но всего не предусмотреть. Позвонит, бывало, домой и скажет «Папа, последняя ласта оказалась мягковатой...» И снова отец стоял у верстака. А потом мчался в аэропорт, с кем-то пересылал, и к старту сын получал то, что нужно.

Получается, что Шаварш имел перед другими спортсменами преимущество, ведь никто другой из подводников не располагал столь мощной «опытно-конструкторской базой»? Однако так никто не считал. Во-первых, потому что секретов у «фирмы» не было. Карапе-

тяны делились ими охотно со всеми. И не только секретами, но и самими ластами. Было время, когда в ластах, изготовленных Владимиром Самсоновичем Карапетяном, выступала вся сборная команда страны.

Участь на третьем курсе института физической культуры, Шаварш сконструировал и создал прибор, измеряющий силу тяги спортсмена-подводника. Испытал его на себе и других спортсменах. Точно измерить свою силу тяги ему не удалось — шкалы не хватило: последнее деление на ней соответствовало 110 килограммам. Оказалось, что сам автор не смог предвидеть, как он силён.

Шаварш продолжал экспериментировать и пришёл к выводу, что такое большое усилие развивать не следует. Что для него будет лучше создавать тягу за счёт увеличения частоты движений. Это, естественно, привело к уменьшению жёсткости ласты и некоторым другим конструктивным изменениям.

Совершенство свой прибор, Шаварш «научил» его выполнению комплексных измерений. Вместе с силой тяги теперь измерялась скорость на любом отрезке дистанции и сила сопротивления воды. Результаты исследований сразу же учитывались при отработке техники и при конструировании ласт.

Не мудрено, что и за рубежом возник интерес к ластам Карапетянов. Когда Шаварш вышел в лидеры мирового подводного плавания, специалисты стали внимательно изучать его технику, методы тренировки. И конечно, инвентарь.

Питание спортсмена — дело не последнее в его подготовке. Большие энерготраты требуют восполнения. Если сыновья уезжали на сборы, вслед им из дома шли посылки с домашней едой. И вправду, что может быть лучше домашних голубцов из виноградных листьев, варенья из грецких орехов?

Всем известно, что питаться лучше всего почаще, но понемногу. Что во второй половине дня много есть не следует, а перед сном — и вовсе недопустимо. Однако научные концепции отца семейства Карапетянов существенно расходились с устоявшимися принципами отцов диетологии. «Я согласен, — говорил Владимир Самсонович, — спортсмен должен кушать часто. Но — помногу. Если моему сыну нужно проплыть двадцать километров, то двумя котлетками здесь не отделаешься. Ну а организм человека, который уже давно переквалифицировался в профессионального болельщика, как я, например, требует за свои нервные потери не меньшего количества килокалорий».

Как-то Асмик Карапетовна приготовила с вечера огромную кастрюлю супа и сказала:

— Очень вкусный, я положила туда во-от такой кусок мяса. Однако на ночь есть — ни в коем случае, всю ночь будут сниться кошмары.

Она приготовила для мужчин небольшую яичницу — на дюжину яиц. Ещё они выпили по бутылке мацони, съели по куску хлеба с сыром лори, выпили по кружке чая и пошли спать.

Наступила ночь. Не спится отцу семейства, ворочается с боку на бок. Не спится Шаваршу — сосёт под ложечкой. Безуспешно пытается заснуть Камо. А Толик и вовсе с открытыми глазами лежит.

Владимир Самсонович встал, пошёл на цыпочках на кухню. Услышав шаги, встал и Шаварш, молча сел за кухонный стол. Ждёт, знает, что сейчас и братья появятся. Вошли и они. Тоже сели.

— Сейчас, сыночки, сейчас родные. Пусть немного ещё подогреется.

— Ой, не надо, папа. Сил нет больше ждать, давай будем есть суп холодным, — не терпится Камо.

— Как так нет сил? Настоящий спортсмен должен уметь терпеть. Сколько ты можешь без еды, Камо?

- Ещё три минуты, не больше.
- А ты, Толик?
- Ещё пять минут, и умру.
- А ты, Шаво?
- Пять с половиной минут. Я же старший...

Наутро мама не могла нарадоваться, глядя, как сыновья дружно поднялись, как они весело проводят утреннюю тренировку.

— Ну вот, видите, я же говорила: не нужно много кушать перед сном. Одно удовольствие на вас смотреть.

— Правильно, говоришь, Асмик, — сказал отец. — Ты всегда правильно говоришь. Но я скажу ещё правильнее. Я думаю, что кушать вообще вредно. Как вы считаете, ребята?

— Очень вредно, — сказал Толик.

— Просто смерть как вредно, — вторил ему Камо.

— А можно приучить себя вообще не кушать, — без тени улыбки заявил Шаварш. — Я слышал, как один цыган приучал свою лошадь не кушать. И у него это почти получилось. Но, видимо, он допустил маленький просчёт в дрессировке, потому что лошадь неожиданно взяла и сдохла.

Тут-то мама и смекнула, что надо заглянуть в кастрюлю. И, увидев её пустой, рассмеялась:

— Неужели я похожа на того цыгана? Я же всегда хочу, чтоб было лучше для вас.

— Асмик, теоретически ты безусловно права, — сказал отец семейства. — Но суровая жизнь часто вносит в любую правильную теорию свои поправки. Ну, иди собирай на стол. А то мы очень проголодались.

— Ведь так давно не ели, — добавил Шаварш.

Был конец сентября, когда в Ереване обычно ещё царствует лето. Лишь вечерами чуть холоднее ветры, но солнце обычно светит целый день. А в ту осень оно вообще почти не скрывалось за облаками. В такую погоду бегать — одно удовольствие.

Камо в тот день потренировался с утра, вечером у него были лабораторные занятия в институте. Шаварш и младший брат приехали в водноспортивный клуб вдвоём. Их сразу вызвал начальник клуба Арзуман Галстян.

— Ребята, — сказал он, — сегодняшнюю тренировку придётся отменить. Впрочем, то, о чём я вас сейчас попрошу, потруднее, чем тренировка.

Шаварш молча смотрел на Галстяна, не выражая удивления или нетерпения. Он привык выслушивать и не задавать лишних вопросов

— Короче говоря, ребята, вы помните канал, что возле электролампового завода? И мостик? Так вот с этого мостика в канал упал автомобиль «Жигули». Водитель погиб. Выбрался сам из машины, но на берегу скончался. Остался ли в машине кто-нибудь ещё, неизвестно. Где находится машина, куда её отнесло, этого тоже никто не знает. Там довольно глубоко, течение сильное, а вода холодная. Что будем делать?

— Надо посмотреть, — сказал Шаварш.

Приехав к месту происшествия, братья увидели на обоих берегах канала много людей. В воду войти никто не решался.

Шаварш разделся, вошёл в воду и содрогнулся от пронзившего тело холода. Он нырнул и ушёл на дно. Открыл глаза и попробовал оглядеться — бесполезно, настолько мутной оказалась вода. К тому же его буквально выносило наверх бившей снизу струёй.

Он вынырнул, сделал несколько глубоких вдохов и опять ушёл вниз, прикладывая большие усилия, чтобы не вынесло наверх. Он не показывался минуты полторы, и толпа уже беспокойно загудела, ведь люди не знали, кто взялся за дело. Но вот — вздох облегче-

ния: голова пловца появилась над водой. Жестом Шаварш показал брату, что ничего обнаружить не удалось, и снова скрылся.

Вот он выплыл в третий раз. Вылез на берег, сел, отдышался. Подошёл Толик, накинул на плечи куртку.

— Ну что, Шаво?

— Ничего хорошего. Всё равно сильно выносит. Придётся что-то придумать.

— Нужно идти вниз с камнем.

— И с верёвкой.

— Правильно. Только нырять должен я, Шаво. Ты пойми: чтобы держать эту верёвку, страховать ныряющего, нужна большая сила. Причём всё это займёт немало времени, так что верёвку придётся удерживать долго. Поэтому ты должен работать наверху.

— Пожалуй, ты прав. Придётся только съездить за аквалангом и гидрокостюмом — уж очень холодная вода.

Костюм «Калипсо» используют на соревнованиях. И конечно, не для тепла, а для обтекаемости. Однако теперь и такой костюм был бы неплох.

Толик облачился в него, надел акваланг, укрепил на спине довольно тяжёлый камень, зацепил за пояс верёвку и, дав её свободный конец брату, вошёл в воду. Тот двинулся вдоль берега вслед за Толиком, продиравшимся по дну.

Первая попытка ничего не дала. Вторая тоже. Видимо, Толика пронесило мимо затонувшей машины. Он сделал третью попытку, но и она успеха не принесла. Наконец в четвёртый раз показался из воды:

— Есть!

Выбрался на берег, оставив конец верёвки под водой: догадался сразу же зацепить его за бампер машины, чтобы не потерять её.

— Есть ли кто-нибудь внутри? — спросил Шаварш.

— Никого. Видимо, водитель был один.

На берегу уже стоял подъехавший подъёмный кран. Толик взял свисавший трос, снова ушёл под воду и закрепил его за бампер машины. Через несколько минут она уже стояла на берегу.

В этот момент к братьям подошёл неизвестный пожилой человек:

— Ребята, это машина моего родственника. Вы сделали большое дело. Я понимаю, что ваша работа неоценима. И всё же, сколько мы вам должны?

Но Шаварш и Толик не ответили.

— Ну хорошо, тогда я скажу сам. Восемьсот рублей хватит?

— Нет, не нужно.

— Как не нужно? Вы проделали такую работу. Такая холодная вода. Вы рисковали здоровьем. Вы работали несколько часов. Я должен вам заплатить.

— Нет, вы нам ничего не должны.

Конечно, ни о какой тренировке в тот день уже не могло быть и речи. Нужно было торопиться домой: сделать всё, чтобы не заболеть. Однако к утру у Толика всё-таки поднялась температура. Четыре дня он пролежал в постели. На пятый провёл лёгкую разминку. Ещё через три дня братья уже втроём бегали кросс. Так началась подготовка к новому сезону.

Та осень оказалась для них долгой и утомительной. Бассейн был закрыт на ремонт, и они занимались лишь общефизической подготовкой. В этот период только объём беговой работы составлял около 100 километров в неделю. Много занимались штангой, греблей на ялах, упражнениями на тренажёре. Два раза выезжали в Цахкадзор. Липо понимал, что горный воздух, смена обстановки теперь, может быть, нужнее, чем когда-либо. «Конечно, — говорил он, — бег на лыжах не самое лучшее средство подготовки подводника, кросс полезнее, но зато вы хорошенько изголодаетесь по воде».

Липо, как всегда, оказался прав, братья это поняли, когда открылся бассейн.

В первый день они резвились в воде, как малыши. И даже затащили в воду Липо, прямо в тренировочном костюме и тапочках. За что Шаварш получил от него подзатыльник.

— Нахал, самозванец! — рассердился Липо. — В воду сбрасывают только тренера мирового рекордсмена, а ты кто такой?

На следующий день была уже полноценная тренировка на дорожках.

— Сила у вас есть, — сказал Липо, — но она пока что ломовая. Теперь нужно переплавить её в скорость.

...Одна из спринтерских тренировок. Предстоит пронырнуть 20 раз по 50 метров. Лишь полгода назад Шаварш на чемпионате Европы показал лучший для себя результат — 17,0. А сейчас он только в одной тренировке должен проплыть эту дистанцию 20 раз за 18 секунд, отдыхая между повторениями по 2 минуты. Причём результат хуже 18 секунд в «зачёт» не идёт. Не жестоко ли? Нет, считал Липо, только так можно добиться невозможного.

Или в течение 8 минут нужно проплыть 8 раз по 100 метров. Время на дистанции не фиксируется, однако волей-неволей плывёшь быстрее, чтобы успеть отдохнуть.

Или отработка техники поворота. Подойдя к стенке бассейна, снимаешь одну руку с баллона, а другую сгибаешь в локте, как бы подтягивая баллон к себе и прекращая его поступательное движение. Свободной рукой касаешься стенки, затем сгибаешь эту же руку в локте, поступательное движение тела прекращается, ноги сгибаются и подтягиваются к туловищу. За счёт движения плечами и головой разворачиваешься на пол-оборота. Одновременно прижатой к туловищу рукой разворачиваешь баллон, упираешься стопами в стенку и, глубоко подсев и положив свободную руку на баллон, резко толкаешься, выпрямляешь руки и выводишь баллон вперёд... Шаварш выполнял это упражнение до 150 раз за одно занятие. Так постигалось совершенство.

Сезон приближался. Липо решил применить новую форму работы: проплывание предельно коротких отрезков с максимальным усилием. Нужно было всего лишь за три секунды суметь выплеснуть весь заряд энергии и технического мастерства. Чистый, взрывной спринт. Казалось бы, не устанешь. Но если повторишь одно упражнение сто раз подряд и почти без отдыха, станешь молить о пощаде. Но у Липо пощады не попросишь.

В том году чемпионат Европы не был запланирован, и главным состязанием сезона явилось первенство команд социалистических стран, проводившееся в Тбилиси.

Приехав в Тбилиси, Шаварш сразу же встретил в гостинице Волкова.

— В какой номер тебя поселили, Володя?

— Да только приехал. Ещё не знаю.

— Если хочешь, давай поселимся вместе.

Владимир не любил жить в одном номере с главными соперниками — избегал дополнительной психологической нагрузки перед стартом. Но так было до знакомства с Шаваршем. Общение с Шаваршем не тяготило. Он хорошо понимал, что соперник всегда остаётся соперником, и никогда не вторгался в его внутренний мир, не мешал настроиться на борьбу.

Разместившись в одном номере, они решили разыскать Каразаева. Анатолий пребывал в скверном состоянии духа.

— Не боец я нынче, ребята, — сказал он. — Сильно простудился, а времени на поправку совсем не осталось.

— Как не осталось? — вспыхнул Шаварш. — Ещё целых два дня до старта. Будешь выступать, я тебе обещаю. У меня в Тбилиси есть одна замечательная тётушка, вмиг поставит тебя на ноги.

С этими словами он достал записную книжку и подошёл к телефону.

Поговорив с тётушкой, Шаварш расплылся в улыбке:

— Всё в порядке, Толик. Поехали к моей кудеснице.

Пробыли у тётушки до глубокого вечера. Она поила Анатолия какими-то снадобьями, парила ему ноги, растирала своими «колдовскими» мазями. На другой день они вновь отправились к ней, и всё повторилось.

— Жалко, что 800 метров — в самом начале соревнований, — вздыхал Каразаев. — Я уже почти пришёл в себя. Ещё бы один день лечения.

Для Шаварша этот старт был особенным. Практически не имея опыта выступлений на 800-метровой дистанции, он к тому же рискнул плыть её в моноласте. Годом раньше на Кубке страны в Челябинске сошёл с 400-метровой дистанции пытавшийся одолеть её в моноласте Виталий Бардашевич. Он объяснил, что кроме огромной физической нагрузки испытывал дополнительное психологическое напряжение, которое привело к учащению дыхания, а значит, и к повышенному потреблению воздуха из баллона, что лишь усугубило физическую усталость. Чуть позже Шаварш первым из подводников освоил с моноластой 400 метров. Теперь он замахнулся на дистанцию вдвое длиннее. Причём — на главных соревнованиях сезона, на глазах многочисленных зрителей, в том числе и ереванских болельщиков.

От Еревана до Тбилиси всего 260 километров. Не удивительно, что поболеть за Шаварша отправилась вся семья Карапетянов, притом в сильно расширенном составе: её представляли дядюшки, тётушки и более отдалённые родственники, а вместе с ними друзья, знакомые, малознакомые и, наконец, совсем незнакомые. Набралось таковых два полных автобуса. Так что когда Шаварш, выйдя на первый старт, неожиданно услышал подбадривающий хор голосов на родном языке, то сначала удивился, потом рассмеялся и стал чувствовать себя в бассейне «Ваке» ничуть не хуже, чем в бассейне своего родного города.

И вот — старт на 800 метров. Волков сразу же ушёл вперёд и взял темп, намного превышавший график мирового рекорда. Шаварш плыл по соседней дорожке, и темп Волкова его вполне устраивал. К середине дистанции он проигрывал Володе всего лишь корпус, но понимал, что сейчас начнётся состязание не просто двух соперников, но стилей, принципов, ведь Волков плыл по старинке — с двумя ластами, «разножкой». Оставались 300 метров, но разрыв сохранялся, и Шаварш почувствовал, что силы начинают покидать его. Нет, не думал он в эти тяжкие мгновения о победе. Лишь одна мысль жила в нём: «Терпеть, сколько можно, ну, хотя бы ещё 50 метров... ещё 50...»

Оставалось 150 метров, когда, к удивлению — нет, не Волкова, не зрителей, не Липо, — а к удивлению самого Шаварша, разрыв стал медленно сокращаться.

Позже он вспомнил, что там, на этих последних 150 метрах плыл уже словно не он. Потому что его, Шаварша, сознание, психика, его нормальные защитные реакции уже капитулировали, и теперь работал, бросал тело вперёд кто-то другой. И этот «другой» теперь побеждал Шаварша. И Волкова.

Пройдёт два года, и Шаварш сбросит со своего тбилисского результата более 20 секунд. Но то будут уже другие времена в подводном плавании, другие ласты, другая техника движений. И другие психологические барьеры. А пока диктор объявил, что советский спортсмен Шаварш Карапетян установил на дистанции 800 метров новый рекорд мира, показав результат 7 минут 12,8 секунды.

Они с Волковым так устали, что долго не могли выйти из воды. Потом еле доплелись до раздевалки, где их ожидал Липо, чтобы поскорее привести ребят в чувство.

— Давай, Володя, ложись, а ты, Шава, подожди, скоро я займусь и тобой.

И открыл бутылку армянского коньяка. Он считал, что лучше этой жидкости для массажа нет ничего.

Липо приступил к делу, приговаривая:

— Вот мы и доказали правильность своих принципов. Я знал, что и 800 метров можно и нужно плыть с моноластой.

А Володя, морщась под руками Алмасакаяна, сказал:

— Да, братцы, вы оказались правы. Надо переучиваться, хотя я уже и староват.

В Тбилиси Шаварш победил на всех дистанциях. Причём на трёх установил мировые рекорды. Когда же Липо услышал объявление по радио о том, что дистанцию 100 метров с аквалангом Шаварш проплыл за 38,4 секунды, он вместо поздравлений воскликнул:

— Что ты наделал, Шаво? Такой результат ты сам никогда не сможешь превзойти!

Но жизнь показала, что на этот раз мудрый Липо оказался не прав.

Спринтер — человек взрывной силы, импульсивный, темпераментный. Это и национальные черты кавказцев. Шаварш не был исключением, если судить по общепринятым меркам. Однако его эти мерки не устраивали. Он переделывал себя вопреки природе и мнению самых завзятых знатоков спорта. Он побеждал теперь и на длинных дистанциях.

В тот день Владимир Самсонович проснулся намного раньше обычного.

— Что случилось, Ладик? — недовольно проворчала разбуженная Асмик. — Почему ты не спишь?

— Как же я могу спать, если наш старший сын сегодня выступает на чемпионате страны? К тому же мне приснился дурной сон. Мне приснилось, будто у Шаво сломалась лапа.

— Ничего, у него есть запасная.

— Но и запасная сломалась.

— Ничего, у него есть ещё одна запасная.

— И эта тоже сломалась. Все, все, все лапы сломались, и наш мальчик остался с голыми ногами. Совсем босой, понимаешь?

— Ну, так он у кого-нибудь попросит.

— Ай, что ты говоришь, на самом деле! Во-первых, он никогда ни у кого и ничего не попросит. А во-вторых, для него любая чужая лапа будет слишком мягкой. Годится только лапа Бардашевича, но у них разный размер ноги.

— Перестань фантазировать, Ладик, ложись спать.

— Как спать? Зачем спать? Я должен ехать в Кишинёв к сыну!

И стал решительно собираться.

— А как же я тут останусь? Как Шаво там без меня? Я с ума сойду. Нет, я полечу с тобой.

Приехав в аэропорт Звартноц, они узнали, что прямого рейса до Кишинёва нет, есть только до Одессы.

— Хорошо, летим в Одессу, — решил Владимир Самсонович. — Там разберёмся.

Они вбежали в бассейн в тот момент, когда диктор представлял участников сильнейшего заплыва на 100 метров с аквалангом.

— Крикни ему, что мы здесь, — возбуждённо сказала мужу Асмик Карапетовна.

— Зачем? Он сейчас нас сам увидит.

В этот момент Шаварш, не зная отчего, повернул голову направо и встретился взглядом с мамой. Мог ли он теперь не победить?

А на другой день он убедительно выиграл ныряние на 50 метров, показав время 16,8 секунды. Это был его четвёртый мировой рекорд.

Через четыре года он установит свой последний — десятый мировой рекорд, и свидетелем каждого из них будут мать и отец. И это тоже имеет отнюдь не второстепенное отношение к вопросу об истоках удивительных дел Шаварша Карапетяна.

Осенью опять начались неполадки в ереванском бассейне. К началу зимы его открыли, но температура воды была всего 18 градусов, что на целых 10 градусов ниже рабочей тем-

пературы пловцов-подводников. Оставалось всё меньше времени до первых стартов сезона, и Липо сказал:

— Ничего не поделаешь, придётся купаться.

Шаварш прыгнул в воду, проплыл от стенки до стенки, сказал тренеру:

— Ты нас совсем убить хочешь?

На что Липо сухо ответил:

— Да!

Целую неделю они тренировались в холодной воде, выполняя всю намеченную программу. Липо оставался невозмутим и непреклонен, хотя и понимал, что ребята если и не простудятся, то могут получить травму. Он лишь приговаривал:

— Ничего, ничего. Если телят растят в холоде, они вырастают крепкими и здоровыми. Воспитание холодом в жизни пригодится, вспомните потом мои слова.

Вспомнили. Пригодилось.

Они отправлялись в Днепродзержинск на Кубок страны. В день отлёта Липо, открыв номер «Советского спорта», узнал, что на чемпионате Вооружённых Сил Анатолий Каразаев установил мировой рекорд на дистанции 800 метров с аквалангом — 7 минут 10,2 секунды. Решил Шаваршу об этом не сообщать.

Наивный Липо! Как будто «Советский спорт» продаётся в Ереване в единственном экземпляре. Первое же, что услышал Алмасамян, когда они с Шаваршем встретились в аэропорту, было:

— Ты слышал про рекорд Каразаева?

— Да, слышал, Шаво.

— А почему молчишь?

— Каразаев сейчас очень силён, Шаво, он проплывает ещё быстрее. Ты у него не выигрываешь, мы мало тренировались в воде.

— Зато мы теперь закалённые, Липо, духом закалённые. Каразаев не плавал в холодной воде. Значит, у нас преимущество.

— Ладно, пошли на регистрацию.

...Уверенный в победе Каразаев сразу же взвинтил темп и почти всю дистанцию плыл со значительным отрывом. Но вот Шаварш стал подтягиваться — медленно, но неудержимо. Метров за пятнадцать до финиша новый рекордсмен мира был ещё впереди, но его преимущество таяло, как сосулька в кипятке. Финиш! Со стороны показалось, что они коснулись стенки одновременно. Судья-информатор объявил, что Анатолий Каразаев и Шаварш Карапетян показали время 7 минут 00,1 секунды, что значительно превышало прежний мировой рекорд.

Но всё же кто был первым? Совещание судейской коллегии затянулось на добрых полчаса, прежде чем было вынесено решение: победа присуждается Карапетяну.

Сколько раз он финишировал одновременно с соперником, на едином касании! И неизменно победа присуждалась Шаваршу. Многие видели в том улыбку судьбы. Нет, он просто умел, как никто, отдавать борьбе всего себя. До полного опустошения.

Много талантливых спортсменов так и не вззошли на вершины, вполне, казалось, достижимые. Спортсмен часто бывает уверен, что готов к победе, к рекорду. Так считает и тренер: ведь есть объективный свидетель — секундомер в его руках. Но приходит долгожданный день, и становится он днём крушения надежд. С крутой тропы восхождения срывают подчас лёгкие дуновенья ветра.

Шаварш всегда был готов показать «свой» результат — тот, к которому он подготовил организм. Собраться, сделать всё, на что способны, могут многие сильные спортсмены. Но редкий дар — превзойти самого себя, сделать невозможное. И этот дар был у Шаварша.

Алмасамян, который всегда ясно представлял себе возможности ученика, перед стартом сказал ему:

— Сегодняшняя цена тебе — 7 минут 7 секунд, это будет твой личный рекорд. Ты поблагодаришь за него Каразаева. Он победит, а рядом с ним и ты покажешь отличное время.

На этот раз Шаварш опроверг логику своего учителя, победив Каразаева и сбросив с прогноза Алмасамяна целых 7 секунд.

Ровно через три года Шаварш установит свой последний мировой рекорд — на дистанции 400 метров с аквалангом. Установит после тяжелейшей болезни и длительного перерыва в тренировках. И снова покажет «не свой» результат, снова сделает невозможное. Природе вопреки.

В последние годы в спортивной науке возникло новое направление — антропомаксимология. Предмет её изучения — скрытые возможности человека. Известно немало случаев, когда человек в минуту наивысшей опасности неожиданно проявляет фантастическую силу, ловкость, выносливость. Факты жизни Шаварша Карапетяна дали бы богатую пищу учёным-антропомаксимологам. Это факты спортивной борьбы. И борьбы за человеческие жизни. Факты одной судьбы.

Глава 9. НА ГОРНОЙ ДОРОГЕ

В начале весны Шаварш вместе с институтскими спортсменами отправился на лыжный тренировочный сбор в Цахкадзор. В горы он всегда приезжал с радостью. Любил встать пораньше, уйти повыше, сесть на камень и любоваться восходящим солнцем. Завидовал альпинистам и горнолыжникам, думал о том, с какой охотой сам бы ринулся вслед за ними.

В окрестностях Цахкадзора есть и равнинные участки, то взбегающие на пологие склоны, то уходящие вдаль по ущельям.

С утра Шаварш бегал, как и все студенты, на лыжах, отрабатывал технику лыжного хода, а после обеда переключался уже на свою тренировочную программу в бассейне.

На этот раз вместе с братом приехал и Толик. Он был уже мастером спорта и готовился к Кубку СССР среди юношей. Толик оканчивал школу, у него были весенние каникулы, а летом он собирался поступать в сельскохозяйственный институт. Пока же он, как всегда, тенью следовал за Шаваршем.

Наступил последний день сбора. После утренней тренировки пообедали, собрали вещи и спустились к выходу, где ребят ждал автобус. Толик занял место впереди у окна, перед самой кабиной водителя. Шаварш сел рядом. Преподаватель пересчитал: все тридцать человек на месте, можно ехать.

— Подождите минутку, — сказал водителю Шаварш, — бежит ещё один человек.

Это был знакомый Шаварша, учитель физкультуры из Еревана. Приезжал в Цахкадзор отдохнуть.

Поехали. Шаварш повернулся к учителю, они о чём-то тихо говорили. Толик открыл школьный учебник. На задних сиденьях трое студентов затаили какую-то невесёлую песню. Дорога потекла вниз.

Доехали до окрестностей города Раздана. Начался крутой подъём. Вечерело. Тени всё больше набегали на вершины. Кто-то дремал, кто-то смеялся, большинство молчало. До Еревана оставался какой-то час езды, мыслями все были уже дома.

Неожиданно водитель остановил машину и вышел на дорогу. Позже он объяснил, что в этом месте в автобус должен был сесть его приятель. Приятель запаздывал, и водитель решил подождать его. При этом он открыл и переднюю дверь салона: вдруг кто-то захочет выйти. Но никто не вышел.

Прошла минута, может быть, две. Толик по-прежнему не отрывал глаз от учебника, а Шаварш всё беседовал с учителем.

Внезапно автобус чуть дёрнулся, качнулся, и в следующее мгновение все обнаружили, что машина тронулась с места и набирает ход. Многие вскочили и с ужасом убедились в том, что водителя в кабине нет. Неуправляемый автобус ехал по горной дороге. Лишь один водитель знал, что тормоза не работают. Поэтому он подложил под заднее колесо камень. Но камень оказался мал и слаб и тяжёлую машину не удержал.

Оцепенение сменилось криками. Оторвав глаза от книги и посмотрев в окно, Толик увидел, что автобус приближается к пропасти. Это заметили и ещё двое студентов. Не раздумывая, они ринулись к открытой двери и в следующее мгновение уже провожали взором удалявшийся автобус. У кого-то в памяти проносилась вся жизнь.

Но жизнь продолжалась. Мощная фигура метнулась к стеклу, разделявшему водительскую кабину и салон. Удар, прыжок. Человек оказался на месте водителя и ударил по тормозам. Тщетно! Автобус продолжал набирать скорость. Полтора метра до пропасти... метр... ещё меньше. Человек рванул ручной тормоз, но ручка лишь взвизгнула... Тридцать сантиметров... двадцать... Резкий поворот рулевого колеса вправо — нужно манёврами по-

гасить скорость, укротить машину, ещё есть время. Последние мгновения надежды...

И вот автобус замер. В салоне воцарилась полная тишина. Никто не мог поверить, что всё позади.

Шаварш открыл дверь и спрыгнул с водительского места на землю. Отошёл в сторону, тупо глядя под ноги. Он и сам ещё плохо понимал, что произошло, что совершил он минуту назад. Но вот подошёл Толик, обнял, уткнулся лицом в плечо брата. Почувствовав, что Шаварша трясёт, он старался не смотреть ему в лицо. Никто из автобуса не окликнул их, хотя водитель уже вернулся на своё место. И те двое — тоже... До Еревана все молчали...

— У вас что-то случилось? — спросила мама, когда они вошли в дом.

— Ничего особенного, — ответил Толик, — просто устали с дороги.

— Устали? Всего два часа езды, и устали? Не нужно меня обманывать. Я вижу: что-то случилось.

— Устали, потому что много тренировались, вот и всё.

— Пусть будет так. Но я знаю: что-то произошло. Садитесь ужинать.

— Не хочется, мама, — сказал Толик, — нет аппетита.

— Нужно поесть, — шепнул ему Шаварш, — а то мама не успокоится. И всё поймёт.

Через семнадцать дней в газете «Физкультурник Армении» появилась заметка, в которой рассказывалось о происшествии на горной дороге, об отважном поступке студента третьего курса Шаварша Карапетяна. До этого дня родители ничего не знали о случившемся. Мама Асмик так и не уснула в эту восемнадцатую ночь.

Глава 10.

НЕ ВЗЫЩИ С БЛИЖНЕГО

В 1974 году очередной чемпионат Европы проводился в Потсдаме. Было известно, что после московского чемпионата подводники ГДР крепко взялись за дело. «Классические» пловцы республики традиционно сильны, а знаменитый Роланд Маттес был давним кумиром братьев Карапетян. Теперь же в ряды подводников сборной ГДР перешло немало пловцов-«классиков». Спортивная наука в республике стала активно работать на мастеров скоростного подводного плавания, была налажена и разработка новейшего снаряжения. Подготовка спортсменов, конструирование ласт велось с использованием вычислительной техники.

Наши подводники тоже не пребывали в сонном благодушии. Только на чемпионате страны в Таллине было установлено восемь мировых рекордов. А ведь годом раньше, когда было запрещено применение гидрокостюмов, многие знатоки предрекали длительную остановку в росте результатов. Но популярность подводного плавания возрастала, техника и методы подготовки спортсменов совершенствовались.

Не оставалась в стороне от подводного плавания и советская спортивная наука. Велись разработки по биомеханике, физиологии, гидродинамике, всё чаще появлялись серьёзные публикации, которые изучали тренеры.

Как-то Липо познакомил Шаварша со статьёй кандидата биологических наук В. Пыжовой, сотрудницы лаборатории подводного спорта ДОСААФ Белоруссии, «Влияние приёма декаме Вита на уровень витаминов в организме пловцов-подводников». Потом спросил ученика, что он думает по этому поводу.

— Наука нам помогает, это ясно, — ответил Шаварш. — Но только в одном я хочу остаться консерватором. В вопросах питания. Мы с братьями всегда брали лишь то, что даёт природа. Все витамины есть во фруктах, в овощах, мясе. По-моему, этого хватает. Пусть я не прав, но в своей неправоте хочу остаться убеждённым.

И Липо спорить не стал.

Они упорно готовились к Потсдаму; были все основания думать, что немецкие коллеги в родных стенах выступят особенно сильно.

Поначалу всё так и складывалось. Дистанцию 400 метров в ластах выиграл Берндт Яудзимс; с новым мировым рекордом на 800 метрах финишировала Сабина Петерс; в заплыве на 100 метров в ластах победил Винклер.

Настроение у наших спортсменов упало. Многие про себя решили, что, видимо, этот чемпионат придётся «отдать». И тут за дело взялся капитан. Шаварш провожал к старту своих товарищей, ободрял, внушал: «Выиграешь, обязательно выиграешь. Даю тебе слово, что я тоже выиграю». И перелом действительно наступил.

Потом пришёл черёд Шаварша. Четыре раза поднимался он на высшую ступеньку пьедестала почёта. Может быть, в ином случае он добился бы меньшего. Незадолго до начала чемпионата он почувствовал недомогание и полностью ещё не поправился. Но команде понадобилось, чтобы он вновь превзошёл самого себя. Он так и сделал, иначе было нельзя.

Одновременно с чемпионатом Европы в Москве проводился традиционный матч между командами Армении и Московского авиационного института, и Шаварш досадовал, что из-за неудачного календаря соревнований он не может участвовать в этом матче. В те годы за коллектив МАИ выступали такие известные спортсмены, как Владимир Мельников, Виталий Бардашевич, Владимир Конь — главный соперник Шаварша на самой короткой дистанции. Это были сильные ребята. В институте они создали своего рода конструкторское бюро по разработке и совершенствованию подводного инвентаря, и в том, что так быстро

росли мировые и всесоюзные рекорды, была их немалая заслуга.

Первый матч между командами Армении и МАИ состоялся в Москве. На следующий год маёвцы приехали в Ереван. Гвоздём программы заведомо считался поединок Карапетяна и Коня, который по-прежнему оставался одним из сильнейших в мире ныряльщиков.

И вновь оба мастера промчались голова в голову, но победил Шаварш.

Потом был прощальный дружеский вечер команды. Конь взял слово, поблагодарил армянских подводников за тёплый приём, хорошую организацию соревнований. А в заключение неожиданно сказал:

— Что же касается моих личных встреч с уважаемым товарищем Карапетяном, то пусть он на меня не обидится, но я обещаю, что это была его последняя победа надо мной. Больше я не проиграю ему ни разу. Никогда!

Однако Шаварш не вспыхнул, не обиделся. Он ответил:

— Желаю тебе, Володя, успеха. Но пообещать, что всегда буду побеждать тебя, я не решусь. Спорт есть спорт, всякое бывает.

После этого Карапетян и Конь встречались на дорожке часто. И ни разу Шаварш не финишировал вторым. Однако Володе о его обещании он ни разу не напомнил, понимал, что ему и так стыдно за свою опрометчивость и горячность. Они всегда оставались в добрых отношениях.

Как-то перед одним из стартов Камо сказал старшему брату:

— Сегодня я у тебя должен выиграть.

— Если выиграешь, я буду только рад, — ответил ему Шаварш. — Но никому об этом не говори. Во-первых, если всё-таки проиграешь, тебе будет неловко. Но главное, такое обещание давит на психику, сковывает, отвлекает от главной задачи — выступить как можно лучше. Вспомни, я подобных обещаний никогда не давал, даже когда был совершенно уверен в себе. Думаю, если б Володя Конь удержался тогда от опрометчивого обещания, я хоть раз да проиграл бы ему. Он ведь с тех пор только и думает, что о своём обещании. Меня же он лишь разозлил. Для меня задача не проигрывать ему стала принципиальной...

И вот теперь очередной поединок Шаварша Карапетяна с Владимиром Конем не состоялся — поезд из Потсдама прибыл в Москву в последний день матча сборной Армении с МАИ. Выйдя из вагона, Шаварш сразу же увидел всю свою команду в полном составе с пышными букетами цветов. Нет, не ожидал он такого.

Не ожидал этого и один из московских тренеров по подводному спорту, случайно оказавшийся на Белорусском вокзале. Не зная о проводившемся матче, он решил, что армянские спортсмены специально прибыли в Москву, чтобы встретить своего героя. Тренер рассказал об этом своим ученикам. И возникла легенда, в которую многие поверили. Авторитет и популярность Шаварша Карапетяна были уже безмерны.

...Сюжеты борьбы, эпизоды жизни. Сотни их остались в памяти, перемешавшись во времени. Порой они являлись Шаваршу случайной ассоциацией, невзначай. То торжественной музыкой, а то жгучей болью. Где же это было? Ну да, в Днепродзержинске. Они плыли «четырёхместа» с Каразаевым, плыли по соседним дорожкам.

С первых метров дистанции Шаварш понял: будет настоящий бой. К отметке 200 метров он выигрывал всего полкорпуса, но уже твёрдо знал, что финиш будет удачным. Однако эта уверенность, видимо, помешала. На следующем повороте Шаварш слишком низко опустил баллон и сильно стукнулся им о выступ на стенке бассейна. Баллон вырвался из рук, потянул за собой дыхательный шланг с загубником. Резкая боль пронзила челюсть, отозвалась во всём теле. Шаварш инстинктивно рванулся вверх, однако тут же осадил себя, быстро поймал баллон, закончил поворот, сгруппировался и резко вытолкнул тело вперёд. Каразаев тем временем догнал его и даже немного ушёл вперёд. Шаварш успел подумать

про опасность суетливой спешки. Удар за ударом он наращивал амплитуду движений, пока только амплитуду, вкладывая в толчок всё больше и больше усилий. Он уже не думал о сопернике, Каразаев теперь был ему безразличен. Семьдесят, шестьдесят метров до финиша. Последний поворот. Шаварш отработал его, как бильярдный шар, и устремился к финишу, словно и не было за плечами этих трудных и рваных 350 метров. Он плыл легко и мощно, а когда, наконец, коснулся финишной стенки, то пожалел, что так рано кончилась дистанция: мог бы проплыть ещё метров двести в том же темпе. Тем не менее установил мировой рекорд. Оставалось лишь гадать, каким бы оказался результат, не случись этого досадного сбоя на середине дистанции.

Однако много позже, вспоминая тот заплыв, Шаварш уже думал иначе: без сбоя, может, и не было бы рекорда вовсе. Неудача подхлестнула его, разожгла азарт, ну а лёгкость после финиша, наверное, объяснялась тем, что он был в превосходной форме.

...Ещё он часто вспоминал тот фальстарт в Киеве. Тогда, в семьдесят пятом году, он установил мировой рекорд в нырянии — 16,6 секунды. Был сильнее всех наголову, соперники ничего с ним не могли поделать.

И вот кое-кто из них решился на хитрость — Шаварш это понял только потом. Ленинградцы заявили в сильнейший заплыв молоденького Журкина. Позже он побеждал на чемпионатах страны, устанавливал даже мировые рекорды, но только не в спринте. На коротких дистанциях Журкин никогда не блистал, а в начале пути и подавно. Итак, ленинградцы заявили Журкина в сильнейший заплыв, с тем чтобы он умышленными фальстартами спровоцировал на фальстарты Карапетяна. Шаварш простодушно поддался на провокацию. В первый раз он прыгнул вслед за Журкиным, во второй тоже. Но в третий — остался на тумбочке. Однако выстрел прозвучал, судья участников не вернул, и Шаварш, видя это, тоже прыгнул в воду, бросился в погоню, догнал всех, но результат показал хуже некуда: 17,4 секунды. А победил в другом заплыве, как и хотелось ленинградцам, Копайгородский — 17,2 секунды.

Шаварш был взбешён, победителю даже руку не пожал, чего с ним никогда не случилось. Бушевал Владимир Самсонович, впервые в жизни ринулся на главного судью:

— Как вы позволяете такое безобразие!

Тот был явно озадачен, оправдывался:

— Ничего поделать не могу, формально правила не нарушены. Журкин дисквалифицирован, но при третьем фальстарте судья был обязан отправить участников на дистанцию.

— Значит, нелепые у вас правила, нужно их пересматривать! — не унимался отец.

И кое-что действительно потом пересмотрели, но те киевские результаты утвердили. С тех пор ныряние стали проводить в два этапа — с предварительными заплывами и финальным. Вот и получается, что Карапетян-самый старший внёс очередной вклад в развитие подводного спорта.

...Ну и конечно, вспоминал Шаварш то умышленное поражение. Поражение ради товарища, ради его престижа. Если бы болельщики знали всё это! Даже через годы он вспоминал тот случай с чувством брезгливости к самому себе: «Эх, Карапетян! И как ты дал вовлечь себя в эти игры?»

А Копайгородскому он тот случай с фальстартами, с украденной победой простил. Мама говорила, что часто люди, совершив скверный поступок, сами мучаются и каются. Что поступают они так скорее по слабости своей, а не из желания сотворить зло. «Нужно помогать людям становиться сильными, а не бить их за слабость», — повторяла Асмик Карапетовна.

Как-то летом в одну из ветреных ереванских ночей маме не спалось — разболелся зуб. Уже светало, когда порыв ветра растворил раму на террасе.

Асмик Карапетовна встала, потянулась было к окну и обомлела. Около их машины она

заметила чью-то тень. Мама испугалась, чуть было не вскрикнула, но сдержалась и решила разбудить мужа. Приложив палец к губам, она указала мужу на человека во дворе. Владимир Самсонович лишь покачал головой и шепнул:

— Теперь я знаю, кто у меня бензин из бака ворует.

Он уже давно замечал, что стал чаще обычного подъезжать к бензоколонке. Отрегулировал карбюратор и зажигание, залил полный бак и решил измерить расход топлива. Оказалось — 18 литров на 100 километров; чересчур много для машины, которую Владимир Самсонович держал в образцовом состоянии.

Теперь он видел вора своими глазами. Владимир Самсонович узнал в этом человеке соседа Эдика с первого этажа. Ничего не подозревая, тот запустил шланг в чужую машину и спокойно (впрочем, вряд ли спокойно) переливал бензин в свою канистру.

— Что делать, Ладик? — спросила жена. — Как он докатился до такой низости?

Но Владимир Самсонович словно онемел и всё продолжал смотреть на Эдика.

В это время поднялся и Шаварш, тоже подошёл к окну и выглянул на улицу. Он хорошо знал Эдика, который жил в их доме уже не первый год. Эдик был несколько замкнут и молчалив, однако ничем плохим себя не проявлял.

— Так что будем делать? — переспросила мама.

— Как бы тебе объяснить, — зашептал Владимир Самсонович. — Он молодой парень, у него вся жизнь впереди. От отца ему досталась старая машина, а денег нет, он студент. Я, конечно, могу его схватить за шиворот и сдать в милицию. И что? Вся жизнь у парня пойдёт насмарку. Ведь если даже его не отправят в заключение, то дело передадут на суд общественности.

— По-твоему, получается, что если у кого-то не хватает денег, то нужно спасать себя воровством? Ты подумай о самом Эдике. Не следует, конечно, отдавать его в милицию. Но поговорить нужно обязательно. Лицо у него, по-моему, хорошее.

В этот момент Эдик поднял глаза и встретился взглядом с Карапетянами. Он так и остался стоять, не выпуская из рук шланг.

Мама тут же закрыла окно.

Приехав вечером того же дня с работы, Владимир Самсонович встретил у подъезда Эдика. Встретил не случайно, тот явно поджидал его. Руки у него подрагивали, он пытался что-то пробормотать. Но Владимир Самсонович улыбнулся, потрепал парня по плечу:

— Ничего, ничего, Эдик. Всё в порядке, всё обойдётся.

Больше автомашину Эдика никто во дворе не видел. Поговаривали, что он её продал. А вечером за столом мама сказала сыновьям:

— Ваш отец со всеми добрый, только родные дети для него исключение.

— Что ты говоришь такое, Асмик? — удивился отец.

— Я говорила и говорю, что ты — Тарас Бульба, убийца собственных детей. Я, конечно, не против спорта, но чтобы так истязать их? И он ещё едет на машине за ними и спокойно смотрит, как они мучаются в этом марафонском беге по горячему асфальту. Да ещё говорит, чтобы бежали побыстрее.

— Мама ваша шутит, — сказал отец.

— Мама наша шутит, — сказал Камо.

— Мама наша шутит, — повторил Толик.

— Мама наша шутит, — улыбнулся Шаварш.

— Мама ваша шутит, — заключила мама. — Да, кстати, Ладик, тебе звонил Мартиросян. Помнишь такого?

— Какой Мартиросян? В Ереване много Мартиросянов.

— Нет, этот не ереванец. Этот — главный инженер МТС. Опять не помнишь? Тогда я сейчас напомню. И пусть ребята послушают. Когда мы вернулись со Ставропольщины, отец

работал главным механиком дорожно-строительного треста. Техники у них было много — машины, тракторы, бульдозеры. Запасных частей, как всегда, не хватало. Отец тогда ещё только пришёл, не успел как следует узнать людей...

— Ладно, Асмик, — прервал её Владимир Самсонович, — ты, конечно, всё знаешь, но лучше я сам расскажу... Как-то мне очень понадобились подшипники для тракторов. Плановые поставки где-то задерживались, оставалось только обратиться к соседям. И вот я узнал, что такие подшипники есть на одной МТС. Поехал туда, нашёл главного инженера — это и был как раз Мартиросян. Рассказал ему о своём трудном положении, попросил помочь с подшипниками, и вдруг тот без всяких лишних слов и извинений отрубил: «Не дадим!» — и встал — разговор, мол, окончен. Подшипники я тогда раздобыл в другом месте и всё обошлось, но от встречи с главным инженером МТС остался очень неприятный осадок.

Проходит месяц — и что вы думаете? — ко мне является сам Мартиросян. Теперь уже у него сложилось тяжёлое положение: ему нужно было расточить цилиндры и коленчатые валы у нескольких двигателей. Но для этого требуется специальное оборудование, а его-то у Мартиросяна как раз и не было. Он сказал, что ему рекомендовали отвезти эти детали в Лениканан — можно было сделать там. Отвезли, оставили, через неделю позвонили туда: как дела? И услышали, что к той работе ещё не приступали, есть другая, более срочная. Ещё три дня прошло — дела с места не сдвинулись. Мартиросян в отчаянии: посевная на носу, времени в обрез осталось, а с техникой сбой. Что делать? Кто-то сказал ему, что такое оборудование есть у меня. Тут-то он, видно, и вспомнил, что Карапетян — это тот самый, кто недавно кланялся ему в ноги и ушёл ни с чем. Однако делать Мартиросяну было нечего и он явился ко мне.

«Здравствуйте, — говорит, — я Мартиросян. Вы меня помните?»

И тут я повёл себя странно.

«Мартиросян? — переспрашиваю. — Лицо мне ваше знакомо. Где-то встречались. Только подскажите, когда, где, по какому поводу?»

«Ох, неприятно мне об этом напоминать, товарищ Карапетян, но мы встречались с вами по вопросу о подшипниках для ваших тракторов. Помните, вы ко мне приезжали, будь я трижды проклят!»

«Ну, раз вы говорите приезжал, значит, так и было, товарищ Мартиросян. Но про подшипники право же ничего не помню».

Этот Мартиросян, конечно, понял, что его немножко разыгрывают. Я же тем временем поинтересовался, чем могу быть полезен. И Мартиросян рассказал про свою беду с цилиндрами и коленвалами.

«Есть ли, — спрашивает, — у вас необходимое оборудование?»

«Есть», — отвечаю.

«Ну, и что вы мне скажете?» — говорит он робко, неуверенно, совсем упавшим голосом.

«Раз надо, значит, надо, товарищ Мартиросян. Посевная — прежде всего. Можете завтра привозить, завтра же и начнём».

Мартиросян ушёл от меня, не веря своим ушам.

Когда заказ был выполнен, он снова появился в дверях моего кабинета.

«Я всё понял, товарищ Карапетян, — говорит. — Хороший вы мне урок преподнесли, век его буду помнить. Но я не найду себе места, если что-нибудь для вас не сделаю. Всё что в моих силах — всё для вас. Очень вам буду благодарен, если когда-нибудь обратитесь ко мне».

«Да что вы, дорогой товарищ Мартиросян, — отвечаю. — Мне ничего не нужно. Получается баш на баш, а я так не люблю».

«Я вас понимаю, товарищ Карапетян, очень понимаю, — тут уж Мартиросян и совсем расстроился. — Не на взаимных услугах жизнь человеческая должна строиться, не на выгоде... Поймите, я тогда был просто очень взвинчен... Дома не всё ладно... с женой разругался... Ну да что там говорить!.. Я всё понял, товарищ Карапетян... И всё же, как хотелось бы мне хоть что-нибудь для вас сделать!»

Ладно, подумал я, при случае надо будет сделать человеку приятное. И случай действительно представился.

Года через два мне понадобились поршневые кольца, какие-то сальники и прочая мелочёвка — не помню. Нигде не мог достать, и тогда я, вспомнив про Мартиросяна, позвонил ему.

Как же он обрадовался!

«Есть, — кричит в трубку, — всё есть. Приезжайте, когда хотите».

Я приехал, взял то, что просил, и лишь потом узнал, что нужные мне детали Мартиросян снял с «живого» трактора. Тут же мне снова стало нехорошо.

— Получается, что ты за зло заплатил добром, — заключил Толик.

— Не сделал он мне зла, сынок. Просто человека всегда нужно постараться понять. И нельзя судить о человеке только по одному поступку, по одной фразе.

— Нельзя даже по хорошему поступку?

— По хорошему, пожалуй, можно. А по плохому — лучше немного повременить.

Очередной чемпионат Европы должен был проводиться во Франции. Липо и Шаварш придавали этим соревнованиям особое значение: на следующий, 1976 год был назначен первый чемпионат мира по скоростным видам подводного плавания. К этому времени ожидалась новая мощная волна рекордов, нужно было оказаться на её гребне. Для этого в первую очередь требовалось победить на европейском первенстве.

За два месяца до начала соревнований Липо решил отправить Шаварша в Цахкадзор, с тем чтобы сменил обстановку, отдохнул от напряжённых тренировок в бассейне, подышал горным воздухом. Установка была такова: много ходить по горам, легко тренироваться в бассейне, не перегружать себя силовыми упражнениями, играть в спортивные игры сколько угодно, по желанию, помня при этом о главном: избегать травм.

Правда, последнее заклинание нередко в пылу борьбы забывалось, однако судьба оставалась к Шаваршу милостивой.

Его игровой азарт не всегда уживался с ловкостью, здесь Толик был на голову выше братьев. Ну а в буквальном смысле выше был старший брат, хотя достиг всего 176 сантиметров. И это обстоятельство порой оказывалось роковым, особенно в баскетболе.

В Цахкадзор с Шаваршем поехали и другие ученики Алмасакаяна, в их числе и Толик. Вместе ходили по горам, плавали, занимались штангой. И конечно, играли.

Вскоре подъехали и другие члены сборной страны во главе с А. М. Тыриным.

В первый же день решили провести баскетбольный матч между сборными подводников Армении и СССР. Шаварш, естественно, играл за свою «национальную» команду, в состав которой кроме него вошли Толик, Серж Папян и... Тырин. Армянская команда оказалась ростом на голову ниже сборной страны, что не замедлило сказаться на результате. Счёт безудержно рос в пользу высокорослых, исход, казалось бы, ясен, болельщики начинали расходиться.

И вот Шаварш попросил у судьи минутный перерыв и предложил своей команде принципиально новый тактический ход, который должен был неминуемо обезоружить соперников и внести перелом в игру. Правда, следующая же атака сборной страны принесла ей очередные два очка, но это лёгкое недоразумение не могло уже огорчить команду Армении. Последовала серия передач, и, завершая атаку, Анатолий Карапетян, высоко взмыв

над игроками, нет, не бросил, а аккуратно положил мяч в корзину. Сверху. Раздался дружный хохот немногочисленных зрителей, сопровождаемый возмущёнными восклицаниями игроков сборной СССР.

Однако судья засчитал мяч.

И действительно, разве в правилах написано, что нельзя удваивать рост за счёт товарища по команде, тем более что товарищ — родной брат, а встреча — не календарная игра чемпионата мира, Европы или страны? Нравится — пусть так и играют, решил судья.

И понеслась игра дальше. В начале каждой атаки Шаварш убегал вперёд, а затем, выгадав подходящий момент, приседал на корточки. Толик быстро запрыгивал ему на плечи и закладывал очередной мяч в корзину. Разрыв в счёте быстро сокращался. Но вот во время одной из атак Толик, изготовившись к очередному прыжку на плечи брата, споткнулся и растянулся на площадке. Видя такое, на спину Шаваршу быстро взлетел Серж Папян, получил пас от Тырина — и снова встrepенулась сетка. Команда Армении заработала два очка, а Серж — средней тяжести тумак с приговоркой: «Не люблю самозванцев». Серж обиделся: «Шаво, но ведь я заработал два очка. Ещё немного, и мы победим». А Шаварш ответил: «Нам не нужна победа, добытая нечестным путём. Мировая спортивная общественность осудит нас за неё».

Зрителей заметно прибавлялось, смех возле площадки не утихал, веселились даже соперники. Однако сама армянская команда оставалась на поле, как всегда, серьёзной. Каждая игра была для этих ребят словно делом всей жизни.

На чемпионат Европы во Францию наша команда прибыла за 24 дня до начала соревнований и разместилась на окраине Парижа в общежитии университета. Тренировались там же, в 25-метровом бассейне, по два раза в день. Тырин своих подопечных не щадил, нагрузки давал большие. Шаварш с этим внутренне не соглашался. Знал по опыту, что перед ответственными стартами требуется работа полегче. Однако он был капитаном, в команду включили немало новичков, нужно было подавать им пример, а значит, строго выполнять все задания старшего тренера. Но уставал здорово.

В свободные же часы Шаварш не валялся в постели. Стремился запомнить Париж как можно лучше, увидеть то, о чём приходилось столько слышать и читать. После организованного для команды посещения Лувра он ещё трижды побывал там. Незадолго до чемпионата Шаварш добрых три часа отстоял в очереди у Музея изобразительных искусств имени Пушкина, чтобы увидеть «Джоконду» Леонардо да Винчи, которую привозили в Москву. Но так и не попал. Увидел «Джоконду» только теперь, в Лувре.

Однажды днём, после очередной тяжёлой тренировки, они всей командой пошли в кино. Знаменитый Джеймс Бонд гнался за кем-то на автомашине и лошади, откуда-то падал, в кого-то стрелял. Ребята смеялись, весело комментируя зрелище. Лишь одному человеку в зале было не смешно. Зритель безмятежно посапывал во сне. Это был капитан команды. Он очень устал. Он работал на тренировках больше других. Положение капитана обязывало.

Однако Александр Максимович в последние перед чемпионатом дни резко снизил нагрузку, ребята воспрянули духом и выступили неплохо. Шаварш победил на 100-метровой дистанции. Довольно неожиданно выиграл и 800 метров.

Незадолго до старта на 400 метров к Шаваршу подошёл один из венгерских спортсменов и сказал, что у него вышел из строя лёгочный автомат. Шаварш стартовал позже венгра, у которого оставались в запасе считанные минуты. Шаварш достал инструмент, попытался наладить аппарат, однако понял, что уже не успеет. Тогда он предложил венгру свой. Тот обрадовался, правда спросил: «А как же ты?» Шаварш ответил: «Ладно, как-нибудь». Получив обратно свой аппарат, он так и не успел его переналадить. В результате проиграл

Сучкову. Однако никому не пожаловался, не рассказал о причине неудачи. Он всегда считал, что никакому поражению оправданий быть не должно.

Спортсмены уже давно привыкли к его безотказной готовности прийти на помощь. Знали, что у Шаварша умелые и скорые руки, и часто этим пользовались. Особенно зарубежные спортсмены. Шаварш принимал это как должное. Приговаривал: «Мы должны гордиться тем, что наша аппаратура — самая лучшая. Кому же, как не нам, разбираться в ней». Так и орудовал ключами да отвёртками.

Оставался ровно год до первого в истории подводного плавания чемпионата мира. Шаварш по-прежнему был первым номером в сборной страны, причём спортсменом-универсалом: теперь он с одинаковым успехом соперничал с сильнейшими как в спринте, так и на длинных дистанциях. За плечами всего 22 года жизни — самый расцвет. Нельзя было терять время.

Сразу же по возвращении из Парижа они с Липо составили годовичную программу подготовки. Приближался 1976 год.

Этот год не приумножил спортивную славу Шаварша Карапетяна, но предъявил ему испытание по самому строгому и высокому счёту. Он достойно выдержал это испытание, о чём читатель уже знает.

Глава 11.

И ВНОВЬ — ТОТ ДЕНЬ

— Товарищ Карапетян, вас просят спуститься к проходной.

— Кто?

— Пожилой мужчина. Фамилию не назвал.

Шаварш вышел на улицу, огляделся. Не этот ли? Подошёл.

— Вы меня ждёте?..

И осёкся, взглянув в лицо незнакомца. Он видел этого человека впервые. Высокий и худощавый, с густой копной седых волос над красивым лицом. Если б не седина, его никто бы не назвал пожилым. И глаза...

Он медленно подошёл к Шаваршу, долго смотрел ему в лицо. Потом вдруг прижал к себе, положил голову ему на плечо. Шаварш стоял, не решаясь пошевелиться. Даже не обнял незнакомца, чтобы как-то утешить. Да и в чём утешать? «Нет, — подумал Шаварш, — это какое-то недоразумение».

— Кто вы? Скажите, в чём дело? Отчего вы плачете?

Человек поднял голову и снова долго смотрел ему в лицо. Потом вдруг резко повернулся и зашагал прочь. Шаварш растерянно шёл следом.

— Извините меня, пожалуйста, за назойливость, но я всё-таки хочу знать, кто вы. Может быть, вы меня с кем-то путаете? Что случилось? Чем я вам могу помочь? Только не молчите!

Тогда незнакомец остановился и снова приобнял его:

— Кто я, это не имеет значения. И ты мне ничем не поможешь. И никто. Там, в троллейбусе, погиб мой сын... Почему я не был с ним!.. Спасибо тебе за тех... Прости меня, сынок. И будь счастлив... Когда-нибудь я снова приду к тебе.

И зашагал. Быстро и решительно.

Шаварш вернулся в свой кабинет. Весь остаток дня он только и думал об этом человеке: «Наверняка у него есть жена — мать того мальчика. Нельзя было отпускать его. Нужно было узнать его адрес. Прийти к ним домой, побыть с ними. Впрочем, кто знает, не причинило бы это новую боль?.. Он сказал, что придёт снова. Хорошо, если будет так...»

Незнакомец больше не появился.

Память наша пристрастна и нелогична. Мы умеем помнить обиды и нередко бессознательно не оставляем места благодарности. Однако можно ль не отыскать ту руку, что простёрлась к тебе в жуткий миг, когда сердце едва выстукивало последние удары, а надеяться было уже не на что и НЕЧЕМ, потому что сомкнулась вода и нить, связывавшая твоё сознание с реальностью, оборвалась? Можно ль не отыскать ту руку, чтобы просто прикоснуться к ней щекой?

Где были спасённые все эти годы? Почему не пришли к нему? Почему трагедия на Ереванском водохранилище получила известность лишь спустя шесть лет?

Нет однозначных ответов на эти вопросы. Однако ясно, что некоторые ереванские журналисты пытались рассказать о подвиге Шаварша Карапетяна сразу же после трагического события. Их материалы не увидели тогда свет. Видимо, главная причина здесь в том, что редакции не решились напоминать ереванцам о несчастье: та беда грянула во многие семьи, весь город переживал трагедию — долго и мучительно.

Однако столь же ясно, что нашлись в Ереване некие администраторы, которым угодно было оставить героя в неизвестности. Некоторые из них оказались профессионально несостоятельны при спасении пострадавших. Они постарались отписать подвиг Шаварша и всех, кто ему помогал, на свой счёт. Это они прислали братьям Карапетянам денежную премию

за «работу». Семья Карапетянов не любит вспоминать о них, просит никогда не называть их имена.

Но почему молчали те люди, которых удалось спасти Шаваршу Карапетяну? Журналист Сергей Вартанян обнаружил в архивах центральной ереванской больницы «Скорой помощи» имена Терезы Согомонян, Ивана Гусева, Евдокии Курт, Арутюна Алояна, Мартына Крпеяна, Юрия Титиряна, Эдика Авакимяна. Позже стали известны имена Жанны Аветисян, Ерануш Оганесян, Левона Испиряна, Эммы Акопян и других пострадавших.

Некоторые из них просили не называть их имена. Им тяжело вспоминать.

Установлено также, что некоторые из тех, кого удалось спасти, получив на берегу необходимую медицинскую помощь и придя в себя, не были зарегистрированы ни милицией, ни «Скорой помощью». Они поспешили тут же покинуть место трагедии, поэтому их имена так и остались неизвестны. Вот почему число «двадцать» следует считать условным. Спасённых было больше. Сколько? Того уж никогда не узнать, да и вряд ли это имеет значение.

Я встретился со многими из тех, кто 16 сентября 1976 года находился в салоне троллейбуса № 15, рухнувшего с высокой дамбы Ереванского водохранилища. Приведу их воспоминания — тех, кто дал на это своё согласие.

АВАКИМЯН ЭДИК КАРЛОСОВИЧ, 1940 г. р. Крановщик, работает в строительном тресте «Армпроммонтаж». Женат, имеет двоих сыновей: Арменака, 1969 г. р., и Ашота, 1972 г. р.

Был обычный рабочий день, кстати, очень прохладный и ветреный, что на кране ощущается особо.

В 17 часов я, как обычно, закончил работу, спустился с крана, зашёл сначала в про-рабскую, потом в свой вагончик. Переоделся. Вышел на улицу, сел в автобус, который довёз меня до остановки «Третий участок». Там я пересел на троллейбус № 15 — это мой обычный, ежедневный маршрут.

В салон я вошёл через переднюю дверь, там и остался стоять спиной к кабине водителя. Сразу за дамбой мне нужно было выходить, с тем чтобы пересесть на эчмиадзинский автобус, — я живу в Эчмиадзине.

В салоне было очень тесно, не повернуться. А у меня в руках — две сетки, в них было килограммов пять мяса и килограмма три сыра — мы готовились к семейному празднику... Помню рядом пожилого человека с двумя корзинами. Ему, видимо, было ещё тяжелее, чем мне. Он всё ворчал, что много народу, что троллейбусов на линии мало. Всё ворчал.

Я обратил внимание на то, что кто-то разговаривает с водителем, и мне не понравился тон разговора. Я не видел этого человека, но всё равно хотел ему сказать, чтоб не отвлекал водителя. Однако не успел.

Вдруг троллейбус сильно трянуло и меня отбросило вправо. Я почему-то сразу понял, что троллейбус потерял управление и мы летим в воду. Я бросил обе сетки и схватился за стояк. Думаю, что это меня и спасло. Кто-то закричал: «Откройте дверь!» Я успел подумать, что если дверь удастся открыть, то, может быть, выберусь. Но дверь так и не открылась.

В салоне воцарился мрак. К тому же от страха я закрыл глаза. Я уже был весь в воде, кругом была вода. Я захлёбывался. Но крики всё продолжали раздаваться. Видимо, вода наполнила не весь салон. Я решил открыть глаза. Но ничего не увидел. Я захлёбывался, я терял сознание.

И вдруг я очнулся и обнаружил, что меня кто-то крепко схватил и куда-то тащит. Кажется, я снова потерял сознание. Потом очнулся вновь, уже на поверхности. И тут мне снова стало плохо. Затем помню себя на берегу. Рядом были люди в белых халатах. Мне сделали укол. Всю жизнь я очень боюсь уколов, а здесь даже не почувствовал.

Я сел на песок или камень, не помню. И тут увидел женщину. Она стояла по колена

в воде. Она рыдала, простирала руки туда, к воде. И кричала: «Ох, моя дочь! Ох, моя дочь! Спасите мою дочь!»

Рядом со мной сидели ещё двое, их тоже только что вытащили оттуда. Я что-то сказал им по-армянски. Они не поняли. Я повторил. Они всё равно не ответили. Тогда я спросил по-русски: «Откуда вы приехали?» Они ответили: «Из Баку».

Подошёл милиционер, записал мой адрес. Потом я оказался в какой-то машине. Это была обычная частная машина. Меня подвезли к дому. Я полез в карман, достал мокрую десятку, протянул водителю. Он, не поворачиваясь, закричал на меня: «Ты, наверное, совсем с ума сошёл!» И зарыдал.

Через день я собрал всех родных и знакомых и сделал «матах». Знаете, у нас такой справляют праздник, когда человек чудом избежал смерти. Я ещё был весь в кровоподтёках. Потом меня долго лечили.

Скажу честно: не искал я своего спасителя. Я человек добрый, жена подтвердит. И умею быть благодарным. Но мне страшно вспоминать всё это! Столько лет прошло, и теперь знаю, что этот страх — на всю оставшуюся жизнь.

ИСПИРЯН ЛЕВОН АЙКОВИЧ, 1941 г. р. Солист ансамбля «Гусаны» Армянской государственной филармонии. Женат, имеет двоих детей: дочь Сусанну, 1973 г. р., и сына Артура, 1978 г. р.

Эту песню я искал долго. И вот только 15 сентября я услышал про старца, который её знает. Решил, что на следующий день сразу же после дневного концерта отправлюсь к нему.

Адрес, который мне дали, оказался верным. Старик — звали его Мисак — был плох. Он тяжело поднялся с постели и сел. Выслушав меня, долго не мог понять, чего я хочу. Тогда я тихо запел. Поняв, что я действительно певец, Мисак стал внимательно слушать и даже слегка подпевать. Затем я сказал ему: «Дедушка, я слышал, что ты знаешь слова этой песни». Он ответил: «Да, я помню песню про Гайка ещё с детства».

Это песня о том, как предводитель вражеского войска Белл напал на землю Армении и хотел поработить её народ. Но крестьянский сын Гайк победил Белла...

Я включил магнитофон, и он запел. Закончив пение, он сказал:

«Всё, сынок, больше не могу. Я устал».

«Спасибо, дедушка, — сказала я. — Если можно, я оставлю пока у тебя свой магнитофон и приду завтра. Хорошо?»

Я медленно шёл по улице, напевая эту чудесную песню про Гайка. Так я подошёл к троллейбусной остановке. Кажется, там было много народу, но я ничего не замечал. В душе моей жила новая песня.

Я стоял у задней двери и молча пел эту песню. Потом вдруг всё оборвалось. Стало темно... Я почувствовал, что весь мокрый... Понял, что умираю. И подумал о том, что никогда уже не исполню эту чудесную песню. Кругом была вода. И темнота. Не знаю, потерял ли сознание, всё смешалось в памяти. Меня кто-то схватил и потащил. Там, на поверхности воды, я увидел лицо этого человека.

Через несколько дней после трагедии я поехал к старику и взял свой магнитофон. Теперь я пою эту песню с эстрады и по телевидению.

Через шесть лет после трагедии я прочитал про Шаварша Карапетяна в газете. И увидел его портрет. Да, это был он, я хорошо запомнил его лицо. Я никогда о нём не слышал, хотя он был знаменитым спортсменом, — просто я не интересуюсь спортом. Я хорошо помню, как он спасал людей, как помогал вытаскивать троллейбус.

Летом 1983 года в парке на горе Цицернакаберд я встретил его, он гулял с женой и маленькой дочкой. Я подошёл к Шаваршу и горячо пожал ему руку. А та песня теперь всегда со мной:

Лекарства и бальзам для ран моих —
Вода родины моей.
Слаще, чем гранатовое вино,
Вода родины моей.

Горьки воды чужой страны,
Солёные, горькие, безвкусные.
Неужели я снова будут пить
Воду родины моей?

Дживан, иноземцы пришли,
Напали на жителей родины твоей.
Змеи и лягушки стали пить
Воду родины моей.

Мой прадед Гайк пил эту воду,
Стал могуч и победил Белла.
Унесла с собой боли пиявок,
Исцелила все раны
Вода родины моей.

АЛОЯН АРУТЮН СУРЕНОВИЧ, 1926 г. р. Рабочий колхоза «Айгешат» Эчмиадзинского района. Женат, имеет четырёх дочерей: Джульетту, 1952 г. р., Асмик, 1957 г. р., Жанетту, 1960 г. р., Каринэ, 1962 г. р., и сына Жору, 1964 г. р.

В тот день я поехал в Ереван на рынок. Покупок сделал немало, как-никак семья у меня большая. Две корзины набралось. Шёл с рынка тяжело, но был доволен: всё, что нужно, купил, знал, что жена Рипсик будет довольна.

Жаль только, что до деревни нашей путь неблизкий: сначала по городу на троллейбусе, а потом на эчмиадзинском автобусе.

Людей на остановке скопилось много. Все толкали друг друга, но, увидев, что я человек немолодой и что мне с моими корзинами тяжело, люди расступились и помогли мне пройти в троллейбус через переднюю дверь. Кто-то уступил мне место перед кабиной водителя.

Потом троллейбус сильно трянуло, все закричали, я ударился обо что-то головой... В троллейбус хлынула вода, я захлебнулся... Я думал о смерти... Мне было очень страшно, я не хотел умирать. Я кричал: «Не хочу умирать!» И кричал и кричал... Потом помню, что очутился на поверхности воды и поплыл.

— Простите, — перебиваю я Алояна, — но мой первый вопрос к вам был: «Умеете ли вы плавать?» И вы сказали, что не умеете.

— Я забыл, я вспомнил, что в детстве умел плавать.

Меня никто не спасал, меня спас бог. Я сидел на берегу и смотрел, как оттуда на берег привозили людей. Им здесь оказывали помощь. Но некоторые были мертвы... Я видел, как вытащили троллейбус... Я всё сидел и долго не мог прийти в себя... Я ничего не понимал. Потом подошёл милиционер, я назвал свою фамилию и адрес.

На другой день я узнал, что в этом же троллейбусе ехали Сирануш и Лида Вартамян — жена и дочка моего двоюродного брата. Они погибли. Их никто не спас. И меня тоже никто не спас. Меня спас бог.

Я пострадал, я получил сотрясение мозга, у меня и сейчас болит правая часть лица. Сильно расшатана нервная система. Я просил нашего председателя дать мне место сторожа, но он не даёт. Почему он не даёт, ведь я так пострадал?

— Вы считаете, что вас спас бог, и всё же, когда в газетах, пусть через много лет, но написали о событиях на Ереванском водохранилище, вы могли бы по крайней мере дога-

даться, что богу всё-таки помогал человек и что имя его — Шаварш Карапетян. Вам показали эти газеты и рассказали о том, что в них написано?

— Да, да... я знал.

— И почему же вы не отправились в Ереван, чтобы просто пожать руку этому человеку?

— До Еревана так далеко. И где его искать? Я пострадал, я просил нашего председателя дать мне место сторожа... Давайте не будем вспоминать то, что всем тяжело. Всё это было так давно. Давайте сядем за стол, прошу вас.

— Нет, спасибо.

НЕРСЕС ДАВТЯН, 1947 г. р. Экспедитор трикотажной фабрики. Женат, имеет двоих детей: сына Алаварда, 1974 г. р., и дочь Нарине, 1976 г. р. Она родилась за пять месяцев до трагедии.

Работы в тот день у меня было много. Устал. Ещё помнил про то, что заболел мой товарищ. Он просил меня поехать на первый участок нашей фабрики, получить его зарплату и привезти ему.

По пути к троллейбусной остановке я встретил своего приятеля Сейрана, которому тоже нужно было на первый участок. Мы пропустили один троллейбус, сели в следующий. Сейран вошёл первым, ему удалось сесть, он занял место для меня. Потом начался этот кошмар. Я кричал. Все кричали. Впрочем, нет, Сейран не кричал. Он обнял меня и говорил что-то успокаивающее. А я думал только о том, что хочу жить. И ни о чём больше. И ни о ком... Потом я очнулся на берегу... И снова ничего не помню... Я не хочу больше говорить об этом. Мне нечего вспоминать... Сейран погиб...

АКОПЯН ЭММА ХОРЕНОВНА, 1961 г. р. Радиожурналист.

Я училась тогда в девятом классе. Кроме того, я ходила в бассейн Дворца пионеров Шаумянского района, имела второй разряд по плаванию.

После уроков я собиралась поехать на тренировку. Но сначала должна была заехать за подругой, с которой мы занимались в одной секции. Однако я немного опоздала, и подруга, не дождавшись меня, уехала одна.

Я вышла на площадь Спандаряна к троллейбусной остановке. Пропустила один переполненный троллейбус, села в следующий, причём через переднюю дверь. Мне нужно было выходить через четыре остановки после дамбы.

Помню, что справа на переднем сиденье была женщина с двумя детьми. Я достала из сумки шоколадный батончик и дала им.

Перед дамбой троллейбус остановился, у него соскочила штанга. Водитель взял большой гаечный ключ и вышел. Минуты через две он вернулся, положил гаечный ключ перед собой, и мы поехали дальше.

Вскоре какой-то мужчина приоткрыл дверь кабины водителя и что-то ему сказал. В ответ раздались какие-то резкие слова. Потом — толчок, шум, крики. Я увидела, что мы летим в озеро. Стало страшно, очень страшно. Я поняла, что сейчас могу погибнуть.

И всё же я не поверила в свою смерть. «Надо бороться, — сказала себе, — я же хорошо плаваю, умею долго находиться под водой без воздуха». Так я и сделала. Сколько я терпела, набрав воздух в лёгкие, не знаю. По-моему, очень долго... Мне уже было невозможно, я теряла сознание. И вдруг кто-то крепко схватил меня и потащил. Но тут я почувствовала, как кто-то крепко вцепился мне в ноги, и все мы застряли... Я захлёбывалась... Потом пришла в себя уже на поверхности воды, поняла, что свободна, и дальше поплыла сама.

Три месяца я пролежала в постели. Воспаление лёгких вылечили, но нервное расстройство — это совсем другое. И по сей день мне снится по ночам тот кошмар. Я плачу

и кричу, словно это произошло только вчера.

Нет, я не искала своего спасителя, даже не пыталась узнать, кто он. Прошло уже больше десяти лет, а я по-прежнему не могу подойти к тому озеру.

Когда я занималась спортом, Шаварш Карапетян был для всех нас кумиром и мы с ним даже были немного знакомы. И только в 1982 году я узнала, что спас меня именно он. Я благодарна ему всей своей жизнью.

МАРТЫН КРПЕЯН, 1953 г. р. Маляр-жестянщик объединения «Автотехобслуживание». Женат, имеет двоих детей. В 1976 году работал сварщиком на заводе имени Кирова, был холост и бездетен.

Закончив работу, я направился к кинотеатру «Севан». Там дождался троллейбуса № 15. С трудом удалось протиснуться в салон через заднюю дверь. Мне предстояло проехать три остановки: дамба, а затем ещё две. Я решил пройти вперёд, увидев, что там не так тесно. Стоял, держась за поручень.

Вдруг почувствовал резкий толчок, раздались истошные крики. Перед глазами промелькнуло быстро вращавшееся рулевое колесо. Потом я обнаружил себя лежащим на полу, под грудой тел. Салон заполняла вода. Она заливала глаза, рот, уши. Я потерял сознание, но вскоре очнулся. Я начал бороться, мне удалось выбраться из-под людей, но я понимал, что всё равно мне уже не спастись.

Я стал вспоминать детство. Наш дом стоял у самой железной дороги, и мы, мальчишки, провожали мчавшиеся мимо поезда, махали им рукой. Машинисты часто нам отвечали. И вот сейчас я явственно видел машиниста.

Однако я испытывал всё нарастающую боль в позвоночнике и правой руке и потерял сознание... Потом помню себя уже на поверхности воды. Я попытался плыть, но не смог пошевелить правой рукой, она оказалась сломанной. А ещё я почувствовал, что кто-то вцепился в меня сзади. Я хотел было крикнуть: «Отпусти!», но тут увидел, что это ребёнок. Оказалось, что нас вытащили вдвоём — меня и ту маленькую девочку. Люди на лодке подплыли к нам, взяли девочку, помогли и мне... Потом я очнулся уже на дамбе. Мне было очень больно. Здесь оказался мой сосед. Он подошёл ко мне, помог мне подняться, отвёз домой. Там мне стало ещё хуже, и пришлось вызвать «скорую». Оказалось, что кроме сломанной руки у меня трещина позвонка.

Я не знаю, кто меня спас, мне нет до этого дела. Мне тяжело жить и работать. Я рассчитывал на получение пенсии по инвалидности. Но комиссия мне отказала. Я больной человек, спросите моих товарищей по работе, как мне тяжело. А инвалидом меня отказываются признать. Почему я должен искать какого-то спасителя, если не хотят помочь мне?

ЖАННА АВETИСЯН, 1959 г. р. Жительница села Нор Джерашен Арташатского района. Домашняя хозяйка. Замужем. Имеет двоих детей: сына Артура, 1978 г. р., и дочь Анну, 1980 г. р.

Я тогда училась на третьем курсе Ереванского техникума советской торговли и жила в городе у родственников. По окончании техникума собиралась поступить на курсы медсестёр, решила, что в родном селе мне пригодятся обе специальности.

В тот день после занятий я как раз собиралась поехать и узнать об условиях приёма на курсы, это в Шаумянском районе. Села в троллейбус на площади Спандаряна, через заднюю дверь. Рядом, помню, стояли несколько детишек с нотными папками и музыкальными инструментами. Ещё помню женщину лет шестидесяти, двух лётчиков, они шутили и смеялись.

На следующей после площади Спандаряна остановке в троллейбус удалось сесть только одному человеку — так было тесно. Впереди кто-то с кем-то повздорил, пасса-

жиры их призывали к порядку и спокойствию.

Вдруг троллейбус резко рванулся вправо и раздался крик: «Мы падаем в воду!» Видимо, задняя дверь не была закрыта, потому что кому-то удалось на ходу прыгнуть... Я обо что-то сильно ударилась и потеряла сознание. Когда очнулась, троллейбус был уже полон воды. Я захлёбывалась. Во рту у меня оказалась какая-то луковица... Я поняла, что умираю, вспоминала мать, отца, братьев и сестёр. Я снова потеряла сознание и снова очнулась. И в этот момент почувствовала, как чья-то рука крепко ухватила меня сзади, но тут же отпустила. Прошло ещё несколько мгновений, и меня снова схватили, на этот раз ещё крепче. Я почувствовала, что меня куда-то тащат, и снова потеряла сознание. Потом увидела свет. Меня продолжали тащить. Перед глазами показалась лодка, а в ней два человека. Почему-то на моём плече оставалась сумка. Тогда один из тех двоих, что в лодке, потянулся не ко мне, а к сумке. Позже я поняла, что он просто растерялся. Но мой спаситель этого не понял и, ударив того, что в лодке, закричал ему: «Ты соображаешь, что делаешь?» Я не видела человека, который спас меня, ведь он тащил меня, обхватив сзади, но хорошо запомнила его руку — сильную, мускулистую руку. Меня втащили в лодку.

Очнулась снова я уже на берегу. Увидела над собой женщину в белом халате. Видимо, мне уже успели оказать первую помощь. Я села, потом встала и посмотрела туда, где были лодки, и откуда везли на берег живых и мёртвых. Мне было страшно, меня трясло. Какая-то женщина обняла меня за плечи и сказала: «Не нужно, милая, пойдём отсюда». Кто-то подошёл ко мне, спросил: «Куда тебя отвезти?» Я назвала адрес.

Чувствовала себя очень плохо. Однако к врачам так и не обращалась: я бы не сумела рассказать им о том, что со мной произошло — так было страшно вспоминать.

Когда я приехала в родное село, родители уже всё знали. Мама тогда сказала: «Я была бы самой счастливой женщиной на свете, если б выдала тебя замуж за твоего спасителя». Видимо, она повторила эти слова кому-то ещё, потому что спустя несколько месяцев в наш дом явился незнакомый парень из Ленинакана и сказал моим родителям: «Я тот, кто спас вашу дочь, и теперь прошу её руки».

Я была растеряна, не знала, что сказать. Но вдруг внимательно посмотрела на парня и сказала: «Это не он. У того была такая рука, которую я не спутаю ни с какой другой».

И вот спустя несколько лет, когда я узнала о подвиге Шаварша Карапетяна, увидела его в газетах и по телевидению, я сказала маме: «Это он!»

Все эти годы я старалась никому не рассказывать о том, что со мной произошло. Мне было страшно вспоминать, к тому же меня угнетала мысль, что я спаслась, а другие нет. Я чувствовала вину перед ними и их родными.

После той трагедии я вышла замуж, родила двоих чудесных детишек.

А мужа моего, между прочим, зовут Шаваршем. К тому же он мой однофамилец: Шаварш Аветисян.

ЮРИЙ ТИТИРЯН, 1950 г. р., начальник цеха производственного объединения «Раздан-маш». Холост.

Я с большим трудом вспоминаю те события. Помню, что в тот день я не работал и поехал в Ереван к родственникам. Не могу сказать, где я сел в этот троллейбус, где находился в момент аварии. Видимо, всё же у двери. Помню резкий толчок, крики.

Не знаю почему, но я не поддался панике. Возможно, инстинкт самосохранения подсказал мне, что только хладнокровие может меня спасти. Я вдруг вспомнил, чему нас учили в армии: если танк погружается в воду, нужно дожидаться, чтобы вода заполнила всё пространство, тогда легче будет выплыть. И я решил дожидаться, пока вода заполнит весь троллейбус. Наверное, я не дождался, потому что мне удавалось всё время ды-

шать. К тому же учтите, что под крышей салона воздух должен был оставаться всё время, это наверняка спасло жизнь многим. Не могу сказать, как мне удалось выбраться наружу. Возможно, даже через окно, не знаю — всё смешалось в темноте. Это я сейчас пытаюсь всё восстановить... а может быть, всё было и не так... Может быть, кто-то вытащил меня из троллейбуса, не знаю. Про армию, про танк помню отчётливо...

В общем, я оказался на поверхности. Можно сказать, выплыл, хотя плавать не умею... Но знаете, когда человек тонет, когда он очень хочет жить, он сразу научится плавать. Но я всё же несколько раз погружался в воду. Снова выплывал. Я уже весь был полон воды. Она была в животе, в лёгких. Я видел рядом людей в лодке и уже не думал о смерти. В этот момент кто-то схватил меня сзади и вытащил... Дальше всё снова смешалось в памяти...

ИВАН ГУСЕВ, 1939 г. р. Слесарь ЖЭК № 41 юго-западного массива Еревана. Женат, имеет двоих детей: дочь Ларису, 1976 г. р., и сына Эдика, 1983 г. р.

Этот день поначалу складывался счастливо. Дело в том, что в середине дня мы с женой Евдокией были в районном узле связи, где узнали, что вопрос об установке в нашей квартире телефона решён положительно. Нам сказали: «Ждите, на днях включим аппарат в сеть». И даже назвали номер телефона.

Мы торопились домой, наша полугодовалая дочь оставалась с бабушкой. Она женщина больная, и управляться ей с малышом было нелегко. Мы зашли в магазин за продуктами и поторопились к троллейбусу. Было холодно, я поёживался даже в пиджаке. Дошли до кинотеатра «Севан», что на площади Спандаряна. Хотя и с трудом, но в троллейбус сели. Евдокия протиснулась вперёд и позвала меня: оказалось, что две школьницы уступили нам место. Ехать предстояло четыре остановки и выходить через одну после дамбы.

Настроение было хорошее, мы весело разговаривали на «телефонную» тему. Троллейбус въехал на дамбу с высокой скоростью, думаю, она была не меньше шестидесяти километров в час. Мне показалось, что перед тем как резко свернуть вправо, троллейбус пошёл на обгон какого-то грузовика... Впрочем, в этом я не уверен.

Когда нас понесло в озеро, Дуся закричала: «Куда он едет?» Я ответил: «Сейчас он вывернет!» Троллейбус погружался в воду, когда я увидел, как сидевший перед Дусей мальчик попытался выбраться через окно. Но у него ничего не вышло... Всё перемешалось.

Я стал вспоминать мать. Столько раз я просил её приехать к нам погостить, ведь она так и не видела внучку. И вот я думал теперь о том, что больше не увижу ни мать, ни дочь... Я захлёбывался и потерял сознание. Последнее, что оставалось в памяти: кто-то сильно схватил меня за голову.

Очнулся уже на берегу. Сразу же осознал, вспомнил, что произошло. Увидел какую-то женщину с почерневшим лицом. Она стояла в воде и кричала: «Моя дочь!»

ЕВДОКИЯ КУРТ, 1946 г. р., жена Ивана Гусева, старший диспетчер аэропорта Звартноц.

Трудно объяснить, как я, сидя у окна, после падения троллейбуса очутилась на полу. Но так было. Я почувствовала сильную боль в голове — впоследствии оказалось, что у меня черепная травма. Я потеряла сознание от удара. Меня привела в чувство вода. Я поняла, что наступает конец, и думала только о том, что хочу жить. Я бешено, неистово хотела жить! Ничего, кроме этого, не было в моём сознании.

На меня навалилась грудa тел, но я женщина отнюдь не хрупкая, а угроза неминуемой гибели придавала мне столько сил, что я сумела выбраться из-под людей и оказалась где-то под потолком. Видимо, там был ещё воздух, и, хотя я уже в достатке наглоталась воды, здесь я сделала полный вдох. И держалась, держалась, сколько могла. Люди

вцепились мне в ноги, в плечи. В салоне был абсолютный мрак, троллейбус был полон воды, но я слышала жуткие, отчаянные крики. Я теряла сознание... Очнулась на поверхности воды, увидела много лодок. И вдруг меня обуял страх перед этими людьми в лодках. Тогда я поплыла прочь от них, и не к берегу, а параллельно дамбе. Однако, сделав несколько гребков, поняла, что сейчас начну тонуть. Услышав мой крик, ко мне подплыл какой-то парень на байдарке, я уцепилась за неё, так мы и добрались до берега. Однако выбраться поначалу не смогла, почувствовав на ногах что-то тяжёлое. Меня вытащили на берег, и тут меня охватил непередаваемый ужас. Я увидела, что в мою ногу вцепилась женщина. Она была мертва. Я закричала и потеряла сознание. Следы пальцев той женщины по сей день остались на моей ноге. Вот эти следы!

Нам с мужем стыдно за то, что мы не искали человека, который спас нас и многих других. Нам было страшно вспоминать трагедию.

Однако это лишь объяснение, но не оправдание, ведь мы обязаны этому человеку своими жизнями и жизнью нашего ребёнка, родившегося после катастрофы. Когда мы прочитали о подвиге Шаварша, мы приехали к нему домой. Я снова рыдала. Теперь он, его жена и родители — самые дорогие для нас люди. Как я хочу, чтобы наш Эдик стал бы таким же сильным, отважным и благородным человеком, как Шаварш.

ЕРАНУШ ОГАНЕСЯН, 1928 г. р. Доярка. Жительница села Азнаберд Нахичеванской области. Замужем, имеет четверых детей. Был пятый ребёнок — дочь Гоар.

Записано со слов родственника Ерануш Арташа Вартаняна.

Гоар тогда было 20 лет, она училась в ереванском кинотехникуме. Я приехала её навестить и на следующий день собиралась возвратиться в своё село.

Выйдя из общежития техникума, мы вдвоём с Гоар отправились по магазинам, мне нужно было кое-что купить для детей. Много ездили по городу, вот и оказались на той троллейбусной остановке. Куда и зачем мы ехали, я уже не помню. Думала только об одном: скорее бы закончить эти поездки, я устала. Жизнь наша в селе другая — спокойная, размеренная, а здесь — шум, суета. Куда и как добраться, не знаю. Без дочери я в Ереване как слепая.

Подожёл один троллейбус, но мы не сумели в него сесть. Пропустили и другой. Подошёл третий, и какой-то мужчина помог нам войти в салон. Сумели продвинуться немного вперёд. Так и стояли с сумками в руках, было тесно и неудобно. Ни о чём не разговаривали. Я чувствовала себя неважно, хотелось скорее приехать, выйти на улицу.

И вот это произошло. Всё кругом перемешалось. Темнота, вода, крики. Сначала я дышала, потом воздуха становилось всё меньше. Последнее, что помню, крик моей Гоар. И тут я потеряла сознание. Очнулась на берегу. Сильно болела голова и особенно кожа: видимо, меня тащили за волосы. Я не сразу поняла, что со мной, где нахожусь. Но вот всё стала понимать, вспоминать и тогда подумала о дочери. Я оглянулась и не увидела её. Пошла вдоль берега — её не было. Тогда я поняла, что она осталась там, в троллейбусе. Стала смотреть туда, где были лодки. Какой-то юноша нырял вглубь и вытаскивал людей. Я стала кричать ему, умолять, чтобы он спас мою дочь. Я вошла в воду и едва не бросилась туда, к лодкам, хотя плавать не умею. Кто-то подошёл ко мне и увёл в сторону. А я всё кричала: «Спасите мою дочь!»

ТЕРЕЗА СОГОМОНЯН, 1940 г. р. Бухгалтер магазина № 41 Ереванского промторга. Замужем, имеет двоих детей: дочь Нушик, 1960 г. р., и сына Мамвела, 1964 г. р.

В начале сентября 1976 года моего мужа Самвела положили в больницу. За три года до этого ему сделали операцию на сердце, и с тех пор его каждый год госпитализируют для обследования.

В тот день, закончив работу, я зашла домой, чтобы собрать для Самвела продукты.

Затем отправилась к нему в больницу. Села на троллейбус № 15 на площади Ашхатанк. Вошла через переднюю дверь и села у окна спиной к кабине водителя. Рядом помню женщину, у которой в руках была сумка с хлебом.

Мне нужно было проехать пять остановок. И выходить через две после дамбы.

...Я не сразу поняла, что мы летим в воду. Последнее, что увидела — люди на байдарках. Потом стало темно... Умирая, я думала о детях, о муже: как он теперь сможет жить один, да ещё с больным сердцем? И двое детей: ведь Мамвелу всего 12 лет было...

Очнулась я только на берегу, но почти не понимала, что кругом происходит. Мне было очень плохо. Кому-то я назвала свой адрес, кто-то отвёз меня домой. Я почти всё время была без сознания. У постели увидела соседей. Я стала снова думать о смерти. Как потом узнала, соседи остановили на улице первую же машину, объяснили, что «скорая» меня уже вряд ли успеет спасти. Меня доставили в больницу. Там я очнулась и увидела человека в белом халате. Им оказался доктор Вемян, его имя я узнала позже. Он сказал мне, что я уже почти спасена и что теперь мне самой нужно быть потвёрже.

В больнице я провела две недели, потом долго лежала дома. Но так до конца и не вылечилась. До сих пор у меня сильно болит желудок.

Немало людей из нашего дома оказались в том троллейбусе, я знаю семью, где погибли все: муж, жена и сын. Мне повезло.

Вскоре я узнала, что нас спасал какой-то парень. Мы с мужем решили, что нужно обязательно разыскать его. Мой брат Альберт обращался в газеты «Авангард», «Вечерний Ереван», в прокуратуру. Но ему отвечали: «Вас спасали все». Потом из «Комсомольской правды» я узнала имя этого парня. С тех пор Шаварш самый дорогой для нас человек. Мы часто бываем друг у друга в гостях, справляем вместе праздники. Приезжаем к Шаво на день рождения.

Ну а мой день рождения отмечаем теперь 16 сентября.

Рассказывает врач АНУШАВАН ЖИРАРДОВИЧ ВЕМЯН:

Помню, конечно, и этот несчастный день, и эту женщину. В тот вечер я, закончив дежурство, находился дома. Мне позвонил главный хирург республики и рассказал о случившемся. Я тут же выехал на работу.

Больную Согомонян доставили в крайне тяжёлом состоянии. Она была без сознания, вся синюшная. У неё были все симптомы аспирационной пневмонии, а бронхи полностью забиты илом.

Мы приступили к реанимационным мероприятиям. Вошли в бронхи, трахею. Удалили ил. Однако надежды, что больную удастся спасти, было мало. Но она справилась. Можно сказать, что произошло чудо. Если б Согомонян доставили хотя бы на пять минут позже, мы были бы уже не в силах помочь ей.

...Спустя восемь с половиной лет доктор Вемян окажется у изголовья Шаварша Карапетяна, которого доставят в больницу «Скорой помощи» после пожара. И второй рассказ доктора Вемяна впереди.

Рассказывает врач «Скорой помощи» НИНА ИВАНОВНА ИСУПОВА:

Я везла больного в шестую больницу. И вдруг, подъезжая к ней, увидела толпу людей, бежавших к водохранилищу. Чутьё подсказало мне: я должна немедленно ехать туда же. У моего больного был лёгкий ожог. Так что, извинившись, я тут же выписала ему направление и высадила у больницы. Мы с водителем помчались к дамбе, благо это совсем недалеко. Мы оказались там первыми из врачей, и поначалу я даже не поняла, что же произошло. Я попросила какого-то мужчину объяснить, в чём дело, но он растерянно посмотрел на меня и с криком «Прочь с этого места!» убежал. Мне всё объяснил другой человек. И тогда я сказала фельдшеру: «Нужно срочно вызывать бригады!» Он побежал

звонить.

Вскоре с воды стали доставлять пострадавших, прибыла вторая бригада врачей, затем ещё и ещё. Мы делали массаж, уколы, искусственное дыхание. Часто приходилось делать прямой укол в сердце. Но это помогало не всем, некоторых вытаскивали из троллейбуса слишком поздно.

Что происходило на воде, я не видела, было не до этого. Потом в течение нескольких дней мы ездили по вызовам в разные концы города: и на похоронах, и после них многим родственникам погибших становилось плохо. А там, на дамбе, я едва сама не потеряла сознание, пришлось коллегам делать укол мне. Видеть всё это тяжело даже врачу «Скорой помощи»... То, что сделал Шаварш Карапетян, кажется сверхъестественным, не укладывается в сознании...

16 марта 1983 года в Ереване, в центральной детской библиотеке имени Хнко-Апера состоялась встреча спасённых с Шаваршем и Камо Карапетянами, их родителями, Липаридом Алмасакином и другими участниками и свидетелями драмы, разыгравшейся на водохранилище. Не было, правда, Евдокии Курт, она ждала ребёнка и находилась в роддоме.

Шаварш пришёл и сел не в президиуме, а среди спасённых и зрителей. Никто из них не обратил на него внимания. Ведущий же встречи заметил это, однако возражать не стал. Он произнёс вступительное слово и только после этого сказал:

— А теперь я попрошу товарища Карапетяна встать.

Трудно передать, что происходило в эти минуты. Потом, когда все немного успокоились и вытерли слёзы, попросили выступить Шаварша. Он встал и сказал:

— Давайте договоримся не вспоминать больше о той истории. Посмотрите в окно: весна, светит солнце. Все мы живы и здоровы — это самое главное.

На том герой свою речь кончил, и пошёл непринуждённый разговор о школе, о детях, о любви, о спорте.

Владимир Самсонович вспоминал детство Шаварша и его братьев, не скрывая того, как нелегко давалось их воспитание ему и Асмик Карапетовне. А та всё вздыхала да качала головой.

А когда встреча закончилась и её участники вышли на улицу, все вдруг увидели густые облака дыма и языки пламени. В нескольких кварталах от библиотеки разгорался пожар.

В тот момент все подумали о Шаварше и стали искать его глазами. Его не было рядом.

Тем временем Шаварш и Владимир Самсонович мчались через улицу, лавируя между прохожими и автомашинами. Человек в критический момент становится во сто крат сильнее. И моложе. Отец не отставал. Он мчался, как будто не было за плечами груза прожитых и пережитых лет. Мчался так, словно в груди его стучали сердца всех троих сыновей.

Женщины в кровь кусали губы. Может быть, в этот момент кто-то вспомнил о Гагарине, который должен был остаться в живых для всех нас. Но который не мог жить иначе. Шаварш и отец мчались в пламя.

Но ещё быстрее мчались машины пожарной команды. Пожарные быстро приступили к делу, зона была оцеплена. Профессионалы на этот раз оказались на месте. Владимир Самсонович тяжело опустился на тротуар. Поднял глаза на сына. Попытался улыбнуться. Но не получилось.

«Единственная возможность придать смысл собственному бытию состоит в том, чтобы человек своё естественное отношение к миру поднял на уровень духовного, — писал великий гуманист нашего века Альберт Швейцер. — Как существо деятельное, он устанавливает духовную связь с миром тем, что живёт не для себя, а осознаёт своё сродство со всей жизнью, которая окружает его, переживает её судьбы, как свои собственные, всегда, сколько может, помогает ей и воспринимает свою помощь и спасение жизни как величайшее сча-

стве, какое только может быть ему доступно».

Наверное, теперь, как никогда, Шаварш осознавал свою нужность людям, а потому чувствовал себя по-настоящему счастливым.

Вскоре после того, как подвиг его получил широкую огласку, Президиум Верховного Совета СССР наградила Шаварша Карапетяна орденом Знак Почёта. В те же дни его и Камо пригласили в Москву, где от имени ЮНЕСКО им был вручён приз «Фэйр плэй» (справедливой игры).

Этот приз, носящий имя основателя олимпийского движения Пьера де Кубертена, был учреждён в 1964 году с целью укрепления духа справедливости и благородного поведения в спорте. Был создан и соответствующий международный комитет «Фэйр плэй». Приз стали вручать за благородные поступки, рыцарское поведение в ходе состязаний, а также за многолетнюю безупречную службу во имя спорта

Вот примеры. В 1980 году приз получил швейцарский автогонщик Филип Ру, бросившийся в разгар борьбы за розыгрыш «Гран-при» на помощь потерпевшему аварии участнику. В 1984 году кубок имени Пьера де Кубертена вручили египетскому борцу Мохаммеду Али Рашвану. В финальной схватке олимпийского турнира он встретился с известным японским тяжелоатлетом Ясухиро Ямасита. Зная, что у соперника травма, Рашван избегал приёмов с захватом или подсечкой его правой ноги, что и было по справедливости оценено как проявление истинного духа «Фэйр плэй». Тогда же кубок получил польский тяжелоатлет Дариуш Завадский. На чемпионате мира среди юниоров в Швейцарии он сообщил комиссии по награждению, что его собственный вес занижен из-за ошибки компьютера, что позволило итальянцу Карлу стать вровень с поляком и так же, как он, получить бронзовую награду чемпионата. Среди награждённых были тренеры по борьбе Георгий Марков из Болгарии и поляк Станислав Кжезинский, которые, рискуя жизнью, обезоружили на чемпионате Европы в Швеции террориста, угрожавшего участникам соревнований и зрителям.

Советским спортсменам до братьев Карапетян приз «Фэйр плэй» присуждался в 1976 году: его получила сборная команда СССР по хоккею.

Вскоре после возвращения с призом «Фэйр плэй» из Москвы Шаварша пригласили в республиканский комитет ДОСААФ и сказали:

— Ну что же вы совсем про нас забыли, товарищ Карапетян? Слово и нет у вас богатого опыта спортсмена-подводника. Даже не приходите на соревнования как зритель. Где вы сейчас работаете?.. Говорят, вы недавно закончили второй институт. А ведь вам и тридцати ещё нет. Как это вы всё успели с вашей-то занятостью? Да, к тому же у вас уже немалый партийный стаж. В общем, Шаварш Владимирович, есть у нас к вам предложение. Мы недавно начали строительство водноспортивного комплекса. После завершения строительства хотели бы назначить вас директором комплекса. А пока предлагаем вам заняться этой стройкой. Согласны?

Шаварш про себя усмехнулся. Это он-то забыл о своём спортивном обществе? Впрочем, кто старое помянет...

А предложение его озадачило. Дело в том, что до самого последнего времени он надеялся, что станет, наконец, сотрудником уголовного розыска. Ему казалось, что он шёл к этой цели с детства. Тогда, конечно, его привлекала романтика, взлелеянная книгами. В зрелом же возрасте романтические мечты обычно обрамляются контурами реальности.

Шаваршу было лет пятнадцать, когда он познакомился с Леоном Карапетяном, своим однофамильцем, мастером спорта по самбо и дзюдо, впоследствии ставшим инспектором уголовного розыска, начальником следственного отдела УВД Спандарянского района.

Левона привёл в угрозыск случай, происшедший в 1971 году. В автобусе, в котором ехал Левон, вспыхнула ссора между молодыми ребятами. На остановке они высыпали

наружу, и завязалась яростная драка.

Левон увидел, что пятеро избивают одного, и вступился за юношу, пытаясь словами урезонить хулиганов. Но те не вняли словам, и пришлось Левону приступить к действиям. Он защищал парня как мог, пока не подросли сотрудники милиции и не задержали троих. Левону эта драка стоила ножевой раны в грудь и разорванной ладони. И, лёжа в больнице, он всё вспоминал искажённые бессмысленной злобой лица парней. Эти лица преследовали его. Тогда и созрела у Левона мысль посвятить себя работе в милиции. А для начала он поступил на юридический факультет Ереванского государственного университета...

Теперь уже не вспомнить, с каких пор Шаварш стал всё чаще навещать Левона в отделение, интересоваться его работой, вникать в неё. Однажды Левон взял Шаварша в засаду, посадил в надёжном, укромном месте: «Смотри, мотай на ус». Потом Шаварш стал ходить в рейды, участвовать в операциях по розыску и задержанию преступников. Получил удостоверение внештатного сотрудника РОВД. Позже к нему присоединился и Камо.

Шаварш, казалось, уверенно приближался к своей мечте, но помешала её исполнению, как ни странно, трагедия на водохранилище. В управлении милиции решили: слишком много сделал этот парень для людей, для своего народа, рисковать им больше нельзя. Знали, с какой готовностью идёт он на любой риск, будто нет у него чувства самосохранения.

Однако не отказали его брату. Однажды Левон сказал Владимиру Самсоновичу:

— Я знаю, если нужно, Камо не дрогнет, даже если окажется один перед десятью! Я это всегда помню и потому держу его в жёстких рамках служебной дисциплины. Пусть только Асмик Карапетовна не знает об отчаянной храбрости Камо, пусть думает, что он разумно осмотрителен и осторожен.

— Нет, Левон, — ответил отец, — её не обманешь. Она мать, она всё чувствует, хотя Камо обычно ничего не рассказывает о своей работе.

Видимо, чтобы успокоить маму, Камо, зайдя как-то утром после работы к родителям и увидев там Шаварша, сказал:

— Вот вы все говорили, что я в спорте был лентяем. Бегать не любил, плохо бегал. Эх, знали бы вы, какую я сегодня ночью прыть проявил. Даже ты, Шаво, похвалил бы меня...

А дело было такое. В городе уже давно объявился один искусный вор, специалист по автомобилям. Он, правда, не угонял их, а лишь проникал внутрь и «чистил» — крал в основном приёмники и магнитофоны. Не гнушался и другими ценными вещами, которые беспечные водители оставляли в салонах. В угрозыске похититель проходил под разными кличками: Меломан, Иностранец, Неуловимый.

И вот группа, руководимая Камо, расположилась на ночь в холле гостиницы «Двин», ничем не привлекая внимания посторонних — командированные из другого города, не получившие в гостинице места, да и только. Прошла ночь, потом другая — безрезультатно. Предупредили швейцара, чтоб не запирает на ночь дверь. Знали, что вор должен вот-вот объявиться.

Он действительно пришёл в четыре часа утра. Отомкнул ветровое стекло одной из машин, открыл дверь и склонился над магнитофоном. Камо осторожно подошёл к стеклянной двери гостиницы, попытался приоткрыть её, но она оказалась запертой — швейцар по привычке повернул ключ и сейчас глубоко спал в своей комнатке. Пока пошли его будить, брать ключи да открывать дверь, вор, почуввав неладное, выскочил из машины и бросился бежать. И тогда началась погоня — по улицам и переулкам, пустырям и дворам, пока, наконец, Камо не догнал преступника и не сбил его с ног.

Теперь он нарочно рассказал эту историю при маме — видишь, мол, какая работа, ничего страшного, ничего опасного. Никакой стрельбы и поножовщины.

— Ты меня, наверное, совсем за ребёнка принимаешь, — вздохнула мама. — Конечно,

я ничего не знаю про твою работу. Но я знаю всё.

Говорят, по лицу можно определить характер и род занятий человека. Тот, кто впервые увидит Камо Карапетяна, ни за что не осмелится предположить, что он — сыщик от бога. Мягкие черты, застенчивая улыбка, в глазах какая-то непонятная виноватость перед собой. Конечно, облик сыщика сформирован в нашем сознании литературой, кинематографом. Это — стереотип, но ведь вырос он из самой сути профессии, ею психологически обоснован. И непонятно, как же мягкость, доброта, застенчивость уживаются в Камо с настоящими рабочими качествами, с талантом сыщика.

...Дело было погожим воскресным утром. Карапетяны ехали на двух автомашинах из Еревана к Севану. Камо со своей семьёй и товарищем впереди на «Волге», а сзади Владимир Самсонович и Асмик Карапетовна на старом «Москвичонке». Вдруг, проезжая мимо стоявшей у обочины «Волги», Камо заметил на крыле у неё небольшую вмятину. Только и всего. Проехав мимо, сидевший за рулём Камо взгляделся на мгновение в зеркало заднего вида и через несколько сот метров сделал отцу знак остановиться.

— Что случилось? — спросил Владимир Самсонович.

— Вы с мамой быстро пересаживайтесь в «Волгу», я беру вашу машину, мне нужно ненадолго вернуться. Поезжайте вперёд, я вас найду.

Специфика работы сына давно уже приучила родителей не задавать лишних вопросов. Камо остался в «Москвиче» один и, развернувшись, направился к «Волге», которая по-прежнему стояла у обочины.

Вышел из машины, подошёл к водителю, показал удостоверение.

— Извините, товарищ, что у вас случилось с крылом?

— Да сам не знаю, дорогой. Вышел из дома, смотрю — вмятина. Какая-то машина разворачивалась и задела. А водитель, конечно, удрал. Вот мои документы.

— А справку об аварии в ГАИ получили?

— Да какая там справка, зачем? Для Госстраха, что ли? Копеечное дело, стоит ли из-за него пороги обивать?

— Так-то оно так, но порядок есть порядок. Давайте подьдем со мной в отделение, быстренько всё оформим — и вы свободны.

— Ну конечно, поедем, дорогой, кто возражает? Я и сам люблю порядок, — сказал спокойно водитель. И даже улыбнулся — ни тени тревоги.

Да и отчего было ему тревожиться, если он говорил правду? Крыло ему на самом деле помяла другая машина, никого он этим крылом не сбивал, не задевал. А вершил он свои страшные дела в местах, столь далёких от Еревана, что чувствовал себя здесь вполне безмятежно.

Да и Камо в тот момент об этих делах почти ничего не знал. Просто лицо в зеркале показалось ему похожим на фотографию человека, на которого был объявлен всесоюзный розыск. Как на скорости 80 километров в час Камо обратил внимание на «Волгу», на вмятину, как и почему он бросил взгляд в зеркало? Самый простой ответ на эти вопросы: постоянная готовность к Ситуации — в любой момент, в любое время. И удивительная интуиция. Впрочем, разве бывают в его деле простые ответы?

Всё обошлось без выстрелов и приёмов самбо. Камо сел справа от водителя, и они поехали в отделение милиции. Там старший лейтенант Карапетян показал водителю его фотографию и назвал фамилию. Тот в ужасе схватился за голову:

— Почему я не пришел тебя? Я же был с тобой один на один!..

В Ереване гастролировал знаменитый французский композитор и музыкант Мишель Легран. Однажды они с женой спустились в холл гостиницы «Ереван», подошли к киоску, где продают сувениры. Через минуту жена Леграна вскрикнула: из её сумки исчезли две тысячи семьсот рублей... Прибывший на место происшествия Камо Карапетян расспросил

её, других, оценил ситуацию и вскоре направился в один из отдалённых районов города. Поднялся на третий этаж, позвонил. Дверь не открыли. Камо поднялся ещё на лестничный пролёт и стал ждать. Вскоре услышал шаги — кто-то поднимался. Человек подошёл к двери, полез в карман за ключом. Камо неслышно подошёл сзади и спросил: «В каком кармане у тебя деньги?» Вскоре супруги Легран были приглашены в отделение милиции, где вышеуказанная сумма и была им возвращена. Какими размышлениями, какими вычислениями пришёл старший лейтенант к единственно точному выводу — пусть всё это останется за кадром. Но ещё раз высветим самое главное — удивительную интуицию Камо Карапетяна.

Из Еревана Легран направился на гастроли в Баку, где журналисты задали ему вопрос:

— Как приняла вас ереванская публика?

— Публика принимала меня великолепно, — ответил музыкант. — Город замечательный. Но больше всего меня поразила блестящая работа ереванской полиции!

Шаварш окончательно понял, что в угрозыске ему не работать, и теперь предстояло решать, как жить дальше. В этот момент ему и предложили вернуться в спорт.

Это было заманчиво, интересно. И перспективно: он начнёт возрождать былую славу армянских подводников. Решено!

Он сразу же с головой ушёл в дела стройки, пропадал на работе с утра до поздней ночи. Правда, с первых же дней убедился в том, что недоработан проект, что много неувязок, организационной несогласованности, трудностей с поставкой материалов. Что сроки окончания строительства затягиваются.

Случались и совершенно непредвиденные ситуации. Однажды потребовалось убрать 82 гаража владельцев личных автомобилей. Предвидя, во что всё это может вылиться, Шаварш пригласил всех владельцев гаражей на собрание. Объявил, что есть решение горисполкома о переносе гаражей в другой район.

Он знал, что против него начнётся настоящая война. И она началась. Владельцы пустили в ход все возможные и невозможные средства. Однако Шаварш не дрогнул и довёл дело до конца.

Примерно в то же время Шаваршу предоставили место для его личного гаража. Когда-то он купил старенькую, побитую, списанную из таксомоторного парка «Волгу» и постепенно, своими руками «омолаживал» её. Гараж ему был нужен, и, получив место, он поначалу обрадовался — наконец-то! Однако, познакомившись с планом, обнаружил, что будущий гараж отнимет несколько квадратных метров у дворовой детской спортивной площадки. И не раздумывая отказался, сказав: «Я, как заслуженный мастер спорта, не имею на это права».

Теперь же, в конфликте с владельцами гаражей, он чувствовал за собой не только юридическую, но и моральную правоту: под угрозу были поставлены интересы тысяч спортсменов.

Но дело со сносом гаражей затормозилось, сработали рычаги, приведённые в действие владельцами. Тогда Шаварш подогнал технику и приступил к работе...

Однако основные производственные вопросы решались на стройке ещё труднее. Если вообще решались. Шли недели, месяцы. Шаварш обивал пороги республиканских министерств и учреждений. Договаривался, выслушивал обещания, которые никто не собирался выполнять. Он стал нервным, измотанным, чувствовал, что превратился в обыкновенного «доставалу». Всё его существо бунтовало против беспорядка, неорганизованности, против формулы устройства дел за счёт личных контактов. И однажды он решил уйти. Сказалась тут и старая обида на ДОСААФ. Пришёл домой и сказал жене:

— Всё, больше никаких дел с этой организацией иметь не буду. По крайней мере, до тех пор, пока там всё в корне не переменится.

Вскоре в Центральном Комитете комсомола республики ему предложили возглавить Дом детского научно-технического творчества. Которого, правда, пока не было. Предстояло реконструировать старое здание, закупить оборудование, привлечь к работе опытных педагогов. И тренеров. Да, и тренеров тоже. Шаварш всегда считал, что ребёнок должен развиваться гармонично. Теперь он стал мечтать о том, что наряду с приобретением технических знаний и навыков дети будут регулярно заниматься физической подготовкой. В том числе и плавательной.

Дом будет находиться в парке, на берегу реки Зангу, недалеко от горы Цицернакаберд, где к концу 1984 года было завершено строительство нового замечательного сооружения — спортивно-концертного комплекса.

Вот почему утром 14 февраля 1985 года Шаварш оказался вблизи нового Дворца.

Глава 12. ПОЖАР

Однако прежде, чем начать рассказывать о событиях, происшедших в этот день, перевернём несколько страничек календаря назад и заглянем в весну 1984 года, когда Шаварш стал регулярно посещать бассейн города Абовяна, что в двадцати километрах от Еревана, и тренировать там юных пловцов. Видимо, он давно исподволь стремился к этому, а помог случай — разговор с генеральным директором того самого производственного объединения, в чьём ведении и был бассейн, Эдуардом Петросяном. Разговорились они на пленуме республиканской федерации футбола, которую возглавлял Петросян. Тот пожаловался Шаваршу на отсутствие в бассейне хорошего тренера по плаванию. И добавил: «Не хотел бы нам помочь?» Шаварш согласился сразу же, приехал, набрал группу. К его общественным обязанностям добавилась ещё одна.

Через некоторое время с ним в Абовян стала ездить и Нелли. Шаварш уже давно замечал, что её тянет в бассейн, что она всё больше интересуется техникой плавания. Потом дело дошло и до методической литературы. Дома начали появляться книги, которых раньше у них не было.

— Зачем тебе всё это? — спрашивал Шаварш жену. — Уж не собираешься ли ты поменять профессию?

Нелли окончила филологический факультет пединститута по специальности «русский язык и русская литература». Но работать в школе так и не начала — родилась Лусинэ, а вскоре и Зарои. В общем, Нелли не успела войти во вкус профессии. Зато стала обретать вкус другой, хотя...

— Хотя так ли уж далеки они друг от друга? — спросила она мужа. — Я хочу учить детей, и всё.

Такой поворот событий озадачил Шаварша. Теперь, стало быть, у него появлялся ещё один ученик и, быть может, самый трудный — собственная жена.

— Ладно, давай попробуем, — сказал он. — Будешь обучать детей плаванию. Ничего другого предложить пока не могу.

— А я другого и не хочу, — обрадовалась Нелли.

И вот однажды, закончив занятия с ребятами, Шаварш разделся, прыгнул в воду и поплыл. Не сказать, чтобы при этом он ощутил радостное чувство. Перестав тренироваться, он сразу же распрощался и с бассейном, никогда не плавал, даже не окунался. Не влекли его и воды Севана в летнюю жару. Все эти годы неприязнь к воде так и не проходила. Он мог спокойно, даже с интересом наблюдать с трибуны бассейна за соревнованиями или тренировками пловцов. Но плавать самому не хотелось.

И вот теперь, спустя столько лет, он плыл и испытывал... любопытство. А ещё не без удовольствия отмечал, что мышцы осторожно пробуждаются, отзываются, вспоминают воду. Шаварш поднял голову, увидел улыбающуюся Нелли, глубоко вздохнул и, нырнув глубоко, до самого дна, доплыл до противоположного бортика. Затем вышел из воды и снова нырнул, решив проплыть метров пятьдесят в полную силу. Но, сделав десяток гребков, почувствовал острую нехватку воздуха и боль в мышцах. «На сегодня хватит», — сказал себе.

Вернувшись домой, он остановился у зеркала.

— Посмотри на своего мужа, — сказал он жене. — Почему ты ни разу не сказала ему: «Как не стыдно тебе, Карапетян!» Твоему мужу всего тридцать с небольшим, а он расплылся так, что скоро его придётся проталкивать через дверь. Что же будет дальше? И перед учениками стыдно. Хорош заслуженный мастер спорта! Всё, Нелли. Начинаю новую жизнь. Прежде всего стану бегать кроссы, а насчёт тренировок в бассейне — это надо по-

думать.

Как опытный спортсмен, он знал, что увеличивать нагрузки нужно постепенно, иначе можно дорого поплатиться.

Вот только ещё курение. Два года назад Шаварш взял грех на душу — закурил. Раньше никогда и не пробовал, и вдруг... Пристрастился здорово, курил порой по две пачки в день, иногда даже ночью просыпался, чтобы подымить, не мог уже без этого. И вот теперь он спросил Нелли:

— Разве тебе нравится курящий муж?

— Нет, конечно, но если тебе так нужно, если тебе это доставляет удовольствие...

— А нашим детям табак пользу приносит?

— Нет, хотя ты при них и не куришь.

— А пионерам, с которыми я встречаюсь? А моим ученикам в бассейне? Что они обо мне думают? Заслуженный мастер спорта Шаварш Карапетян весь пропах табачным дымом. Хорошенький пример.

— Но ты же не можешь без сигареты прожить и получаса. Если ты начал этот разговор, значит, ты решил бросить курить. Хорошо, давай попробуй. И чтоб тебе было не так тяжело, бросай постепенно. Докуривай сигарету только до середины. Кури не больше пачки в день, потом не больше половины пачки. Так и сокращай норму.

— Нет, я уже решил: с завтрашнего дня я не курю вообще. Ни одной сигареты. Я мог бы поклясться чем угодно, чтоб бояться своей слабости. Но я не буду класться, давать торжественное обещание. Я просто тихо и спокойно говорю: «Я бросил курить. И всё».

И он бросил. Причём не со следующего дня, а именно с того момента, когда состоялся этот разговор. Даже не выкурил «прощальную» сигарету. С тех пор прошёл не один год. И пройдут ещё...

Кроссы он тоже начал бегать не откладывая. Через неделю провёл лёгкую тренировку в бассейне, потом ещё. А в один прекрасный день сказал жене, что в ближайшее время собирается выступить в соревнованиях.

— Ты шутишь, Шаво, — изумилась Нелли. — Для чего тебе это нужно? Прежних результатов всё равно не достигь, это ясно. К тому же где взять столько времени и сил? У тебя работа, семья... Нет, ты шутишь, Шаво. Скажи мне, что шутишь.

— Не знаю, Нелли. Может быть, и не шучу.

А случилось вот что. Незадолго до этого местное телевидение показало спортивную передачу, в которой был сюжет об одном молодом спортсмене-подводнике.

Ведущий говорил о нём много, долго и восторженно, предрёк парнишке победы на самых крупных международных турнирах. Несведущий мог бы подумать, что до этих побед осталось всего ничего — выждать некоторое время, и они сами спустятся с неба. Особенно Шаварша резанули слова о том, что этот юноша уже «легко справляется с рекордами самого Шаварша Карапетяна». К тому же молодой спортсмен держался перед камерой весьма нескромно. И всё же обиднее всего было это «легко справляется...».

Тот парень действительно превысил достижение Шаварша на 800-метровой дистанции, но — восьмилетней давности. Насколько за эти годы улучшились техника плавания и инвентарь, усовершенствовались методы подготовки! К тому же эта дистанция всегда была для Шаварша второстепенной, побочной, он готовился к дистанциям более коротким.

Шаварш сейчас думал о том, сколь огромным трудом добивался он своих побед. Неужели не знал этого ведущий? Неужели так нужно воспитывать молодых? Гордость Шаварша была сильно уязвлена.

И тогда он решил выйти с молодым дарованием на очный поединок.

— Три месяца потренируюсь, — сказал он Нелли, — и выступлю на республиканском первенстве. И если уж выйду на старт, то выиграю у этого парня непременно. Умру, но вы-

играю!

Он постепенно набирал форму и худел. Через два месяца сбросил уже 12 килограммов. И в кроссе, и в воде чувствовал себя всё лучше. Времени у него было очень мало. Он экономил на сне — другого выхода не было.

Но вот однажды Шаварш увидел своего будущего соперника на тренировке. И незаметно понаблюдал за ним. Нет, парень усердствовать не любил. Особенно резанула слух брошенная им тренеру фраза: «На сегодня хватит, я устал». Тренер же покорно развёл руками и ничего не ответил. «Тебе бы моего Липо», — сказал про себя Шаварш. И подумал, что шансы у парня стать большим спортсменом куда меньше тех, что обещал ведущий спортивной передачи. К тому же, оценив фигуру, мускулы, строение тела спортсмена, а также скорости на отрезках и общий объём тренировочной работы, Шаварш решил, что из этого парня вряд ли вообще получится что-либо путное.

Так Шаварш потерял к будущей «звезде» всякий интерес... Но не прекращать же из-за этого тренировки! Следующая должна была состояться 14 февраля.

Зима в тот год не щадила Армению. Впрочем, жителям республики это было не в диковинку, две предыдущие зимы тоже не баловали. Вымерзли целые плантации абрикосов и даже винограда. Холодные ветры то и дело сменялись густыми снегопадами, заносило дороги.

14 февраля Шаварш встал около семи часов. Поёживаясь, вышел на улицу, побежал. Он и раньше недолго любил утренние тренировки, тело пробуждалось нехотя, тягуче, долго. Теперь было ещё труднее, ведь больше пяти лет не тренировался. «Привыкай, Шаварш, привыкай!..» — приговаривал он про себя.

Уходя на работу, сказал Нелли, что, возможно, заедет пообедать. Когда? Нет, Нелли не спросила, знала, как непросто идут дела на объекте, пропадал там Шаварш подолгу. Да не только там, мотался по всему городу. Вечером он собирался хотя бы минут на сорок заскочить в бассейн потренироваться. Если получится.

...Прошло, наверное, минут пять после начала рабочего дня, когда кто-то из сотрудников, заглянув в кабинет Карапетяна, сказал:

— Кажется, горит Дворец спорта.

Шаварш вышел на улицу, постоял, посмотрел.

— Не похоже на пожар, ребята. Скорее всего, это жгут строительный мусор или, возможно, гудрон разогревают.

Он вернулся к себе и снова углубился в бумаги. Однако не прошло и минуты, как уже через стену услышал возбуждённое: «Пожар!» Шаварш опять вышел на улицу и понял: да, это пожар.

В 9 часов 11 минут поступил первый вызов на центральный пункт пожарной связи. Тут же «вызов три» — сигнал максимальной тревоги — был послан во все пожарные части Еревана. В 9 часов 16 минут на вершине горы Цицернакаберд остановилась первая пожарная машина. Профессионалы сразу оценили обстановку — пламенем было охвачено несколько тысяч квадратных метров площади. Положение усугублялось ураганым ветром. Горели сцена, кресла, стены, комментаторские кабины.

Шаварш мчался через дорогу, а потом по длинной лестнице, ведущей к Дворцу спорта, досадуя на себя: «Надо же, по собственной глупости потерял несколько драгоценных минут». Ещё он подумал о том, что почти не знаком с планировкой комплекса, был там лишь однажды. Дворец построили недавно, да и то пока не полностью — кое-какие отделочные работы ещё велись. Однако Дворец уже жил, работал. И — восхищал.

Спортивно-концертный комплекс «Цицернакаберд» был гордостью республики. Здесь должны были проводиться крупнейшие спортивные состязания, учебно-тренировочные занятия, массовые катания на коньках, представления балета на льду, торжественные вечера

и концерты, кинофестивали, конгрессы, массовые общественно-политические мероприятия.

Авторы комплекса, работая над проектом, стремились воплотить в своём произведении многовековой опыт армянской архитектуры, чтобы новое сооружение сочетало в себе идеи сегодняшней архитектуры с великими традициями армянского зодчества. Авторы разработали, по сути, качественно новый тип многофункционального общественного здания. В то же время они искали художественный образ сооружения, созвучный современности, отражающий демократическую сущность здания. С особой осторожностью авторы отнеслись к расположенному рядом памятнику жертвам геноцида 1915 года.

Особое своеобразие зданию придают огромные пролётные оболочки покрытия залов, опирающиеся на мощные пилоны. Оболочки пересеклись между собой, образовав крестовый свод, вытянутый вдоль здания. Таким приёмом удалось сделать строение более лёгким и органично вписать его в окружающий ландшафт.

Между длинными пологими лестницами, ведущими к входу, был сооружён каскад фонтанов. Для облегчения подъёма на 24-метровую высоту вдоль лестниц построили движущийся тротуар.

Большие трудности возникли при возведении основных конструкций покрытия здания. Для проверки их прочности на стройплощадке была построена уменьшенная в десять раз модель покрытия, на которой проводились испытания по специальной программе.

В практике строительства универсальных спортивных залов в нашей стране и за рубежом широко применялся приём совмещения спортивных и концертных функций в едином объёме. Однако опыт показал, что обычно это ущемляло как ту, так и другую функцию. К тому же это заставляло конструировать механизмы трансформации арены для проведения разных мероприятий. Создатели комплекса «Цицернакаберд» полностью разделили спортивный и концертный залы, решив, что это намного выгоднее как функционально, так и экономически.

Уникальность сооружения выразилась и в интерьерах, и в решении проблем акустики. Были разработаны специальные акустические панели, вмонтированные в покрытие залов. Система громкоговорителей, создавая равномерное звуковое поле и одинаково хорошую слышимость для всех, вызывала у зрителей ощущение непосредственного общения с выступающим. Звуковую систему оснастили особой комнатой «Эхо», где звук обогащался, после чего возвращался в зал. Была создана система акустической настройки сцены для разных выступлений.

Пройдя через широкий тамбур, зрители оказывались в просторном вестибюле. Отсюда лестницы и две пары эскалаторов вели к распределительным кулуарам и далее подводили зрителей к трибунам. Трибуны спортивной части комплекса вмещали 7 тысяч, а концертной — 2600 зрителей.

Это была всенародная стройка республики. Вся Армения с нетерпением ждала открытия комплекса.

Строительство спортивной части было завершено в 1983 году, концертной — годом позже.

В день открытия Нелли и Шаварш встретились с его родителями. Шаварш протянул отцу два пропуска.

— А вы? — спросил Владимир Самсонович.

— Мы тоже идём, — ответила Нелли. Догоним вас или лучше встретимся во время перерыва? Шаварш сегодня выступает.

Договорились ждать друг друга в вестибюле, недалеко от входа.

Шаварш не сказал родителям, что у него всего два пропуска, которые он им и отдал. Хотел объяснить контролёрам, что он должен выступать. Надеялся, что поверят.

Не поверили, не пропустили.

Вглядеться бы контролёрам в его лицо — узнали б, конечно. Но называть себя, просить Шаварш не мог. Пришлось возвращаться домой и смотреть торжественное открытие по телевизору.

Месяцем раньше Шаварш впервые побывал во Дворце. Походил, посмотрел, но вскоре решил, что настоящее знакомство лучше всё же отложить до завершения отделочных работ.

И вот теперь он мчался к пылающему зданию и мучительно пытался воскресить в памяти расположение входов, лестниц, холлов.

Пока подошла лишь одна пожарная машина. Она остановилась у центрального входа, и пожарные раскатывали рукава. Шаварш побежал дальше, к левому крылу сооружения, поняв, что там ещё никого нет.

Из распахнутой двери пламя било с гулом и свистом, как из огромного сопла. Рядом он увидел чуть приоткрытые ворота для въезда машин. Дым валил и оттуда, но огня не было. Вскоре подоспели такие же, как и он, добровольцы. Неизвестно откуда появился пожарный рукав. Подключили воду.

— Давайте на меня! — сказал Шаварш.

Его сначала не поняли. Тогда он взял рукав и направил струю воды на себя. Теперь можно было идти. Что там, за пеленой дыма, за воротами, которые готовы были вот-вот заняться пламенем? Наклонив голову, он вошёл внутрь. Его сразу же обдало нестерпимым жаром, по глазам резануло едким дымом. Он прошёл шагов десять. Потом ещё десять. Увидел, нет, скорее нащупал, несколько ступенек лестницы, поднялся. Лестница скоро кончилась. Дальше была сплошная завеса пламени, перекрывающая вход в спортивную часть комплекса.

Обернувшись, Шаварш увидел рядом ещё двух парней. Таких же безоружных перед огнём, как и он. Рукав они пока не потянули, нужно было выяснить обстановку.

— Можно войти через соседний вход, — указал один из них, — оттуда, кажется, есть доступ в зал.

Выбежав на улицу, они увидели ещё три машины. С обеих сторон подъезжали другие, пожарные быстро приступали к делу.

Весть о случившемся неслась по городу. Отовсюду к Дворцу мчались люди — сотни, тысячи. Однако милиция вовремя оказалась на месте и Дворец был наглухо оцеплен: неорганизованный штурм мог бы стоить жизни многим. Люди стояли перед кордоном и умоляли пропустить их. Среди них был и Владимир Самсонович. Сердце ему подсказывало: Шаварш там. Но приехав к месту происшествия, он так сына и не увидел.

Пламя разгоралось всё сильнее. Даже со стороны было видно, что ни людей, ни техники пока не хватало. И тогда командование пожарной охраны разрешило пропустить человек десять. На большее не рискнули. Но как только цепь оказалась на мгновение разомкнутой, человек тридцать сумели прорваться внутрь.

Тем временем Шаварш взял тяжёлый рукав и вновь вошёл в здание. Вошёл вместе с пожарными и другими добровольцами. На этот раз им удалось проникнуть в зал. Снова обдало сильнейшим жаром и запахом угарного газа. Только на этот раз к нему примешивался какой-то другой, незнакомый и ещё более ядовитый запах. Как потом выяснилось, это горели синтетические стулья трибун и изоляция кабельных сетей.

Пылала сцена, а над ней — огромное электронное табло «Электроимпекс», незадолго до этого смонтированное венгерскими специалистами. Дворец готовился к приёму участников крупнейших международных соревнований по тяжёлой атлетике.

Рядом грохнуло что-то тяжёлое. Это с потолка упала вместе с арматурой огромная осветительная лампа. Чуть поодаль раздался ещё взрыв. Лампы продолжали падать.

Пожарных здесь было уже много. Они раскатывали всё новые стволы брандспойтов, вскрывали отбойными молотками люки, срывали портьеры, декоративные панели, плакаты — всё, что могло служить пищей для огня. Сто двадцать профессионалов работали на объекте. И несколько десятков добровольцев — точно это число так никто и не узнал. Шёл второй час битвы.

Шаварш направил струю воды на сцену. Очистив часть её площадки, он поднялся на сцену. Двое помогали ему тащить рукав. Один из них сказал:

— Теперь дай мне, ты устал. Иди продышись.

Чувствуя всё нараставшее головокружение, Шаварш понял, что нужно действительно выглянуть на улицу, и уступил рукав. Но парня, который его принял, хватило ненадолго, столь тяжёл был рукав и огромен напор воды. Увидев это, Шаварш вернулся и снова пошёл на огонь. Голова кружилась всё сильнее. Он задышался.

— Иди на улицу и продышись! — это уже пожарный крикнул ему. Крикнул резко, почти со злобой. — Иди немедленно, ты ещё будешь нужен!

Но долго пробыть на воздухе он не смог. Огонь пожирал сооружение. Текли минуты, ждать больше было нельзя. Шаварш увидел оставленную кем-то каску. Нахлобучил, но она оказалась слишком мала. Другой не было, а эту пришлось оставить.

Жара всё усиливалась. Многих пошатывало. Люди всё чаще выходили на воздух. Брандспойты приходилось держать втроём, вчетвером. Напор воды неожиданно резко возрос, — в городе отключили воду, теперь весь водопровод работал на пожар.

Выйдя в очередной раз на улицу, Шаварш увидел группу людей, которые что-то горячо разъясняли начальнику пожарной команды и другим офицерам. Подойдя поближе и прислушавшись, Шаварш понял, что это архитекторы. Из их слов он уяснил, что наибольшая опасность таилась в распространении огня на крышу. Она была покрыта гудроном, а горит он сильно. Крыша — несущая конструкция, и, если она рухнет, Дворец спорта погибнет.

Шаварш подумал, что проникнуть под крышу можно, но нужен противогаз, там наверху сильное скопление угарного газа. Шаварш тогда не знал, что угарный газ — это ещё не самое страшное. Самым ядовитым был другой — от горения синтетики. Газ, лишивший жизни двух рабочих Дворца, рвавшихся сквозь не пробиваемый даже мощными прожекторами душный мрак и упавших в каких-нибудь десяти метрах от спасительного выхода.

— Я пойду под крышу, — сказал Шаварш подполковнику пожарного управления. — Но дайте мне противогаз.

— Не могу, — ответил тот. — Не имею права.

— Я спортсмен-подводник. Много работал с аквалангом. Это почти тот же противогаз или, точнее, кислородный изолирующий прибор.

— Всё равно не могу. Не положено по инструкции.

В инструкции действительно говорилось, что с этим прибором может работать лишь специально подготовленный человек, причём в сопровождении ещё двоих, один из которых несёт страховочную верёвку, а другой прожектор.

Что было делать? Находился ли кто-нибудь из пожарных под крышей, Шаварш не знал. Дворец огромен, а огонь полыхал повсюду. Время торопило, нужно было принимать решение.

Он обернулся к парню, с которым вместе тушили электронное табло и сцену. Позже Шаварш узнал его имя: Алексей Сафарян, инженер по технике безопасности треста «Арм-подъёмстрой» (кому, как не ему, было оценить реальную опасность создавшейся обстановки?). Шаварш спросил его:

— Ты пойдёшь?

Тот молча кивнул.

На следующий день Алексей расскажет Владимиру Самсоновичу про 14—15-летних

мальчишек, которые оказались на пожаре случайно — прогуливали школьный урок. Расскажет про то, как они, облачившись в противогазы (сумели-таки выпросить их у других офицеров пожарного управления), отважно бились с огнём, рискуя жизнью и здоровьем. На следующий день Алексей признается отцу Шаварша:

— Я в жизни человек не очень решительный. К тому же привык всегда и во всём сомневаться. Вот думал, что и в той истории с затонувшим троллейбусом что-то преувеличено. Не мог, казалось мне, совершить такое один человек, пусть даже и мировой рекорсмен в подводном плавании. Но теперь я своими глазами увидел, на что способен ваш сын. Он вдохновлял всех, кто был рядом. Вдохновлял не словами — делом. За ним пошли другие. И многие пожарные тоже: они ведь такие же люди, как и все. И нам уже не было страшно.

Шаварш и Алексей полезли по высокой лестнице, подведённой к стене сооружения под самый козырёк. Там Шаварш увидел какую-то стеклянную дверь, ногами вышиб стекло, проник внутрь. С ними поднялся один пожарный.

Тени и блики мелькали перед глазами. Что было реальностью, а что галлюцинацией, приходилось лишь догадываться. Надо было быстро и точно рассчитывать каждый шаг, чтобы не оступиться, не упасть, не оказаться в пламени. Нередко в минуту наивысшей опасности страх отступает — как тогда, на водохранилище. Однако теперь Шаварш чувствовал нарастающее чувство страха. Может быть, теперь, спустя восемь лет, в нём проснулось и ожило с удвоенной силой обманутое тогда чувство самосохранения. У всякого есть это чувство, и, борясь с разумом и волей, оно нередко побеждает. Но Шаварш знал сейчас лишь одно: оно не должно победить. А значит, нельзя было ошибаться. Но всё-таки он ошибался.

Шаварш медленно продвигался вперёд, теперь уже ничего не видя в сплошной дымной мгле. Наступил на какую-то балку и, провалившись, начал падать. Однако был ловко подхвачен пожарным. Рукав, который тащил Шаварш, казался всё тяжелее и тяжелее. Сил оставалось совсем чуть-чуть.

Видя это, пожарный сказал ему:

— Дай рукав мне.

Но и сам стоял нетвёрдо, и дёргающимся рукавом его тут же отбросило в пламя. Шаварш успел подхватить брандспойт и направить поток воды на пожарного.

Тот быстро пришёл в себя и крикнул:

— Здесь должно быть окно... Нужно открыть... Иначе конец... Воздух нужен!

Но Шаварш ответил:

— Нельзя, это раздует пламя.

Однако пожарный не послушал. Видимо, он оказался прав. Дышать стало легче. Они всё-таки успели потушить участок и вернулись на улицу. С тем чтобы через несколько минут вновь пойти под крышу.

На этот раз они с Алексеем направились туда изнутри — по боковым ступеням трибун. Пошли в двухсотградусное пекло, до предела насыщенное тяжёлыми газами... Это было последнее, что вспомнил потом Шаварш. На улицу его вынес какой-то милиционер.

...Шаварш очнулся в незнакомой машине. Спросил шофёра, куда его везут. Узнав, что в больницу, сказал:

— Не нужно.

С трудом вспомнив адрес тёщи, назвал его. Знал, что Нелли с детьми сейчас там. Ему надо было увидеть их...

Нелли, конечно, уже знала о пожаре во Дворце. Однако, увидев из окна подъехавшую машину и мокрого, грязного, оборванного мужа, поначалу решила, что, видимо, он попал в автомобильную аварию. Но Шаварш вошёл сам, и это её успокоило: жив, цел, а остальное не важно. Однако почему у него покрытое копотью, абсолютно чёрное лицо и такие воспа-

лѣнные глаза? Почему от него так пахнет дымом? И поняла: он был там! Да, да, он работает неподалѣку, и, значит, он снова не мог остаться в стороне. Такова его судьба!

Вошедший вместе с ним шофѣр рассказал всё, что знал. Шаварш тем временем, задыхаясь от приступов удушья, лёг на диван. Ни о чём не спрашивая его, Нелли сняла телефонную трубку и позвонила в «Скорую помощь». Машина прибыла через пять минут... Дежурный врач в больнице сказал Нелли:

— Поезжайте домой, это надолго.

Из рассказа доктора АНУШАВАНА ВЕМЯНА:

На следующий после пожара день я узнал, что Шаварш Карапетян находится у нас в реанимационном отделении... Доставлен с сильно помутнённым сознанием, с диагнозом острый трахеобронхит. Выделявшиеся при горении синтетики газы вместе с угарным газом оказали сильное воздействие на слизистую оболочку всех дыхательных путей и на кровь.

Карапетян был помещѣн в кислородную барокамеру. В целом же состояние больного не вызывало серьёзных опасений за его жизнь.

Это же сказали и родителям Шаварша, когда они примчались в больницу. Но Асмик Карапетовна не поверила врачам. Плакала. Спросила, можно ли повидать сына. Ей ответили, что можно, но только на телевизионном экране.

Шаварш лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок.

— Как ты себя чувствуешь, сынок?

Шаварш не ответил.

— Шаво, это я, мама. Ты меня слышишь?

— Да, слышу.

Она не узнала его голос.

— Как ты себя чувствуешь?

— ...Неважно.

— Зачем ты это сделал, Шаво?

— ...Я не знаю, что сказать тебе.

Владимир Самсонович, обняв жену за плечи, попытался отвести её от микрофона, но она резко отстранилась, и он понял, что её не остановить.

— Там же были другие, опытные. Там же были профессионалы своего дела. Ты же в этом ничего не понимаешь. Это не троллейбус. Тогда ты был один во всей Армении, кто мог сделать это. Там ты выполнял свой долг. А здесь?

— ...Иначе было нельзя...

— Как нельзя? Почему нельзя? А мне можно жить без тебя, ведь я снова едва не лишилась сына? Что ты наделал?

— ...Иначе было нельзя... Как там всё закончилось?

— Всё нормально, сынок. Конструкцию удалось спасти, — вступил в разговор отец. — Ты всё правильно делал, сынок. Всё хорошо, родной. Мама это тоже понимает... Просто она сейчас в таком состоянии... Ты прости её, родной. Всё будет хорошо. Врачи сказали, что это неопасно, сынок... Держись, родной.

Шаварш больше не отвечал.

В одной из соседних палат оказался заместитель начальника республиканского пожарного управления подполковник Арменак Ащиян. Находясь внутри горящего здания, он оступился, упал с высоты и сломал руку. Только теперь он узнал, что тот здоровый парень, который едва ли не с первой минуты отчаянно боролся с огнѣм, увлекая за собой других, был не кто иной, как Шаварш Карапетян. Подполковник захотел тут же его увидеть. Но врачи не пустили.

— Какой человек, какой человек! — слѣзы стояли в глазах Ащияна. — Как это мы его

проглядели, не могу себе простить! Такого парня могли потерять.

— Думаю, вам всё равно не удалось бы его удержать, — ответил Ащияну дежурный врач.

Поздно вечером, когда родители Шаварша вернулись из больницы, к ним заглянула Шушик — сестра Асмик Карапетовны.

— Ты слышала про пожар? — спросила Шушик.

— Кто в Ереване не слышал? А ты слышала, что мой Шаво в больнице?

И она рассказала сестре всё, что знала и видела.

— Бедный Шаво! — вздохнула Шушик. — В самое пекло! Там же было целых сто пожарных машин, так говорят.

— Не знаю, сколько их там было. Меня там не было, а Ладик не считал, не до этого было. Он всё гадал, там Шаварш или нет. Говорит, что добровольцев было много. Ну и мой, конечно, тут как тут. Он же иначе не может. У него всегда что-нибудь случается... Знаешь, на той неделе мы были в гостях у Камо — Ладик, я, Шаво с Нелли и Толик со своей Любой. Сидим, пьем кофе, разговариваем. И вдруг прибегает насмерть перепуганный сосед. Кричит, плачет: оказывается, его сын проглотил язык. По-моему, такое бывает, когда человек болен эпилепсией. Видимо, родители этого не знали, мальчику всего четыре года, и этот приступ у него первый. Все мы побежали в ту квартиру и увидели, что ребёнок едва живой и никакая «скорая помощь» уже не успеет. И что ты думаешь? Шаво, не мешкая, раскрыл ему рот и захватил язык пальцами, стал делать какие-то манипуляции с помощью верёвки и полотенца. Я оторопела: откуда он всё это знает? В общем, спас ребёнка.

Или ещё тебе случай расскажу. Едут как-то поздно вечером на машине Ладик с Шаваршем. И вдруг какая-то женщина буквально бросается под колёса, кричит, причитает: «Помогите!» Мои остановились, вышли из машины, спросили, в чём дело. Оказалось, что сын женщины, грудной ребёнок, проглотил большую пуговицу. Вот такую! Шаварш сказал отцу: «Оставайся здесь, я мигом». Поднялся он с той женщиной в квартиру, взяли они ребёнка — а тот уже тоже почти не дышал — и помчались в больницу. Успели. Спасли.

Потом они с Ладиком приезжали на ту квартиру, цветы той женщине привезли. Вот смотри — фотография. Правда, красивый мальчик? Но я не об этом. Не могу понять, почему рядом с Шаво всё время что-то происходит. Всегда какие-то несчастья. Что за странный рок? Что за судьба?

Ты слышала про пожар около библиотеки? Это было после самой первой встречи со спасёнными. Я тоже была на той встрече. Это просто удивительно, что милиция успела опередить их с отцом, успела вовремя оцепить место пожара. Просто счастье! А то не знаю, что было бы. Впрочем, что там знать? Всё ясно и так. И главное, отец с ним кинулся, как тебе это нравится?

Знаешь, Шаварш умудрился найти свой пожар даже в Париже, ребята из сборной рассказывали. Идут они по улице и вдруг видят — машина горит. А за рулём женщина. Выскочила, вся перепуганная, что-то кричит. Шаварш тут как тут. Открыл капот, а оттуда как полыхнёт! Он взял и потушил пламя.

— Чем? Пиджаком?

— Он бы и пиджаком накрыл, но, слава богу, пиджака на нём не было, дело происходило летом. У женщины в багажнике нашлось большое покрывало. Но и это ещё не всё, Шушик. Не обошлось и в Ереване без такой же истории. Опять же Шаварш ехал с отцом. И опять же у них на дороге несчастье: стоит чья-то машина и горит. Мои достали огнетушитель, остановились и другие машины. И сообщая потушили.

И вот теперь снова пожар, в который уж раз. Но только страшно мне, понимаешь, страшно. Ну зачем он полез туда? Ну разве без него не потушили бы? Была бы верующей, обязательно попросила бы бога смилостивиться к моему сыну, ко мне. Ну хватит уже, хва-

тит! Я после той троллейбусной истории ещё несколько лет по пять раз за ночь просыпалась. Такие кошмарные сны снились — не передать. Теперь бессонницей снова надолго обеспечена.

— Ничего, милая, теперь уж всё будет хорошо. Всё и так хорошо. Главное, он жив, здоров...

— Здоров, да? Здоров, говоришь? А он тебе никогда не показывал фурункулы на руках? Ну конечно, он их никому не показывает. Вот такие фурункулы! Кровоточащие! Это — после троллейбусной истории. И воду Шаварш совсем не переносит. Даже когда на Севан приезжаем, все купаемся, а он — нет. Причём эти фурункулы у него появились не сразу, а на второй или третий год. От заражения крови. И ещё он кашляет. Ты слышала, как он кашляет? Нет, ты не слышала. Потому что он старается скрывать. Но я-то знаю. От меня ничего не скроешь. А что теперь будет после этого пожара? Он же так отравился газами! Что делать, что делать, Шушик?

— Ну да ладно, сестра, вздохами тут не поможешь. Будем верить в его крепкий организм и во врачей. А ты помнишь, как Липо однажды рассказывал историю про канаву?

— Какую ещё канаву? Я ничего не знаю. Опять какая-то история. От меня стали многое скрывать. Какая история, говори немедленно!

— Ну что ты так разволновалась, сестра? История совсем не страшная. Вот послушай. Это было, когда они с Липо учились в институте физкультуры. Возвращаются как-то с занятий. А на пути вдруг — канава, её только-только выкопали под какие-то трубы и мостик ещё даже не положили. Кто может — тот перепрыгнет.

Подходят Шаварш и Липо к той канаве и видят: стоит женщина с маленьким ребёнком на руках. И такая растерянная! А люди проходят мимо, и все — прыг да прыг. А каково ей прыгнуть? И что ты думаешь? Наш Шаво спрыгнул вниз, а там глубина — ему до горла, и подставил женщине ладонь. Ну, женщина на его ладонку наступила и — всё в порядке, пошла себе дальше. Счастливая ты мать, Асмик!

Уже на следующий день Шаваршу стало лучше, а ещё через два дня он поднялся с постели и стал подумывать о том, как бы скорее вернуться домой. В больницу приходили друзья, товарищи по работе, а то и просто незнакомые люди. Это радовало, но и смущало. Нужно было что-то предпринимать. ореол героя-мученика его никак не устраивал. Он давил, даже угнетал. К тому же Шаварш наверняка знал, что, останься он в больнице, Нелли, родители и братья будут чередой дежурить у его постели. И днём, и ночью. В том не было нужды, но иначе они ведь не могут. Так что лучше дома, не так хлопотно для близких. И на седьмой день с помощью Толика он попросту сбежал из больницы.

А наутро сказал жене:

— У Зория Балаяна сегодня пятидесятилетие. Поедем!

— Как поедем? В таком состоянии?

— Но ведь мы поедем за город, там мне будет легче. Подышу свежим воздухом.

И поехали. Самым трудным для него в этот вечер было удержаться от кашля, чтобы не привлекать к себе внимания, не вызывать расспросов. Зорий всё знал. Он примчался в больницу одним из первых, потом навещал постоянно, иногда по два раза в день. Доставал лекарства, привозил опытейших консультантов. Шаварш видел в том прежде всего неизбежную душевную потребность соучастия. Возражать Зорию было бесполезно.

Гости юбиляра деликатно ни о чём Шаварша не расспрашивали, ни словом не напомнили о пожаре. И вряд ли Зорий попросил их об этом. Шаварш же был непринуждён и весел. Какой ценой ему это давалось, знала лишь Нелли. По пути домой ему снова стало плохо.

На другой день он опять не вставал с постели. Телефон звонил непрерывно, и он по-

просил отключить аппарат. Однако это ничего не дало. Приходили без звонка, это продолжалось целый день. Тогда он решил перебраться на время к родителям.

Из рассказа учительницы АНАИДЫ СТЕПАНОВНЫ ТЕР-ПАПЯН.

Я знала, что уже несколько дней, как Шаварш выписался из больницы. Но телефон у них не отвечал. Мой класс очень переживал за него, ребята хотели непременно навестить Шаварша. Я сказала, что «массовое нашествие» ему, наверное, сейчас противопоказано, и решила навестить его одна. У родителей Нелли мне удалось узнать, где он, и тогда я отправилась в дом к родителям Шаварша.

Пришла. Асмик Карапетовны и Владимира Самсоновича дома не было. В гостиной находились какие-то незнакомые мне люди. Стоял густой табачный дым. Люди играли в нарды, смеялись, кричали. И тут я увидела Шаварша, сидевшего в углу. Он был очень бледен. Наверняка он чувствовал себя плохо, однако старался не подавать вида. Впрочем, на него никто не обращал внимания.

— Перестаньте курить и проветрите немедленно комнату, — закричала я. — Неужели вы не видите, что человеку плохо?!

Похоже, они действительно не видели... Или ничего не знали? Нет, этого не могло быть.

Шаварш попытался улыбнуться:

— Играйте, играйте, ничего страшного. Курите, пожалуйста... Анаиде просто показалось...

Нелли буквально силой отправляла его в поликлинику. Врачи требовали, убеждали: «Нужно взять путёвку в лёгочный санаторий и ехать как можно скорее». Он кивал, соглашался, обещал уехать. Но вскоре сказал жене, что чувствует себя уже вполне здоровым и потому не видит больше причины отлынивать от дел. Утром он поехал на работу. Шёл двадцать второй день после происшествия.

Известие о пожаре во Дворце всколыхнуло всю республику. Десятки тысяч писем, телеграмм хлынули в редакции газет. Студенты, школьники, рабочие, интеллигенция — все предлагали любую безвозмездную помощь. Повсеместно собирались деньги на восстановление Дворца. Их предлагали даже старики и домохозяйки. Долго упрашивали взять и очень огорчались, услышав в ответ: «Денежная помощь не нужна. Труд — это другое дело».

Вся Армения работала на субботниках, средства от которых поступали на восстановление спортивно-концертного комплекса. Закончив рабочий день, люди приходили к горе Цицернакаберд и говорили: «Если не берёте денег, то вот мои руки. Я плотник... я каменщик... я бетонщик... я разнорабочий». В кратчайший срок Дворец был полностью восстановлен. Так люди снова доказали, что не могут оставаться в стороне, когда рядом беда.

Глава 13.

«ДОРОГОЙ, БЕСЦЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК!»

Много дней и ночей мы беседовали с Шаваршем, и это были отнюдь не интервью. В ходе работы над книгой наши отношения постепенно утратили обычную для таких случаев форму общения, перешли границу моих профессиональных интересов. Мы стали друзьями, и, надеюсь, на всю оставшуюся жизнь. Но что тут скрывать — именно такие отношения и помогли мне лучше узнать своего героя.

Разумеется, приводимые здесь диалоги не строго документальны, они «проговаривались» в разные времена, даже в разные годы, я воспроизвожу их по памяти. Но делаю это, стараясь сохранить точным главное — характер Шаварша Карапетяна, его склад мышления, его отношение к людям и явлениям.

В основе этой главы — письма. Они идут к Шаваршу уже который год, и несть им числа. Конечно, не на все он может ответить, иначе ему б не хватило и двадцати собственных жизней. Я прочитал, наверное, сотни. Со многими из этих писем мы с Шаваршем знакомились вместе.

Письма стали приходить сразу же после публикации в «Комсомольской правде» репортажа С. Лескова «Подводный бой чемпиона». Материал был написан по первым впечатлениям. Написан взволнованно и в целом верно. Есть в нём и некоторые неточности. Например, по словам Лескова, Владимир Самсонович Карапетян оказался на месте происшествия потому, что в это время случайно проходил по дамбе водохранилища, тогда как на самом деле он работает неподалёку и о трагедии ему сообщил примчавшийся шофёр. Но это не принципиально.

Важнее другое. Лесков пишет, что встретился с несколькими спасёнными пассажирами троллейбуса. «Они искренне удивились: зачем корреспондент ворошит всю эту историю? Рассудительно объясняли мне, что за житейскими хлопотами — переездом на новую квартиру, приобретением автомашины, продвижением по службе — как-то ушли на второй план смутные воспоминания о том происшествии, о безымянном спасателе, благие намерения разыскать его, пожать ему руку... Удивительно, что никто из людей, возвращённых Карапетяном к жизни, не попытался найти своего спасателя, узнать хотя бы его имя... Быть может, кто-нибудь и подыщет достойное объяснение тому, что не желают люди даже в воспоминаниях возвращаться к неприятным событиям в своей жизни, предпочитая душевный покой нелёгким раздумьям...»

Большинство спасённых действительно не искали своего спасателя, но причины такой «забывчивости» не так просты, как могло показаться. Зная, как дорого заплатил Шаварш за жизни людей, легко впасть в обвинительный тон. И вслед за первой публикацией многие читатели «Комсомолки» выразили в своих письмах Шаваршу своё возмущение неблагодарностью. Лескова упрекать за это невозможно: он был первым журналистом, кто пережил вместе с Шаваршем этот день, он познакомил с Шаваршем миллионы людей. И занимался этой темой всего несколько дней, тогда как она требует глубокого осмысления.

Разговаривая с теми, кому Шаварш вернул жизнь, я пытался всякий раз поставить себя на их место. И очень хочу, чтобы это попытался сделать каждый, кто прочёл монологи спасённых. Может быть, это поможет читателям приобрести опыт, а заодно и какой-то новый взгляд на жизнь, новый угол зрения?

Жёстких обвинений в адрес спасённых в почте Шаварша не так уж много.

Вот одно из таких писем — из Киева. Оно подписано: «Группа служащих с высшим образованием», без фамилий.

«Мы возмущены реакцией спасённых. Из двадцати человек никто не подал руку, не подарил машину за спасение жизни. Таких не стоило спасать. Это мещане, потребители и хамы. Вы не обязаны были их спасать. Вот и получается, что передовые люди гибнут за... Так едва не вышло и у Вас. Пусть же Ваши дети не поступят так, как Вы, в ущерб себе».

Прошу Шаварша ответить на это письмо в книге — чтобы всем была ясна его позиция.

— Да пойми же, — говорит Шаварш, что людям, почти побывавшим на том свете, просто страшно прикасаться памятью к этой трагедии. Да и к чему меня благодарить? Они живы — вот и вся благодарность. Наверняка среди них немало хороших, добрых людей, вспомни хотя бы Терезу Согомонян. Им страшно вспоминать. Авторы письма из Киева просто не учли этого.

Под водой я, конечно, не выбирал, кого спасать: старика или ребёнка, юношу или девушку. Под водой не увидишь, хороший человек или нет. Но представь себе — фантастика! — мог бы увидеть и отличить. Что из того? Вспомни, что в больницах борются за каждого, стараются продлить жизнь даже безнадежно больного человека. Таков долг врачей.

Я просто не мог по-другому. Между прочим, вы, журналисты и писатели, часто называете подвигом просто честное выполнение своего профессионального долга. Я был сильным спортсменом-подводником и случайно оказался на месте происшествия. Думаю, что эту работу мог выполнить только я. А если мог, то, значит, должен был. Вот и вся философия.

У Александра Дюма-сына я встретил как-то слова: «Исполнить свой долг бывает иногда мучительно, но ещё мучительней не исполнить его». Как я мог не пойти в воду? То, что я делал, трудно, но посильно. Жаль только, что у штатных спасателей не оказалось аквалангов, наполненных воздухом. Возможно, тогда бы я спас всех...

В ответ я рассказал Шаваршу вот какую историю. Да не историю, а просто психологическую зарисовку. Знаю одного человека. Был он майором милиции. Говаривал так: «Бывает, еду в электричке и вижу, что творится какое-то хулиганство. Как быть? Тут всё зависит от того, в форме я или нет. Ежели в форме, то постараюсь сделать вид, будто ничего не заметил и тут же быстренько перейду в другой вагон. А ежели в штатском, то убивай хоть на глазах, я и с места не сойду!»

Тот майор уже давно на пенсии. Зовут Николаем Гавриловичем. И ещё долго будут так звать, потому что природа наделила его крепким здоровьем и толстой кожей. Знает ли он что-нибудь про Шаварша Карапетяна? Думаю, вряд ли. А если бы и узнал, то наверняка не понял бы, в чём смысл действий Карапетяна.

Шаварш сокрушённо покачал головой:

— Ты хорошо знаешь Камо, человек он отважный. Недавно был случай. Брали они банду. В стоящую машину прыгнули пятеро вооружённых преступников с тем, чтобы скрыться. В этот момент перед самой машиной вырос Камо и три раза подряд выстрелил по двигателю. Психологический расчёт его был точен: преступники оторопели, а в этот момент подоспели товарищи Камо.

Иных сотрудников милиции я себе не представляю, хотя они, конечно, есть. Не нужно громких слов, нужно стремиться каждую работу выполнять высокопрофессионально. А тот майор был просто случайным человеком в милиции. Ему не повезло — занимался не своим делом. Я таких людей не осуждаю, а жалею.

И всё же не прав Шаварш в этой снисходительности к человеку, не выполняющему свой профессиональный долг. Шаварш противоречит себе. Но попробуем понять его. Видимо, дело в том, что волею судьбы Карапетян вознесён так высоко в мнении людей, что каждое его суждение для многих — непререкаемо. И, сознавая особую меру ответственности, он не может позволить себе категорично судить о людях, не зная всех обстоятельств их жизни. Отказывается от роли праведника, ментора, судьи.

Майор не выполнял свой долг, Камо свой «перевыполняет». Шаварш утверждает, что просто честно выполнял свой. Но какой? Профессиональный? Нет же, на то были профессионалы, которые в момент трагедии на водохранилище оказались к ней не готовы, а на пожаре лишь исполняли свой долг «от и до», не более. Шаварш считает, что, если можешь, значит, должен, — всё обескураживающе просто. Долг профессиональный и долг нравственный для него едины.

Но вспомним, фашистские палачи тоже исправно выполняли свой долг. Исправно и... можно было бы добавить — добросовестно. Однако осечёмся, стоп! Вдумаемся в смысл этого слова. Добрая совесть вершит лишь добро, вот в чём разница. Шаварш совершал поступки по долгу доброй совести. Он спасал человеческие жизни и народное достояние. Его поступки всколыхнули лучшие качества людей, их добрую совесть, они ещё раз показали нам: только на доброте держится мир. Будем же в вечном долгу друг перед другом, в долгу совести.

А письма от таких людей, как тот майор на пенсии, нет-нет да и приходят: «Ну и что ты за это получил? Никто даже не поблагодарил, а ты едва не отправился на тот свет». Спрашиваю Шаварша, отвечает ли он на них.

— Ты замечал, как иные родители наставляют порой детей: «Нехорошо быть жадным. Если ты не поделишься шоколадкой, то в другой раз и сам ничего не получишь»? Вот и получается, что вроде бы благостные зёрна доброты высеиваются на потребительской почве. Таким людям ничего не объяснишь. Я им не отвечаю.

И всё-таки писем такого рода Шаварш получает не так уж много. Людей больше волнует сам подвиг, сама личность Шаварша, чем реакция на его Поступки. В этом я вижу великодушные людей, их человечность.

Письмо из Курска: *«...Наш отдел гудел, восхищаясь и сочувствуя, а я забилась в угол, взяла в руки газету и погрузилась в мутные воды. Я вместе с Вами задышалась, погибала и спасала, спасала людей. Несколько дней я пребывала в таком состоянии, несколько дней — простите мне эту дерзость — я жила рядом с Вами. Ваш подвиг сродни подвигам античных героев и былинных богатырей. Сказка тем и прекрасна, что неправдоподобна, а Вы живы (благодарение судьбе и врачам!). Вы есть, и всё, что было в тот сентябрьский день, правда. Честно говоря, я думала, что таких людей уже нет.*

Мне раньше и в голову не приходило написать какому-то газетному герою. Только в Вас я действительно увидела того человека, на которого нужно равняться, с которого надо делать жизнь. Спасибо Вам и низкий поклон за каждого спасённого. Будьте счастливы, будьте любимы! Пусть всё будет хорошо в Вашей семейной жизни!»

«Моя жизнь сложилась так, — пишет Ж. А. В. из Душанбе, — что меня ожидали одни разочарования за другими. Мне упорно доказывали, что мои представления о людях, их взаимоотношениях — утопия. К сорока годам во мне поколебали даже веру в человека, в его высокое предназначение, в добро, которое порождает добро, а не зло. Узнав про Вас, Шаварш, я плакала от восхищения и радости. Я всё же оказалась права. Есть идеалы — люди, на которых держится мир. Спасибо Вам».

Письмо от 14-летней Оли Антипиной из Саратова:

«Ваши поступки заставили меня по-другому взглянуть на многие вещи. Не то чтобы совсем иначе, но честнее, и это главное.

Очень не хочется быть улиткой и видеть стенки только своей раковины, жить по принципу «моя хата с краю». Ваш подвиг был нужен не только спасённым Вами людям, их родным и близким, но и всем нам.

Не нужно думать, что каждый, узнав о Вас, сразу же станет сильным и благородным и тут же кинется тушить пожары, спасать утопающих или вытаскивать из расщелины в горах альпинистов-неудачников. К сожалению, не у всех хватит для этого физи-

ческих и душевных сил. Но повнимательней относиться к окружающим, стать хоть немного добрее и отзывчивее к ним, не так резко относиться к чужим ошибкам и слабостям может и должен каждый».

Письмо от М. Левитина, город Сходня Московской области:

«Я сам занимаюсь подводным спортом и потому хорошо представляю, что тебе довелось пережить, прочувствовать, совершить. Это — на грани неправдоподобного.

Ты должен знать, Шаварш, что миллионы людей восхищены твоим подвигом, гордятся им. На этом подвиге будет учиться вся советская молодёжь, все люди».

Письмо от Иды Георгиевны Сыроватской из станицы Кубанской Апшеронского района Краснодарского края:

«Как я была бы счастлива, будь у меня такой сын! Дорогой ценой заплатили Вы за спасение людей, могли погибнуть, но меньше всего думали о себе. Какие прекрасные люди Ваши родители, воспитавшие таких детей. Я мысленно разговариваю с Вами, любуюсь Вашим портретом, добрым, мужественным лицом. Я врач и оцениваю Ваш поступок с позиции своей профессии. Если бы все люди жили по таким меркам, как прекрасна была бы жизнь!»

Письмо из Уфы от А. Резеды родителям Шаварша:

«Скоро мне исполнится 20 лет, но с серьёзными жизненными испытаниями мне ещё сталкиваться не приходилось. Но если наступит такой час и я испугаюсь, то мне будет стыдно перед вашим сыном, перед людьми.

Когда знаешь, что есть такие люди, как Шаварш, то не позволишь себе обойти стороной чьё-то горе, большое оно или маленькое... И я твёрдо решила, что усыновлю и воспитаю девочку и мальчика. Знаю, что мне будет нелегко (потому что все кругом будут против этого), но я теперь верю в помощь людей добрых и отзывчивых. Теперь я знаю, что такие люди есть».

Письмо от Лилианы Михайловны Шапиро из города Дзержинска Горьковской области:

«Дорогой, бесценный человек, солнышко, день тебе добрый! Опять публикация в «Литературке» перевернула всю душу. Какое же счастье узнать, что есть такой человек! Низкий поклон и благодарность твоим папе и маме, подарившим людям таких сыновей. Низкий поклон и благодарность тебе, настоящему человеку.

Если б я верила в бога, день и ночь молилась бы на коленях, чтобы он послал тебе доброго здоровья, чтоб ты поскорее поправился, чтобы счастье и удача всегда сопровождали тебе, чтоб жизнь отпустила тебе радость без меры.

Я не верю в бога, но верю в биотоки, в способность чувств материализоваться, и каждый вечер я исступлённо твержу: «Всё будет хорошо, Шаварш поправится, и вернётся к нему здоровье». Может быть, мои слова долетят до тебя. Поправляйся, солнышко жизни нашей. Силы духа тебе не занимать. Пусть фортуна будет благосклонна к тебе, она, дура, далеко не всегда поворачивается лицом к хорошим людям.

И ещё хочу попросить у тебя прощения за тех, кто не поблагодарил тебя за спасение самого дорогого, что есть у человека. Знай, что ты не только национальный герой Армении, что ты герой всех республик, всей нашей страны. Как дети говорят, «всехний».

У меня растут три внука. Старшему всего шесть лет. Но он уже знает, кто такой Шаварш Карапетян, со временем узнают и другие. Твой портрет висит в их комнате. Они запомнят тебя на всю жизнь».

Письмо из Москвы от спортсменов известной «Школы самбо-70», руководимой Давидом Рудманом:

«Мы спортсмены-самбисты, и мы понимаем, что спорт — это вторая жизнь человека. Ваш подвиг выше любых спортивных достижений. Ваши рекорды были ступень-

ками к подвигу. Мы будем учиться у Вас мужеству и самопожертвованию для людей. Мы верим, что Вы воспитаете замечательных спортсменов, которые будут готовы повторить Ваши подвиги в спорте и в жизни».

Но есть и другие точки зрения на поступки Шаварша. Вот, к примеру, что рассказал его товарищ, научный сотрудник Вальтер Айдинян:

— В одном из совхозов организовали встречу с Шаваршем. Встретили его, как самого близкого человека, много говорили тёплых слов, много расспрашивали, советовались по самым разным жизненным вопросам и проблемам.

Но один человек был задумчив. Потом, когда мы остались с ним вдвоём, он произнёс: «Нет, что-то здесь не так. Не мог он столько человек спасти».

Я пытался было объяснить ему, что всё это видели буквально тысячи людей, что знаю Шаварша много лет, таков он и есть, так он устроен. Но вскоре убедился, что мой собеседник всё равно ничего не поймёт, потому что ТАК ОН УСТРОЕН. Этот человек наверняка будет спасать только себя...

Львовянка Надя Савчук спрашивает Шаварша о том, как закалить силу воли, какие качества, по его мнению, самые важные в жизни.

— Пока я затрудняюсь ответить этой девушке. Прежде всего, я считаю, что не имею морального права поучать. Жизненные ценности общеизвестны, об этом столько написано умнейшими людьми. Остаётся только научиться следовать им.

Как закалить силу воли? Тоже не знаю. Может быть, всегда стремиться делать то, что нужно, а не то, что хочется? И бояться хотя бы раз изменить этому принципу. Я всегда воспитывал в себе способность делать что-то через не могу. В этом мне очень помог спорт.

Однако думаю, что девушке воспитывать в себе спартанские качества не столь обязательно, как мужчине, всё-таки главное в женщине — женственность. Помнишь, как ответил Маркс, когда его спросили, что он больше всего ценит в женщине? — «Слабость». И всё же уметь делать то, что нужно, а не то, что хочется, это важно для всех.

Строки из письма Виктора Н. из Луцка: «...В моей жизни было много ошибок, и я от них не прячусь. Так получилось, что дружба с моими знакомыми сводилась только к бутылке. Узнав про тебя, Шаварш, я был потрясён. Я не находил себе места. Ты дал мне огромный заряд на будущее. Как мне хотелось бы иметь такого друга, как ты...»

— Мне везёт на хороших и добрых людей, — говорит Шаварш. — В жизни каждого человека окружающие его люди играют свою роль, часто решающую. Виктору в этом смысле не повезло. Однако в этом невезении есть и его вина. Хорошо, что он стремится выпутаться из трясины, в которой, видимо, всё ещё находится. Но если он верит в друга, как в панацею, ничего из этого не выйдет. Это вера слабого человека. Я так ему и написал...

Писем от людей, сбившихся с пути, немало. Вот ещё одно — из Улан-Удэ, от несовершеннолетних воспитанников трудовой колонии:

«Сегодня на общем собрании мы обсуждали очерк Геннадия Бочарова, опубликованный в «Литературной газете»: «Что человек может». В зале клуба, где происходило собрание, не было ни одного равнодушного, все были восхищены Вашим героическим поступком. Он заставил нас задуматься: «А что можешь сделать ты? Способен ли ты на такое же? Что ты сделал хорошего в жизни? Для чего ты живёшь?»

Трудно передать, Шаварш Владимирович, как взволновал нас Ваш поступок. Мы читали и перечитывали этот очерк и говорили, говорили, говорили.

Мы обещаем Вам, что отличным трудом и учёбой докажем, что и в нас можно верить. Мы выйдем на свободу другими людьми, и Ваш поступок сыграет в этом немалую роль». И десять подписей.

Находясь в командировке в Улан-Удэ, я посетил эту колонию. Хотел встретиться с кем-нибудь из ребят, подписавших письмо. Но прошло уже много времени, и никого из них в

колонии не оказалось. Удалось разыскать лишь одного, Владимира Ковалёва — жителя Улан-Удэ, остальные разъехались кто куда.

— Да, всё так и происходило, — вспоминал Володя. — Шумное собрание было, и потом много говорили. Взял нас за живое очерк Бочарова. Но не все были единодушны, некоторые ребята посмеивались. С таких уже ничего не возьмёшь.

А письмо писал Андрей Базарный. Он получил девять лет за убийство. Убийство, хотя и неумышленное, но с отягчающими обстоятельствами — пьяная драка.

Нет, Андрей свой срок ещё не отбыл. Работает сейчас в тайге, лес валит, до него добраться трудно. Помню, он ту «Литературку» всё под подушкой держал, боялся, что стащат. Тяжело переживал, несколько ночей не спал, потрясение у него было сильное.

Ещё помню, как он о Шаварше долго говорил вдвоём с писателем Исаем Калашниковым, нашим другом, часто он у нас бывал. Исая Калистратовича уже нет в живых, хороший был человек.

А Андрюха человек горячий, азартный. Вот я и думаю, он теперь свой случай, чтобы так же, как Шаварш, проявить себя, искать будет.

Ну а когда письмо Шаварш Владимирович нам прислал, так настоящий праздник был...

В письме Карапетяну бортпроводница Ташкентского аэропорта Хатыре Джамалова рассказывает, как несколько лет назад был убит её муж. Он шёл с работы и вступился за человека, на которого напали хулиганы. Было не так поздно, мимо шли люди, но они не вмешались.

— Наверное, мы бы не удивились, — говорит Шаварш, — если бы женщина, пережившая такую трагедию, сожалела о поступке мужа, назвала его безрассудным, предостерегала всех от подобных действий. Но ведь нет. *«Я считаю, — пишет Хатыре, — что муж иначе поступить не мог. Не имеет значения, кого спасать, за кого заступиться. Не пройти мимо — наш человеческий долг».*

Телеграмма из Тюмени: *«Дорогой сынок, благодарю судьбу, что опять пощадила тебя. Ты помогаешь нам жить, верить в людей. Выздоровливай скорее, живи долго и счастливо. Пуртова Ираида Ниловна».*

Читая почту Шаварша, я обратил внимание на то, что телеграммы и открытки от этой женщины приходят довольно часто. Обычно это поздравления с праздниками. Обнаружил я и письмо от Ираиды Ниловны. Она поведала о своём горе. В 1973 году утонул её 26-летний сын. Люди видели, но никто не помог.

Я списался с Ираидой Ниловной и вот что ещё узнал.

Володя был инженером. Добрым, отзывчивым парнем. Поехал в отпуск на Днестр вместе с женой. Плавал плохо и попал в водоворот. Стал звать на помощь. На берегу сидели люди, выпивали. Потом они сказали: «Что ж, в войну погибло двадцать миллионов». Жена Володи — отличный пловец, но тоже в воду не бросилась. Она оправдывалась иначе: «У Володи в туфлях на берегу лежало двести рублей. Я боялась их оставить — украдут».

Страшно читать эти слова. Так женщина оценила жизнь мужа, отца её ребёнка.

На руках у Ираиды Ниловны остались внуки. Они удивляются, почему бабушка так строго с них спрашивает за всё. Она отвечает: «Хочу, чтоб вы были лучше». Считает, что умеренность в запросах не толкает добывать средства для красивой жизни.

«Чувствую, что Шаварш достойно и честно выдерживает испытание известностью и славой, — пишет Ираида Ниловна. — О нём нужно писать. Пусть восторженствует истина и красота человеческих поступков».

Пятый «Б» был трудным классом. Если не сказать — тяжёлым. Иные школьники ходили на занятия, когда им вздумается. Об успеваемости и вообще можно было б не упоминать, потому что хорошая успеваемость с плохой дисциплиной никогда рука об руку не ходят.

Один за другим менялись классные руководители, родителей вызывали в школу группами. Однако никаких результатов эти меры не приносили, и пятый «Б» прочно держал «лидерство» среди самых неблагополучных классов 150-й ереванской школы. В общем, Анаида Степановна Тер-Папян, молодая учительница французского языка, приняла классное руководство с тяжёлым сердцем.

С первых же дней она увидела, что заводилой в классе — Серёжа Аракелян. Правда, Анаида Степановна отметила про себя, что после очередного «подвига» мальчишка никогда не прячется за спины других, что он смел и сообразителен, что у него открытое лицо. Как бы в подтверждение этим наблюдениям произошёл небольшой эпизод. Серёжа нашёл в раздевалке на полу чьи-то электронные часы и принёс их в учительскую. В ином случае Анаида Степановна ничего в этом особенного не усмотрела бы, ведь присвоить кем-то утерянную вещь — то же, что и украсть. Тем не менее учительница обрадовалась: Серёжа парень неплохой, просто нужно помочь ему.

Однажды после уроков Анаида Степановна прочтала ребятам статью о Шаварше Карапетяне, напечатанную в «Комсомольской правде». По глазам детей она поняла, как взволновала их статья. Класс гудел: «А сколько ему лет? А чем он сейчас занимается? А можно встретиться с ним? Интересно, какой Шаварш из себя?»

Однако ни на один из вопросов Анаида Степановна ответить толком не могла, ведь пока она знала не больше, чем её воспитанники, а статья в газете была не такая уж большая.

«Давайте пригласим Шаварша Карапетяна к себе», — предложил кто-то.

На очередной сбор пионерского отряда пятого класса «Б» приехал Шаварш. Рассказал о себе. Так завязалась дружба.

Через некоторое время Анаида Степановна стала замечать, что ребята будто секрет от неё какой-то затаили. На переменах, сбившись в группу, шепчутся, после уроков опять что-то украдкой обсуждают. Но давно известно, что любую тайну, если ею владеют более двух человек, сохранить трудно. Когда Анаида Степановна случайно узнала, что это за тайна, она успокоилась, хотя по-прежнему делала вид, что ни о чём не подозревает.

А дело было вот в чём. Ребята организовали «тайное общество», деятельность которого состояла в помощи одиноким старикам и старушкам. Мальчишки выполняли у них дома всякую нехитрую домашнюю работу: убирали, ходили в магазин. Ребята привлекли в общество и девочек, поручив им разыскивать адреса нуждающихся в помощи. Ну а руководителем «тайного общества», как можно догадаться, был избран всё тот же Серёжа Аракелян. На первом заседании обществу было присвоено название — «Шаваршевцы».

Когда Шаварш узнал обо всём этом, он смутился, удивился и спросил:

— А почему ваше общество — тайное?

— Настоящий герой, — ответил Серёжа, долго остаётся неизвестным. О вашем подвиге на водохранилище все узнали только через шесть лет. И вы ведь очень не любите рассказывать о своём мужестве.

Пионерский отряд пятого «Б» добился, наконец, права именовать себя отрядом имени Шаварша Карапетяна. Вскоре ребята из ереванской школы узнали, что его имя носит и один из отрядов 550-й московской школы. Завязалась переписка. В январе 1985 года москвичи приехали в гости к своим ереванским друзьям и к Шаваршу Владимировичу. Целую неделю провели вместе.

А через некоторое время Шаварш был по служебным делам в Москве, и в один из его свободных дней мы с ним приехали в гости к пионерам 550-й школы. Шаварш отвечал на вопросы ребят. И я видел, как он старается быть с ними предельно честным, искренним, отбросив разницу в возрасте.

— Шаварш Владимирович, вы — человек, обладающей большой силой воли. Вы умеете заставлять себя делать то, что необходимо. А как быть, если ничего не хочется делать?

— Ничего не хочешь — не делай, а то наломаешь дров. Спокойно подумай. И когда поймёшь, что делать всё-таки надо, берись за работу. А если уж взялся, то делай так, чтоб не было стыдно.

— Расскажите, пожалуйста, о своём детстве.

— Ох, ребята, если я стану рассказывать вам всю правду и вы решите подражать мне, то вашим учителям и родителям придётся хлебнуть горя. Ну да ладно, про один позорный случай я всё-таки поведаю.

И рассказал, как прыгнул с третьего этажа школы.

— Вам было страшно во время пожара?

— Да, было. Если сказать честно, то страшнее, чем в истории с троллейбусом. Там, на водохранилище, я находился в своей среде. Я спортсмен-подводник и потому мог предвидеть почти всё. Но пожар — дело другое.

— Кто ещё помогал пожарным в тот день?

— Нас было много. Но особенно мне запомнились 14—15-летние мальчишки. Они работали так отважно, так здорово, что рядом с ними трусить было просто стыдно. Единственное, что мне не понравилось, — ребята сбежали с урока. Разные, конечно, бывают обстоятельства. Но мне кажется, прогул — происшествие чрезвычайное. Потому что учёба — дело серьёзное.

— Как вы переживали неудачи, поражения?

— Ох, тяжело переживал. Уметь проигрывать — серьёзная наука. Главное, проиграть достойно. Даже, извините, в потасовке. Драться, конечно, плохо, но ведь какой мальчишка хоть раз да не подерётся?

— Шаварш Владимирович, почему вы с готовностью идёте на верную смерть?

Шаварш сначала засмеялся. Потом, помолчав, сказал:

— Я ещё не собираюсь умирать. И не собирался никогда.

— Можно ли готовить себя к подвигу?

— Давайте, ребята, поставим вопрос иначе. В жизни мы сталкиваемся с разными сложными ситуациями. Можно ли готовить себя к ним? Да, можно и нужно. Например, вы узнали, что произошло какое-то чрезвычайное события стихийное бедствие, катастрофа. Или вы оказались невольными свидетелями происшествия. Или прочитали о нём в газете, в книге. Постарайтесь проанализировать ситуацию с тем, чтобы найти в ней место для себя, для своих возможных действий.

— Шаварш Владимирович, у вас железные нервы. Это от природы?

— Нервы, ребята, у меня самые обычные И не такие уж крепкие...

По пути из школы я заметил Шаваршу, что порой он высказывает детям соображения, которые вряд ли согласуются с устоявшимися педагогическими прописями.

— Может быть, ты и прав, — ответил он. — Но ведь дети так остро чувствуют любую фальшь.

Утром следующего дня мы с ним отправились в подмосковный Зеленоград, у обоих там были дела. Он со своими не успевал, а в пять часов нас ждали в Москве. Я уехал раньше предупредить о том, что Шаварш задерживается. Но он так и не приехал. Вечером он позвонил мне и сказал, что, возвращаясь из Зеленограда, попал в автомобильную катастрофу. Обе столкнувшиеся машины оказались разбитыми вдребезги. Но люди физически не пострадали, бывает же такое! Физически... Я тут же приехал к Шаваршу в гостиницу и застал его в сильном душевном потрясении, он не мог скрыть этого. Выдержка человеческая не беспредельна. Нервы у него, действительно, не самые крепкие.

Во время одной из встреч со школьниками Шаварш рассказал о своём деде, о том влиянии, которое оказал на него и братьев этот добрый и мудрый человек. Ребята узнали о том, как деду дважды приходилось спасать тонущих людей. Услышав эту историю, один

девятиклассник спросил, есть ли прямая связь между поступками деда Самсона и историей на Ереванском водохранилище.

— Вряд ли, — ответил Шаварш. — Поступки помогают нам лучше понять людей. А также посмотреть на самого себя как бы со стороны. Любой же самостоятельный поступок ты совершаешь, соразмеряя своё «я» с конкретными обстоятельствами. При этом всегда оцениваешь важность ситуации, необходимость своего участия, действия.

Когда я увидел упавший в воду троллейбус, я не вспоминал, конечно, деда, было не до этого. Но убеждён, что в человеке должна всегда жить готовность к экстремальной ситуации, не к какой-то конкретной, а вообще. В таких случаях обычно нет времени на обдумывание, на просчитывание вариантов. Главное, в тебе должна постоянно жить мысль: «Надо. Смогу». Думаю, что в воспитании такой готовности поступок деда Самсона сыграл немало важную роль. И не нужно ждать, когда ты станешь взрослым и будешь готов на поступок...

Шаварш мог бы рассказать ребятам одну поучительную историю, которая помогла бы им вообразить себя в экстремальной ситуации. Однако к тому времени она ещё не произошла.

А история такова. В одном из небольших сёл, что в полутора часах езды от Еревана, живёт девятилетний мальчик Дереник Саркисян. Как-то пасмурным апрельским днём Дереник шёл из школы домой. Путь его пролегал по деревянному мостику, перекинутому через ручеёк, который из-за таяния горных снегов и прошедших накануне дождей разлился так, что превратился в бурную реку — так высоко поднялась в нём вода. А в это время по другому мостику, что был неподалёку, ехал на велосипеде к своему дедушке трёхлетний Акопик. Не мог Акопик знать, что ехать по этому мосту опасно — старый он был, почти совсем развалился, а взрослые и не подумали о том, чтобы вовремя его разобрать или отремонтировать. Да и привыкли, видно, они к тому, что по деревне течёт всего лишь ручеёк, который обычно переходят, даже не замочив одежды. Вот и получилось, что на самой середине мостика одна дощечка съехала в сторону и малыш рухнул в воду.

Увидев, как вода подхватила и понесла Акопика, Дереник тут же бросил сумку и помчался вдоль берега вниз по течению, с тем чтобы попытаться поймать малыша. Вот он вошёл в ледяную воду и, оступившись, едва устоял на ногах. Волна накрыла его с головой. Малыш был уже совсем близко, ещё секунда — и Дереник не успел бы сделать то, что задумал. В этот момент он увидел чуть в стороне крупный камень, сделал ещё три шага, опёрся о него телом и крепко ухватил малыша. Тот не кричал и даже не вцепился в своего спасителя: видимо, даже не успел испугаться, понять, что произошло. Однако воды хлебнул достаточно.

Дереник осторожно понёс Акопика к берегу, затем ухватил за ноги и, подняв над землёй, стал трясти, пока из малыша не вылилась вода. Как он догадался это сделать, Дереник потом и сам объяснить не смог.

Пока Дереник нёс Акопика домой, на улицу выбегали жители, охали и вздыхали, вся деревня высыпала. Ребятишек растёрли спиртом, напоили чаем, уложили в постель. Однако Акопик даже не простудился. Когда же на другой день он вместе с мамой пришёл проведать Дереника и увидел его в постели, то очень удивился: «Ты почему сегодня не пошёл в школу?» И ещё он не мог понять, почему Дереник не спас велосипед. Однако Дереник не отвечал, жар у него был сильный. Через два дня ему стало уже лучше, и тогда он сказал бабушке: «Я знаю, что я молодец. Меня похвалил бы сам Шаварш Карапетян».

Тогда бабушка и решила послать письмо Шаваршу. Адреса его она, конечно, не знала, а потому написала на конверте всего лишь: «Ереван. Шаваршу Карапетяну». Надеялась, что письмо всё равно дойдёт. Она не ошиблась.

Не долго раздумывая, Шаварш приехал к Деренику. Мальчик всё ещё находился в постели, но чувствовал себя уже неплохо. Шаварш не стал расспрашивать его о случившемся,

все подробности ему уже были известны от родителей Дереника и бабушки.

— Ты хороший парень, — сказал Шаварш. — Только не зазнавайся. В Ереване был когда-нибудь? Нет? Тогда милости прошу ко мне в гости. Хочешь стать спортсменом? А плавать умеешь? Нет? Тем более жду тебя в Ереване, обязательно научу тебя плавать.

А вскоре Шаварш прочитал в газете Указ Президиума Верховного Совета Армянской ССР о награждении Дереника Саркисяна медалью «За спасение утопающих».

Бросаясь в воду, девятилетний мальчишка конечно, не вспоминал про Шаварша Карапетяна, о котором ему столько приходилось слышать. Но в том, что Дереник именно такой, каков он есть, — немалая заслуга его кумира. Герои живут в нас подчас помимо нашего сознания. Они помогают нам становиться лучше, добрее, сильнее.

«Я воевал в двух войнах, видел многое, — пишет Г. А. Смирнов из Горького. — Ваш подвиг, Шаварш, сравним с самыми выдающимися военными подвигами, с самыми сильными проявлениями человеческого духа». Таких писем тоже много.

— Так получилось, — говорит Шаварш, что обо мне написали в газетах. Но сколько экстремальных ситуаций возникает в нашей повседневной жизни! И люди очень и очень часто ведут себя в них так, как подобает. Просто мы мало о чём узнаем. Бывает поступок — вспышка, кратковременная концентрация духа, воли. Но случаются ситуации потруднее. Однажды я прочитал, как в осаждённом Ленинграде группа учёных-селекционеров сберегла для потомков отборные сорта пшеницы — тонны зерна. Люди умирали с голоду, но зерно не тронули. И так — все девятьсот дней! Вот оно, самое сильное, самое высокое проявление мужества. Я был потрясён, я спрашивал себя: «Ты смог бы так?» И не находил ответа.

Я приехал в Чернобыль через несколько дней после аварии на атомной станции. И вскоре опубликовал в «Советском спорте» репортаж о подвиге пожарных при ликвидации аварии. Через месяц мы встретились в Ереване с Шаваршем. Он достал газету, и я увидел подчёркнутые строки:

«Когда солдаты в бою поднимались в атаку и шли грудью на пулемёты, то они всегда знали, что у них остаётся шанс выжить. У Правика и его товарищей этот шанс был призрачным. Они ясно осознавали, на что идут. Решалась судьба станции. Но вместе с тем и нечто неизмеримо большее.

Некоторое время спустя, когда в зону, где действовал Правик, пытались войти другие и помочь, лейтенант крикнул им: «Уходите отсюда быстро! Я закончу здесь сам. А МНЕ УЖЕ ВСЁ РАВНО!»

— А у меня шанс был, — сказал Шаварш. — Вот и вся разница.

Понимаю, он хотел сказать, что не нужно преувеличивать значение того, что он совершил.

Однако я не сомневаюсь, что на месте лейтенанта Правика сам Шаварш поступил бы точно так же. Как поступили, несмотря на запрет лейтенанта, его бойцы.

«Время выдвигает своё слово, — писал Андрей Битов. — И слово это — ПОСТУПОК. Способность к поступку — основной признак мужчины. Всё остальное можно считать вторичными половыми признаками, почти как окраску петуха или фазана. Поступок требуется не каждый день и исключительно редок. А подвиг... Они, конечно, были, есть и будут в наше удивительное время. Но ведь вот даже возникают непонятные дискуссии: «В жизни есть место подвигам? В жизни нет места подвигам?» Бессмысленно ведь спросить: «В жизни есть место поступкам?» Поступок — форма воплощения человека. Он неприхотлив на вид и относительно труден в исполнении. Подвиг требует условий, подразумевает награду. Восхищение, признание, хотя бы даже посмертные, для него обязательны. Поступок существует вне этого. И подвиг я могу понять лишь как частный вид поступка, способный служить

всеобщим примером».

И всё ж на сильный поступок, на высшее проявление духа способен далеко не каждый даже очень хороший человек.

— И нельзя ставить ему это в упрёк, — не раз убеждал меня Шаварш. — Нельзя с человека слишком строго спрашивать.

Наверное, он прав. Как написал Шота Руставели, «только то, что есть в сосуде, может вылиться обратно». Знаю одного очень слабохарактерного человека. Этот человек — друг Шаварша. Знаю и то, что Шаварш ни разу не посмел упрекнуть его в бесхарактерности.

— Но почему? — спросил я однажды.

— Не имею на это права, — ответил Шаварш. — Он взрослый человек. И очень хороший. К тому же сам страдает от своей слабости. Зачем же сыпать соль на рану?

— Но ты же мог бы помочь ему стать другим.

— Нет. Каждый должен воспитывать себя сам.

На этот раз он показался мне неубедительным. Впрочем, я не считаю Шаварша абсолютно идеальным и надеюсь, что в книге он не выйдет сверхчеловеком. Да и есть ли такие люди вообще?

Для меня важнее другое. Мы не были знакомы до того, как подвиги Шаварша Карапетяна получили всемирную известность, но убеждён, что строй его души, взгляды на жизнь, на людей, на самого себя эта громкая слава никак не изменила. Каков он был, таков и остался.

Я счастлив тем, что пишу о Шаварше Карапетяне не кривя душой и совестью. Снова и снова перечитываю письма в адрес Карапетяна. И думаю об исцелении душ.

Трудно было Шаваршу Карапетяну. Трудно быть Шаваршем Карапетяном. Постоянно ловить пристальные взгляды знакомых и незнакомых, не только восторженные, но и пытливые, настороженные: «Кто ты теперь, прошедший огонь и воду? Не стала ли жизнь твоя нескончаемым шествием вдоль строя трубачей?»

Однажды мы с Шаваршем, его родителями и Нелли торопились в неблизкий район Еревана в гости к спасённой Шаваршем Терезе Согомонян и её мужу Самвелу. Ехали к семи часам, но явно не успевали, потому что Шаварш никак не мог купить букет цветов для Терезы. Дело происходило в воскресенье, и все цветочные киоски были уже закрыты. Но вот Шаварш вернулся в машину с великолепным букетом роз, сел за руль и весело замурлыкал что-то себе под нос. Я тогда ему сказал:

— Может быть, поедем чуть побыстрее? Чуть-чуть нарушая правила?

Но он покачал головой.

— Неужели никогда не нарушаешь?

— Раньше, случалось, нарушал, когда торопился. А теперь не могу.

— Но почему?

— Не понимаешь?.. Я так поеду, а кто-то со стороны увидит и подумает: «Вон поехал нахал Карапетян, ему всё можно».

Вот ведь что у него получается: слава может и унижить, если она — щит, или меч, или банковский чек. Для него — вексель. Он отработал этот вексель — так считают все. Кроме него самого. Таково его человеческое достоинство.

Он никогда не козырнёт, не воспользуется своим именем. Таково его человеческое достоинство.

Он понимает тех, ради кого едва не погиб и кто не поблагодарил его за спасённую жизнь. Он не клеймит даже трусов и снисходителен ко многим слабостям других. И в этом тоже его человеческое достоинство.

Он настойчиво расставляет всё по своим местам в истории с пожаром. Без усталости по-

вторяет, что таких, как он, там было много. Что десятки тысяч людей в Армении на его месте поступили бы так же. И как восторгается теми мальчишками! В этом тоже его человеческое достоинство.

Досрочно, всеми правдами и неправдами выписавшись после пожара из больницы, он, вопреки запретам врачей, поторопился выйти на работу. Не будь этой известности, может, и полежал бы, ведь так худо ему было! Но чужд ему — искренне, глубоко, органично — чужд ореол героя-страдальца. И в этом тоже его человеческое достоинство.

Из огромной почты Шаварша я старался выбрать письма наиболее интересные, яркие, характерные — те, которые выражают главное в отношении людей к моему герою. И чуть было не умолчал о высочайшей оценке, которую дали поступкам Шаварша те, кто написал на конверте перед именем адресата: «Герою Советского Союза». А ведь таких конвертов — тысячи. Почему же не сразу я решился сообщить об этом?

Да потому, что останавливал меня мой же собственный осторожный «внутренний редактор», который жил в нас, журналистах, долгие годы. Да, как видно, не умер и по сей день. «Кто это пропустит! — сдерживал он меня. — Мужество Шаварша уже отмечено орденом «Знак Почёта», и все разговоры о справедливости или несправедливости награды будут расценены как сомнение в объективности тех, кто принимает столь важные решения».

А тем временем народ, от имени которого и должны вручаться высокие награды Родины, решительно выражал свою волю:

«Драма позади, но подвиг Шаварша должен остаться в памяти навсегда. Просим Президиум Верховного Совета СССР присвоить Ш. Карапетяну звание Героя Советского Союза.

По поручению коллектива (25 подписей). Тернопольская область».

«Я ветеран войны, полковник запаса. Я знаю: если бы санитар за один час вынес с поля боя 20 тяжелораненых, он был бы отмечен высшей наградой Родины. Шаварш действовал не по приказу старших, не при исполнении служебных обязанностей. Он действовал по приказу своего сердца, по велению партийной совести. Он достоин звания Героя Советского Союза. М. Шейнин, Чернигов».

«Спасая двадцать человек, Шаварш совершил не спортивный, а нравственный подвиг. По своей впечатляющей моральной силе этот подвиг ничуть не менее значимый, чем подвиги советских людей в годы войны. Его пример имеет чрезвычайное воспитательное значение. Необходимо поставить вопрос о присвоении Шаваршу звания Героя. Г. Цовьялов, член КПСС с 1940 года, участник войны, кандидат педагогических наук. Москва».

Такое же мнение высказали незадолго до смерти и выдающийся грузинский писатель Нодар Думбадзе, и народная артистка СССР Фаина Раневская...

Мнение народа было выражено недвусмысленно и в письмах самому Шаваршу, и в посланиях в редакции газет и журналов. И наконец один из лучших советских очеркистов Геннадий Бочаров, писавший, как вы помните, о подвиге Шаварша, решился подытожить эту почту. 29 апреля 1987 года в «Литературной газете» был опубликован его материал «Что стоит подвиг?» — острый, бескомпромиссный, смелый.

«Сегодня лжеорденоносцы на слуху у всех. Большинство из них уже почувствовали себя неуютно. Те, у кого ещё вчера пиджаки трещали от звёзд и орденов за проваленную пятилетку, за миллионы тонн мокрого риса, за существующий лишь на бумаге хлопок, за долголетие, теперь припрятали награды. Может, стыдно, а может, и боязно...»

Рассказав об оценке народом подвига Шаварша, Бочаров продолжает:

«Десятки, а то и сотни подписей под подобными письмами — факт вообще-то поразительный. Люди разные — разные по возрасту, по опыту, по отношению к жизни, даже по своим обидам на судьбу, — а в этот момент они одинаковы. В этот момент они родственные души. Единый порыв, единое настроение, единое восхищение чьим-то благородством,

чьей-то человеческой высотой — вот что объединяет этих людей.

За последние 20 лет я не знаю ни одного случая, когда бы мнение людей в оценке подвига и героя было бы так единодушно. Не знаю...

...Подвиг Карапетяна был отмечен и официальной наградой — орденом «Знак Почёта»... Никто, ни один читатель не отозвался плохо об ордене. Наоборот, каждый подчёркивал: орден достойный, им награждены десятки тысяч людей и вполне справедливо гордятся этим. Речь шла о другом — о канцелярском, формальном подходе к награде Шаварша. Об игнорировании мнения людей. О недооценке того, что совершено этим необыкновенным человеком (именно необыкновенным, именно героем, ибо он, Шаварш, как известно, и после своего знаменитого подвига совершил ещё один, закончившийся для него реанимацией: участвовал в борьбе с огнём при пожаре на Ереванском спортивно-концертном комплексе. И опять же, как известно, до события на водохранилище Шаварш спас ребят на одной из горных дорог Армении)...

...Настало время, когда нужно внимательно прислушиваться к тому, о чём говорит народ. В том числе и в таком политически важном деле, как награждение особо отличившихся. Ордена и медали Родины — по идее — вручаются от имени народа. Народу и решать.

...В обиде те, чьё мнение проигнорировано. Те, кто ощутил себя нравственно обеднённым. Те, кто убеждён: герои, побудившие миллионы людей посмотреть на жизнь, на человека, на его величие и возможности другими глазами, недостаточно признаны...»

Книга живёт дольше статьи, и то, что актуально в статье, иной раз устареет в книге. Но книга и создаётся дольше — сданная в редакцию рукопись проходит длинный производственный цикл. В этом есть одно преимущество: в рукописи можно что-нибудь изменить, вслед за меняющейся жизнью. У меня была такая возможность — я ждал и очень хотел написать в книге о том, что Шаваршу Карапетяну присвоено звание Героя Советского Союза. Увы, не дождался.

Зато случилось другое. После первой газетной публикации о подвиге Шаварша ему присвоили звание... заслуженного мастера спорта СССР. Звание, конечно, справедливое для 13-кратного чемпиона Европы и 10-кратного рекордсмена мира, но вот что удивительно: документы на присвоение его много лет покоились на столах ответственных руководителей. Бюрократическую волокиту отменила лишь громкая слава. Или, быть может, Госкомспорт, несколько лет не замечавший спортивных заслуг Карапетяна, теперь испытал «чувство сопричастности»?

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. ПЛАНЕТА ШАВАРША

Сергей Королёв, Владимир Высоцкий, Георгий Жуков, Дмитрий Карбышев, Зоя Космодемьянская, Алексей Маресьев, Георгий Седов, Валентина Терешкова, Микалоюс Чюрлёнис, Василий Шукшин, Шаварш Карапетян... Каждое имя — Имя. Но почему я произношу их сейчас вместе? Что объединяет их? Увековеченная память человеческая. Увековеченная в космосе.

Ещё Иоганн Кеплер в XVII веке обратил внимание на непомерно большой «пустой» промежуток в Солнечной системе — между орбитами Марса и Юпитера. Но лишь два века спустя итальянец Пиацици обнаружил, наконец, в этом пространстве первую малую планету, которую назвали именем богини земледелия и плодородия — Цереры.

Ежегодно астрономы разных стран открывают новые малые планеты, которым по традиции кроме порядкового номера присваивают собственные имена.

И вот — планета Шаварша Карапетяна.

«Отныне эта неотъемлемая частица Солнечной системы будет именоваться — малая планета 3027 Шаварш» — из почётного свидетельства о присвоении названия малой планете 3027.

Эта планета была открыта известным астрономом Николаем Степановичем Черных в Крымской астрофизической обсерватории 8 августа 1978 года как объект 16,5-й звёздной величины в созвездии Водолея. Крымским астрономам удалось наблюдать её также 3 и 28 сентября 1978 года. На основании этих наблюдений американский астроном К. Бардвелл предвычислил её дальнейшее движение, что позволило учёным через некоторое время вновь отыскать её на небе.

В 1982 году её вновь сфотографировали на обсерватории Маунт Джонс в Новой Зеландии, а в декабре 1983-го и в феврале 1984 года — на американской обсерватории Окридж. Бардвелл также установил, что эту новую малую планету крымские астрономы уже находили на снимках звёздного неба. В 1974 году её обнаружила Людмила Ивановна Черных как слабый объект 17-й звёздной величины в созвездии Овна, а затем её изображение было найдено ещё на двух снимках. Наблюдения 1974 года оказались очень важными при уточнении орбиты новой малой планеты. По всем собранным наблюдениям Бардвелл определил её окончательную орбиту, а Международный центр по малым планетам (Смитсоновская обсерватория в США) занёс объект в каталог, присвоив ему порядковый номер 3027.

Неспроста я столь подробно рассказывал о многолетних муках «рождения» нового небесного объекта — всё, что лежало на поверхности, учёными давным-давно поднято, открыто, занесено в каталоги, справочники, учебники. Поиски и открытия стоят всё больших и больших трудов. Тем выше цена результатов!

Небесных объектов на каждом снимке несметное множество. Большинство из них имеет известное местоположение, траекторию движения, обозначение, наименование. Обнаружить новый можно лишь сопоставлением новых снимков с полученными ранее. Несмотря на применение сверхчувствительной съёмочной аппаратуры — с фотоэлектронными преобразователями, — привычное сравнение с поисками иголки в стоге сена здесь всё равно не годится, меркнет оно. Всё значительно сложнее.

Право дать название новой малой планете всегда принадлежит её первооткрывателю. Н. С. Черных выбрал для объекта 3027 имя Шаварш — в честь Карапетяна. В сентябре 1986 года Международный центр по малым планетам утвердил это название. Так впервые имя советского спортсмена вознеслось в далёкий космос и встало в один стремительно несущийся

щийся ряд античных героев и выдающихся деятелей современной цивилизации.

Малая планета 3027 Шаварш — твёрдое, вероятно каменистое, тело размером около 7 километров, светящее отражённым солнечным светом. Планета движется по эллиптической орбите вокруг Солнца с параметрами:

— среднее расстояние от Солнца около 400 миллионов километров;

— период обращения вокруг Солнца — 4 года 4,4 месяца.

Так что герой этой книги может подставлять свой небесный лик пытливым взорам землян нечасто. Однако, вооружившись необходимыми сведениями, планету Шаварш можно увидеть даже из школьных обсерваторий.

Очередное сближение малой планеты 3027 с Землёй произойдёт 6 октября 1988 года. Планету можно будет видеть в это время в телескоп как движущуюся точку 16,6-й звёздной величины в созвездии Рыб.

Когда удивительная весть пришла из Международного центра по малым планетам, я позвонил Шаваршу, поздравил его с космическим «вознесением». Сказал о том, что наукой рассматривается вопрос о возможном будущем использовании малых планет. Скажем, для добычи полезных ископаемых. И спросил:

— Представь себе, что тебе предложили бы полететь на «свою» планету. Что бы ты взял с собой?

Он рассмеялся и ответил:

— Ничего. Только чистый лист бумаги. Люблю начинать сначала.

Так оно и есть: что было раньше, для него не в счёт.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Глава 1. Уйти непобеждённым?	37
Глава 2. Не вспоминать нельзя	59
Глава 3. Семейный альбом	80
Глава 4. Зёрна и плевелы	113
Глава 5. Липо	131
Глава 6. В полный голос	149
Глава 7. За братом — братья	172
Глава 8. Постыжение скорости	183
Глава 9. На горной дороге	204
Глава 10. Не взыщи с ближнего	207
Глава 11. И вновь — тот день	225
Глава 12. Пожар	260
Глава 13. «Дорогой, бесценный человек!»	286
Вместо послесловия. Планета Шаварша	316

Литературно-художественное издание

Серия «Сердца, отданные спорту»

Вадим Викторович Лейбовский

ДВАДЦАТЬ ЖИЗНЕЙ ШАВАРША

Зав. редакцией *В. Л. Штейнбах*. Редактор *В. Я. Шабельникова*. Мл. редактор *А. Ю. Матвеева*. Художник *В. С. Лындин*. Художественный редактор *А. В. Амаспюр*. Технический редактор *Т. К. Верёвкина*. Корректор *Г. Б. Пятышева*. ИБ № 2198. Сдано в набор 07.07.87. Подписано к печати 17.12.87. А05774. Формат 70 × 100¹/₃₂. Бумага офс. № 1. Гарнитура Литературная. Офсетная печать. Усл. п. л. 13,0. Усл.-кр. отт. 26,33. Уч.-изд. л. 12,11. Тираж 100 000 экз. Издат. № 7821. Заказ 1353. Цена 90 коп. Ордена «Знак Почёта» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 101421, Москва, Каляевская ул., 27. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

Сканирование, OCR — Айвазьян Владимир

90 к.

Шаварш Карапетян —
заслуженный мастер спорта,
10-кратный рекордсмен мира,
13-кратный чемпион Европы,
7-кратный чемпион СССР,
победитель многих крупнейших
международных соревнований
по скоростным видам
подводного плавания.
Награжден орденом
«Знак Почета».

